

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, действительного члена Академии наук Республики Саха (Якутия) и международной Академии наук высшей школы, доктора исторических наук, профессора **Алексеева Анатолия Николаевича**

Якутск, 2021

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДОПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

*Сборник материалов Всероссийской научной конференции с
международным участием, посвященной 75-летию заслуженного
деятеля науки Республики Саха (Якутия), почетного работника высшего
профессионального образования Российской Федерации,
действительного члена Академии наук Республики Саха (Якутия) и
Международной академии наук высшей школы,
доктора исторических наук, профессора
Алексеева Анатолия Николаевича
(г. Якутск, 28–29 октября 2021 г.)*

Якутск, 2021

УДК (=1.924/-925.1)(063)

ББК 63.3(251)я43

A437

DOI 10.25693/Dopismlstorii.2021

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Редколлегия:

Брагина Р.И., д.и.н., г.н.с. ИГИиПМНС СО РАН (отв. редактор),
Дьяконов В.М., к.и.н., с.н.с. ИГИиПМНС СО РАН,
Соловьева Е.Н., н.с. Арктического научно-исследовательского центра РС(Я)

Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии:
Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, действительного члена Академии наук Республики Саха (Якутия) и Международной академии наук высшей школы, доктора исторических наук, профессора Алексева Анатолия Николаевича (г. Якутск, 28–29 октября 2021 г.). – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2021. – 191 с.: ил.

В сборник вошли сообщения и доклады участников Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, действительного члена Академии наук Республики Саха (Якутия) и Международной академии наук высшей школы, доктора исторических наук, профессора Алексева Анатолия Николаевича, которая состоится 28–29 октября 2021 г. в г. Якутске. В издании представлены результаты исследований по фундаментальным проблемам изучения древних и традиционных культур Северной Евразии; трансформации и адаптации, межкультурных взаимодействий народов и обществ; арктической археологии и палеоэкологии; истории русских поселений Севера; междисциплинарных исследований в археологии; охраны историко-культурного наследия, а также современного состояния и перспектив развития гуманитарного знания в Якутии, что в значительной степени отражает широкий спектр научных интересов А.Н. Алексева.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

- ❖ *Chlachula Jiri*. Досовременный человек Сибирской Арктики: фикция или реальность?.....6
- ❖ *Плотников В.В., Протопопов А.В., Климовский А.И., Naoki Suzuki, Love Dalen*. Палеоэкологические особенности в экстерьере ископаемого волка (*canis sp.*) из верхнего неоплейстоцена..... 12
- ❖ *Кандыба А.В., Павлов И.С., Зоткина Л.В., Дьяконов В.М., Протопопов А.В.* Комплексное изучение палеолитических объектов арктической зоны (местонахождение Муостах).....23
- ❖ *Павлов И.С., Зоткина Л.В., Кандыба А.В., Протопопов А.В.* Методические особенности трасологического изучения палеонтологического материала (Табауряхский мамонт, 2019 г.)..... 26
- ❖ *Понкратова И.Ю.* Что если по льду? О способах передвижения человека в Америку с Камчатки в древности.....29
- ❖ *Косорукова Н.В., Лукинцева В.А., Гринина Т.С.* Орудия охоты на памятниках эпохи мезолита - раннего неолита в бассейне озера Воже (север Вологодской области) 34
- ❖ *Takase K., Dyakonov V.M.* Functional analysis of stone tools from Yakutia..... 39
- ❖ *Коваленко С.В., Нестерова М.С.* Домостроительные традиции осиноозерской поздненеолитической культуры западного Приамурья..... 47
- ❖ *Шумкин В.Я.* Связи древнего населения русской Лапландии и Сибири по данным археологии и антропологии..... 52
- ❖ *Нестерова М.С.* Реконструкция элементов хозяйства населения кротовской культуры по остеологическим данным..... 59
- ❖ *Соловьёва Е.Н.* К вопросу о поливной керамике XVIII – начала XIX вв. г. Якутска (по материалам раскопок на ул. Ярославского, 31) 63
- ❖ *Рахматуллина О.Р.* Периодическая печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири второй половины XIX – первой половины XX вв. 70

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ, МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ И ОБЩЕСТВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

- ❖ *Томилов Н.А.* Культурно-хозяйственный комплекс тюркского населения Тарского Прииртышья XVI–XVIII веков: опыт этноархеологического исследования..... 77
- ❖ *Eric Crubézy, Sylvie Duchesne, Patrice Gérard, Liubomira Romanova, Christiane Petit, Michel Petit, Richard Prot, Olga Melnichuk, Rosalia Bravina, Ludovic Orlando, Anatoly Alexeev, Willy Tegel.* Nouvelles datations dendrochronologiques des tombes geées iakoutes. Implications pour une connaissance de l'élite iakoute entre 1750 et 1800 AD..... 81
- ❖ *Петров Д.М.* Номадические традиции якутов позднего средневековья и Нового времени.....87
- ❖ *Сыроватский В.В.* Погребальные памятники на территории г. Якутска (XVI–XVIII вв.): по результатам разведочных работ в полевом сезоне 2020 г. 93
- ❖ *Николаев Е.Н.* Способы добычи и рудоподготовки в традиционной якутской металлургии (этноархеологический аспект)..... 101
- ❖ *Бравина Р.И.* Классификация проушных топоров Якутии позднего средневековья и Нового времени.....105
- ❖ *Прокопьева А.Н.* Конское снаряжение в контексте сопроводительного инвентаря якутских погребений XVII–XVIII вв. как показатель социального положения женщин 110
- ❖ Ушницкий В.В. Туматский след в этнической истории саха.....115
- ❖ *Васильев В.Е.* О ритуальном погребении быка: огузский след в этногенезе северных тюрков-саха..... 121
- ❖ *Жукова Л.Н.* Артефакты древнеюкагирской культуры и их изучение.....127
- ❖ *Алексеева С.А.* «Оленные люди» на вечной мерзлоте: ментальность и символические коммуникации на Севере (к оценке проблемы).....133
- ❖ *Никитина С.Е.* Коммуникативные ресурсы социально-культурной истории сельского русского населения Якутской области в XIX веке..... 140
- ❖ *Соловьёв А.В., Борисова Т.В., Чердонова А.М., Никитина С.Е., Барашков Н.А., Васильева О.В., Алексеев А.Н., Федорова С.А.* Анализ линий Y-хромосомы у русских старожилов арктического побережья Якутии.....144
- ❖ *Тихонов С.С.* Предания о могиле хана Кучума (к вопросу о достоверности локальных преданий и глубине исторической памяти)..... 146

❖ <i>Цыбенков Б.Д.</i> Этнокультурные контакты дауров с другими этносами (по фольклорным материалам).....	151
❖ <i>Прокопьева П.Е.</i> Время древних людей в фольклоре лесных юкагиров.....	156
❖ <i>Ларионова А.С.</i> Структура стиха и напева в якутском олонхо «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева (по аудиозаписям полевых экспедиций в Нюрбинский улус 1968, 1975, 1982 и 1986 гг.)	162
❖ <i>Данилова А.Н.</i> Роль имени эпического героя в построении образа.....	168
❖ <i>Кузьмина А.А.</i> Электронные базы данных по якутскому героическому эпосу Олонхо.....	171
❖ <i>Чарина О.И.</i> Текст русского фольклорного произведения: особенности влияния фольклора соседних этносов.....	177
❖ <i>Покатилова Н.В.</i> Филологический дискурс в гуманитарной науке Якутии (об опыте интеллектуальной традиции 1920–1930-х годов).....	183
❖ <i>Шарина С.И.</i> Лингвистическая интерференция как материализация процессов межкультурных взаимодействий (на примере эвенского языка).....	184

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Chlachula Jiri^{1,2}

Poznan, IGG, Adam Mickiewicz University, Poland¹

Stare Mesto, Environmental Research Centre, Czech Republic²

❖ ДОСОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК СИБИРСКОЙ АРКТИКИ: ФИКЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Палеолитическое расселение в Сибирской Субарктике и Арктике стало центральной проблемой исследования, вдохновленной вопросами о древности человеческой колонизации этих крайних северных территорий и палеосредах, в которых жили первые люди. Контекстные геоархеологические и палеоэкологические исследования, проведенные на ранних стоянках на обширной территории от Северного Урала до крайнего северо-востока Сибирской низменности в последние десятилетия, позволили более детально интерпретировать региональные траектории последнего ледникового периода, эволюцию прошлых экосистем и климата [Kotlyakov et al., 2017]. Новые культурные находки и местонахождения, а также богатые палеонтологические находки, извлеченные из ископаемой вечной мерзлоты, способствуют реконструкции временных рамок и моделей ранней адаптации древнего человека. Криолитические образования представляют собой наиболее ценные свидетельства древних ландшафтов и экосистем Северной Сибири, которые использовались людьми ледникового периода.

Существуют убедительные доказательства присутствия людей среднего палеолита в Северной Евразии на различных этапах среднего и позднего плейстоцена [Rolland, 2008; Chlachula, 2017]. Самое раннее неоспоримое заселение Восточной Сибири, достигавшее 65° с.ш., предшествовавшее последнему межледниковью (>130 000 лет назад), представлено памятником Мунгхарыма II в бассейне реки Вилюй [Мочанов, 2010] и памятником Чингалах в центральной части бассейна Лены [Шараборин, 2015]. На обоих объектах найдены типичные среднепалеолитические каменные индустрии, носителями которых, как полагают, являются неандертальцы. Предположительно гораздо более ранние культурные записи из стоянки Дириг-Юрях [Мочанов, Федосеева, 2007] позволяют говорить об очень древнем (ранний Номо) обитании в Северной Азии, несмотря на трудности в определении возраста этого

памятника. В более широкой временной и географической перспективе досовременное заселение субарктических и арктических регионов России во время благоприятных межледниковых и межстадиальных стадий абсолютно ощутимо и научно обоснованно.

Распространению внутриконтинентального расселения на внутренние субарктические и прибрежные арктические области способствовала экологическая адаптация к лесотундровым и тундрово-степным местообитаниям. Основные долины рек Северной Якутии (Оленек, Лена, Яна, Индигирка и Колыма), впадающие в Северный Ледовитый океан, образовывали естественные физико-географические коридоры, позволяющие людям мигрировать на северные территории вместе с мегафауной плейстоцена, которая составляла основную добычу древних охотников. Существование биома мамонтовой фауны [Ukrainitseva, 2013] тундро-степей было основополагающим для пространственно рассредоточенного раннего заселения. Присутствие людей позднего среднего палеолита, расселяющихся в этих высокоширотных регионах Восточной Сибири (70–74° с.ш.), проявляется в хорошо сохранившихся обработанных и использованных костях, в основном мамонтов, носорогов, бизонов, лошадей и оленей, а также инструментах из бивней мамонта, предполагающих разнообразие функционального назначения. Археологические находки и связанные с ними палеонтологические данные из стратифицированных последних ледниковых участков с уникальными культурными инвентарями, запечатанными в неповрежденном контексте вечной мерзлоты, свидетельствуют о сосуществовании досовременных людей и фауны плейстоцена. Антропогенно обработанные ископаемые материалы вместе с другими примерами палеоэкологической среды улучшают восприятие позднеплейстоценовой колонизации самой северной части азиатского континента. Присутствие памятников (позднего) среднего палеолита на Полярном Урале, в прибрежной части северо-западной Сибири, на полуострове Таймыр и в (суб) арктической северо-восточной части Сибири является красноречивым свидетельством того, что люди неизвестной в настоящее время филогении достигли Арктики задолго до последнего ледникового периода (т.е. до 24000 лет назад) [Svendsen, Pavlov, 2003; Pitulko et al., 2016; Chlachula et al., 2014; Чепрасов и др., 2018].

Межстадиал MIS 3 / Karga (55–24 000 лет назад) оказался климатически наиболее благоприятным временным промежутком для позднеплейстоценового заселения Сибирского Севера. Хроностратиграфически наиболее документированные местонахождения из Средней Колымы (Ирелях-Сиене и Зырянка), бассейнов Яны (Юньюген) и Индигирки (Тирехтях) свидетельствуют о существовании

доверхнепалеолитического заселения, датированного радиоуглеродом 47–43 000 кал. лет назад и связанного с эксплуатацией мегафауны [Novgorodov et al., 2013; Chlachula et al., 2021]. Соответствующие палеоэкологические данные сообщают о лесных и парковых местообитаниях в более ранний межстадиальный интервал (~55–38 000 лет назад) и о мозаичных ландшафтах с извилистыми речными руслами и озерами среди тундровых лугов и открытых северных лесостепей [Kienast et al., 2005; Lozhkin et al., 2008]. Широколиственная растительность в современной тундровой зоне, задокументированная на полуострове Гыдан и в низовьях бассейна реки Таз, на северо-западе Сибири в торфяных и органических детритах, датированных >48 000 лет назад, показывает более теплый климат, чем в настоящее время [Chlachula, Czerniawska, 2019]. Умеренные межледниковые условия с среднегодовой температурой на 0,5–2,0°C были выше, чем сегодня, и повышенная влажность отмечаются на обширной территории Восточной Сибири от низовьев Лены до северо-востока Чукотки. Открытые леса с преобладанием лиственницы с ольхой и карликовой березой и травянистые тундровые луга были основными биотопами эпохи последнего оледенения (MIS 4–2) российской Арктики.

Орудия из кости и бивней мамонта, а также редко встречающиеся каменные орудия, обнаруженные в мерзлых землях плейстоцена, свидетельствуют о длительном пребывании людей в северо-восточной части Сибирской низменности во время середины последнего ледникового периода (каргинского интерстадиала / MIS 3). Средне-палеолитические люди заселили Яно-Колымскую низменность, в том числе верховья внутренних долин притоков, примерно на 20 тыс. лет раньше верхнепалеолитических северосибирских охотников на мамонтов на стоянке Яна, датированной 32–27 000 лет назад [Pitulko et al., 2004]. Межстадиальные колебания температуры вызвали периодические процессы таяния мерзлых грунтов и массивные коллювиации, о чем свидетельствует сложная стратиграфия на исследованных в настоящее время древних стоянках. Похолодание климата, приближающееся к позднему последнему ледниковому периоду (сартанского стадиала / MIS 2), инициировало расширение перигляциальной тундры с продолжением заселения людей, основанного на эксплуатации крупных копытных животных на протяжении последнего ледникового максимума (24–18 000 лет назад).

Заселение восточной части Российской Арктики не позже чем 47 тыс. лет назад имеет прямое отношение к моделированию временных рамок первоначального расселения людей эпохи палеолита в плейстоценовой Берингии. Недавние открытия хронологически ранних культурных памятников Индигирской и Колымской

низменностей требуют фундаментального пересмотра традиционных представлений о довольно позднем прибытии людей в Арктику, а также моделей «поздней хронологии» первоначальных миграций через Берингийский мост (Bering Land Bridge) в Северную Америку [Chlachula, 2012]. Не было никаких физико-географических и экологических ограничений, чтобы предотвратить пространственную экспансию первых мигрантов на восток, на северо-западные территории Америки в условиях долгосрочного умеренного межстадиального климата. Археологические памятники возрастом более 24 000 лет из западной Канады, погребенные под массивными отложениями континентального и горного оледенений последнего гляциала и характеризующиеся «смешанными» технологиями изготовления каменных орудий среднего и верхнего палеолита, являются серьезным подтверждением этого сценария [Chlachula, 2019]. Предполагая высокую мобильность охотников-собирателей ледникового периода, трудно представить себе близкое к 50-тысячному среднему палеолиту заселение северо-восточных границ арктической Сибири и отсутствие (современных человеческих) поселений на Аляске до самого конца плейстоцена.

Неизвестно, кто были первыми колонизаторами российской Арктики. Тем не менее, радиоуглеродные даты древнее 45 000 лет новых археологических находок на стоянках Зырянка и Ирелях Сиене в центральной части Колымы подтверждают определенное присутствие досовременных людей. Были ли они частью более широкой ДНК запаса сибирского *Homo neanderthalensis*, зарегистрированного в Алтайском регионе в последнее межледниковье [Kolobova et al., 2020], или какой-либо другой ранней филогенетической группы человека, как предположительно самых ранних современных людей, представленных усть-ишимским геномом *Homo* из Западной Сибири (датированным 45 000 лет назад) [Fu et al., 2014], остается пока неясным. Во время раннего каргинского интерстадиала (55–40 000 лет назад) возможно было хронологическое совпадение современного человека с существующим древним и географически более рассредоточенным и локально изолированным неандертальским населением в Сибирской Арктике, как это имело место в некоторых частях Европы [Hajdinjak et al., 2021].

Первоначальная экспансия современных людей сибирской филогении с Алтая через Северную и Восточную Сибирь предположительно началась около 46 000 лет назад [Hamilton, Vuchanan, 2010]. Остается открытым вопрос о том, принадлежат ли хронологически соответствующие археологические материалы, представленные орудиями из костей крупных млекопитающих и бивней мамонта из Яно-Колымских стоянок, современному человеку или предшествующей сибирской популяции.

Типичная мустьерская промышленность с диагностическими приемами обработки камня среднего палеолита леваллуазского периода, зафиксированная в местности Мунгхарыма, дает четкие указатели на неандертальцев, проживавших на территории современной Якутии. Продолжение этой архаической человеческой расы до середины последнего ледникового периода весьма вероятно с учетом физиологической предрасположенности неандертальцев к суровой сибирской среде и географической изоляции в рамках огромной территории, а также долгой истории заселения. Северной Азии на протяжении сотен тысяч лет. Документально подтверждено очень позднее (до 28 000 лет назад) выживание неандертальцев, связанное с определенными физико-географическими и экологическими условиями [Finlayson et al., 2006].

Формирование современных людей эпохи палеолита Северной Сибири, основанное на исследовании молочного зуба с Яны (^{14}C , датируемое примерно 31 600 лет назад), предполагает связь с неизвестной популяцией, исходящей примерно 38 000 лет назад из популяций охотников-собирателей раннего западно-евразийского плейстоцена [Sikora et al., 2019]. Истинная картина антропологической эволюции ранних обитателей российской Арктики может быть на самом деле гораздо более сложной и не ограничиваться исключительно современными (*Homo s.s.*) или неопределенными досовременными человеческими обитателями. Поведенческое взаимодействие и биологическая смесь обеих популяций с неандертальским генным потоком является общепринятым эволюционным сценарием [Rogers et al., 2017; Kuhlwilm et al., 2016], который, скорее всего, применим и к Северной Сибири. В любом случае, новые допалеолитические стоянки из криолитических оснований каргинского / MIS 3 интерстадиала подталкивают к изменению традиционной парадигмы первоначального палеолитического заселения Арктической Сибири и ставят под сомнение первую модель ранних американских миграций культуры Clovis. Уточнение картины раннего заселения Арктики требует дальнейших исследований.

Литература

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России): в 2 Т. – Якутск: Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, 2010. – Т 1. – 524 с.; Т. 2. – 594 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Стоянка древнейшего палеолита Диринг-Юрях в Якутии и проблема внетропической прародины человечества // Известия лаборатории древних технологий. – 2007. – № 5. – С. 75–99.

Хлахула И. Через Берингию: заселение палеолитическим человеком Канады // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 2. – С. 356–389. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.202>

Чепрасов М.Ю., Хлахула И., Обада Т.Ф., Григорьев С.Е., Новгородов Г.П. Новые данные по палеолиту бассейна средней Колымы, Якутия. *New Records on the Palaeolithic of Central Kolyma Basin, Yakutia* // *Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы всеросс. науч. конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.)*. – Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 263–267.

Шараборин А.К. Раннепалеолитическое местонахождение Чингалах на Средней Лене (Якутия): технико-морфологический анализ // *Известия лаборатории древних технологий*. – 2015. – № 2 (15). – С. 62–74.

Chlachula J. Geoarchaeology of palaeo-American sites in Pleistocene glacial contexts // In: Ollich-Castanyer I. (ed.). *New Approaches in Theory and Techniques 3*, InTech Publications. – Rijeka, 2012. – Pp. 67–116.

Chlachula J. Chronology and Environments of the Pleistocene Peopling in North Asia // *Archaeological Research in Asia*. 2017, 12, 33–53.

Chlachula J., Czerniawska J., Pestereva K., Pesterev D. Geological and environmental contexts of the Pleistocene occupation of the central Yana River basin, northern Yakutia // *Eurasia in Cenozoic: Stratigraphy, Palaeoecology, Culture*. 2014, 3, 166–175.

Chlachula J., Cheprasov M.Yu., Novgorodov G.P., Obada T., Little E. The Late Pleistocene–Early Holocene Environments of the Kolyma Basin: Implications for the Palaeolithic Occupation of NE Siberia // *Boreas*. 2021, 50(2), 556–581.

Chlachula J., Czerniawska J. The first evidence on the pre-last glacial occupation of the sub-Arctic North-West Siberia. Abstracts, Vth Northern Archaeological Congress, Khanti-Mansiysk, December 2019.

Finlayson C., Giles Pacheco F., Rodríguez-Vidal J. et al. Late survival of Neanderthals at the southernmost extreme of Europe // *Nature*. 2006, 443, 850–853.

Fu Q. et al. The genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia // *Nature*. 2014, 23 October 2014. <https://doi.org/10.1038/nature13810>

Hajdinjak M., Mafessoni F., Skov L. et al. Initial Upper Palaeolithic humans in Europe had recent Neanderthal ancestry // *Nature*. 2021, 592, 253–257.

Hamilton M.J., Buchanan B. Archaeological Support for the Three-Stage Expansion of Modern Humans across NE Eurasia and into the Americas // *PloS ONE*. 2010, 5(8), e12472.

Kienast F., Schirmer L., Siegert C., Tarasov P. Palaeobotanical evidence for warm summers in the East Siberian Arctic during the last cold stage // *Quaternary Research*. 2005, 63, 283–300.

Kolobova K.A., et al. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *PNAS*. 2020. <https://doi.org/10.1073/pnas.1918047117>

Kotlyakov V.M., Velichko A.A., Vasil'ev S.A. Human Colonization of the Arctic. The Interaction Between Early Migration and the Environment. – London: Academic Press, 2017. – 628 p.

Kuhlwilm M., Gronau I., Hubisz M.J., de Filippo C., Prado-Martinez J., Kircher M., Fu Q., Burbano H.A., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Ž., Gušić I., Marques-Bonet T., Andrés A.M., Viola B., Pääbo S., Meyer M., Castellano S. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals // *Nature*. 2016, 530(7591), 4292017: 433.

Lozhkin A.V., Anderson P.M., Matrosova et al. Uninterrupted chronicle of climatic and vegetation changes of the Northern Sea of Okhotsk Area during the last 70,000 years // In: Velichko A.A. & Vasil'ev S.A. (eds). *Palaeoenvironment and Earliest Inhabitation of Arctic and Subarctic*. – Moscow: Institute of Geography RAS, 2008. – Pp. 249–252.

Novgorodov G.P., Grigorev S.E., Cheprasov M.Yu. Perspective sites of mammoth fauna in the Yana Basin // *International Journal of Applied and Fundamental Investigations*. 2013, 8, 255–259.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Yu. et al. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // *Science*. 2004, 303, 52–56.

Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Y et al. Early human presence in the Arctic: Evidence from 45,000 year-old mammoth remains // *Science*. 2016, 351, 260–263.

Rogers A.R., Bohlender R.A., Hurd C.D. Early history of Neanderthals and Denisovans // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017, 114 (37), 9859–9863.

Rolland N. The Pleistocene hominid peopling of northern Eurasia: Middle Palaeolithic adaptive threshold // In: Velichko A.A. and Vasil'ev S.A. (eds.). *Palaeoenvironment and Earliest Inhabitation of Arctic and Subarctic*. – Moscow: Institute of Geography RAS, 2008. – Pp. 48–52.

Sikora M., Pitul'ko V.V., Sousa V.C. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. 2019, 570, 182–188.

Svendsen J.I., Pavlov P.Yu. Mammontova Kurya: an enigmatic, nearly 40 000 year-old Palaeolithic site in the Russian Arctic // *Trabalhos de Arqueologia*. 2003, 33, 109–120.

Ukrainitseva V.V. *Mammoths and the Environment*. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 345 p.

Плотников В.В.¹, Протопопов А.В.¹, Климовский А.И.¹, Naoki Suzuki², Love Dalen³.

ГБУ Академия наук РС(Я)¹

The Jikei University School of Medicine Institute for
High Dimensional medica Imagine (г. Токио, Япония)²

Department of Bioinformatics and Genetics of Swedish Museum of Natural History
(г. Стокгольм, Швеция)³

❖ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ЭКСТЕРЬЕРЕ ИСКОПАЕМОГО ВОЛКА (CANIS SP.) ИЗ ВЕРХНЕГО НЕОПЛЕЙСТОЦЕНА

Актуальность. В северной части территории Республики Саха (Якутия) широко распространена многолетняя мерзлота, недра которой способствуют сохранению костных и трупных остатков ископаемых животных позднего неоплейстоцена. Естественное обнажение таких пород (едома) можно наблюдать на берегах рек, озер и морей, где в результате эрозии мерзлых грунтов, начиная с середины июня и до начала октября, вытаивают остатки древних животных. Одним из известных местонахождений мамонтовой фауны является р. Тирехтях, на берегах которой

образуются естественные едомы, богатые костными и трупными остатками. Река Тирехтях является правым притоком среднего течения р. Индигирка, которая расположена в 40 км к северо-востоку от пос. Белая Гора Абыйского района (географические координаты: с.ш. 68°35'15,4509", в.д. 147°05'29,5704"). Здесь в 1971 г. были раскопаны остатки практически полного скелета старого самца шерстистого мамонта – *Mammuthus primigenius* Blumenbach, 1799, который в настоящее время выставлен в Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского в г. Якутске (далее Якутский музей им. Ем. Ярославского) [Лазарев, 2008].

В августе 2018 г. на берегу р. Тирехтях была обнаружена мумия головы позднелепестового волка (*Canis sp.*). Автор находки Бандеров А. сообщил, что самой туши волка обнаружено не было. При предварительном осмотре головы установлено, что мягкие ткани (морда, ухо, мышечная ткань, кожный покров), хотя и сильно сублимированы, сохранили естественное анатомическое расположение. Отделение головы от туловища была на уровне четвертого шейного позвонка, по-видимому, под воздействием абиотических факторов (мерзлота). Следов деятельности древнего человека, зубов хищников или падальщиков на голове и в области шеи не обнаружены. Судя по размерам, степени развития и стертости обнажившихся зубов исследуемый объект является молодой половозрелой особью. Находка головы взрослого ископаемого волка с сохранившимися мягкими тканями и шерстью является большой удачей для палеонтологии, т.к. ее сохранность позволяет изучить ранее неизвестные внешние (экстерьер) и внутренние анатомические особенности этого вида, обусловленные влиянием окружающей среды. Абсолютный возраст находки соответствует Каргинскому времени позднего неоплейстоцена.

Материал и методика. В работе использованы опубликованные материалы по черепам ископаемых волков из нескольких местонахождений с территории Якутии и западной части России, а также материалы изучения современного волка [Бибииков, 1985; Бондарев, 2012; Боескоров, Барышников, 2013].

В ходе исследования нами использованы черепа позднелепестовых волков из Абыйского, Среднеколымского и Нижнеколымского районов (п/№№ Ог-1-15, Ог-2-15, 7751, СК-7-17, СК-17, №4 АН, ЕЛ-1, АН РС(Я)), хранящихся в остеологической коллекции Академии наук Республики Саха (Якутия). Эти черепа по размерам и степени развития относятся к половозрелым особям.

Краниологические измерения черепов из фонда АН РС(Я) проводились штангенциркулем с точностью до 0,01 мм. Промеры головы волка №W01 были

проведены по материалам компьютерной томографии (модель томографа «Siemens Somatom Emotion 16 slice») в компьютерной программе RadiAnt DICOM Viewer (version 2020.2 (64-bit)) с 3D визуализацией. Для измерений использовалась методика, разработанная von den Driesch (1976) с дополнениями [Боескоров, Барышников, 2013].

Обозначение зубов: I-верхние резцы; C-верхние клыки; P-верхние премоляры; M-верхние моляры; i-нижние резцы; c-нижние клыки; p-нижние премоляры; m-нижние моляры.

Принятые в работе сокращения: АН РС(Я) (АН) – Академия наук Республики Саха (Якутия).

Радиоуглеродное датирование мумии головы волка проведено в двух лабораториях: Institute of Accelerator Analysis Ltd. Г. Т (Япония) и Beta Analytic Inc, г. Майами, штат Флорида (США) – 28319 ± 110 BP (IAAA-181499) и 28150 ± 150 BP (Beta-507802), соответственно.

Томографические исследования и виртуальные измерения черепа №W01 проведены в Институте высокоточной медицинской визуализации Университета Джикей в г. Токио (The Jikei University School of Medicine Institute for High Dimensional medical Imaging).

В работе использованы подразделения четвертичной системы согласно постановления Межведомственного стратиграфического комитета (1998), по которому нижний неоплейстоцен располагается в пределах 1,8–0,8 млн. лет. Средний неоплейстоцен по этой шкале располагается в пределах 0,8–0,13 (0,12) млн. лет, а верхний неоплейстоцен – 0,13 (0,12) – 0,01 млн. лет; период начала голоцена – 0,01 млн. лет.

Авторы выражают благодарность за предоставление материала инженеру исследователю ОИМФ АН РС(Я) Павлову И.С. и научному сотруднику Якутского музея им. Ем. Ярославского Бочкареву В.В.

Описание. Объект исследования - мумия головы поздненеоплейстоценового волка №WL01 (рис.1А). Шерсть на голове сохранилась кроме области темени, левого глаза и левой стороны верхней челюсти. Цвет шерсти неоднородный - серый, коричневый, светло-желтый и рыжий, в области темени кончики шерсти темного цвета. В области шеи шерсть довольно густая и длинная. Начиная от уровня глаз и до нижнего края нижней челюсти шерсть образует что-то вроде «бакенбарда», данная особенность характерна и для современных волков. У современных волков цветовая гамма шерсти довольно разнообразная от светло-серого, светло-желтого, охристого до белого [Бибииков, 1985]. Цвет шерсти исследуемого волка в основном имеет светло-

желтые оттенки, кроме шерсти на морде (коричневый) и на задней части уха (темно-серый). Сохранившиеся усы темно-коричневого цвета. В целом, цвет шерсти вперемешку с желтым и коричневым имеет рыжеватый оттенок, возможно, это следствие химического воздействия вмещающих грунтов, а естественный окрас волка был более светлым. В пример можно привести шерсть современного волка из центральной Якутии, чучело которого выставлено в Якутском музее им. Ем. Ярославского. Цвет шерсти на голове этого волка довольно единообразна, т.е. нет резких переходов в темные оттенки, кроме того, область морды, глаз, темени и задней части уха имеют желтоватый оттенок. Промеры длины шерсти на разных участках головы и шеи представлены в таблице №1.

Покрытое шерстью правое ухо сохранила естественные пропорции. Левая сильно деформирована и прижата к голове, шерсть на ней не сохранилась. Морда с левой стороны деформирована, обнажив верхние и нижние (I, i) резцы и (C, c) клыки (рис.1В, Г). Остальные зубы не доступные визуальному осмотру были изучены посредством компьютерной программы (рис.1Б). На верхней челюсти сохранились резцы (i3, i2, i1, i1, i2, i3), клыки (C1, C1), предкоренные зубы (P1, P2, P3, P4), коренные зубы (M1, M2), на нижние резцы (i3, i2, i1, i1, i2, i3), клыки (c1, c1), предкоренные зубы (p1, p2, p3, p4), коренные зубы (m1, m2, m3), размеры зубов представлены в таблице № 3-4. Зубы в незначительной степени затронуты стиранием (рис. 1Б, В, Г). В области основания языка сохранилась подъязычная кость (hyoideum) (рис. 1.Б-5). Сохранились 4 шейных позвонка – atlant, epistrropheus, 3 vertebra cervicalis, 4 vertebra cervicalis. В черепной коробке сохранился сильно сублимированный мозг, язык, гортань и обильные группы шейных мышц. Размеры головы представлены в таблицах 2, 5.

Обсуждение и выводы. Волк (*C. lupus*) является представителем мамонтовой фауны позднего неоплейстоцена. В эпоху позднего неоплейстоцена (во второй ее половине) волк был широко распространен на территории Евразии и Северной Америки, костные остатки этого животного находят практически во всех местонахождениях. Предком современного волка считают *Canis Etruscus* Major, 1877 из позднего плиоцена и раннего неоплейстоцена Европы. Собственно, *C. Lupus* как вид берет свое начало с середины среднего неоплейстоцена Европы. В позднем неоплейстоцене ареал обитания *C. lupus* имел огромные масштабы от Испании и Британских островов на западе, до Чукотки и Японии на востоке [Боескоров, Барышников, 2013].

Все исследованные зубы затронуты стиранием. По степени стертости зубов в сравнении с современными волками (рис.1В, Г) [Бибиков,1985; Gipson et al., 2013] и

методу определения индивидуального возраста хищников, по процентному соотношению общей ширины клыка (12,5 мм) и ширины пульпы (3,87 мм) в районе шейки в сагиттальной плоскости (30,96%) [Смирнов, 1960, Клевезаль, Клейненберг, 1967, Клевезаль, 2007] индивидуальный возраст исследуемого образца составляет около 2–4 лет. О молодом возрасте также косвенно свидетельствуют не облитерированные черепные швы (рис.1Б), хотя на данных показателях довольно велика индивидуальная изменчивость для этого вида [Клевезаль, 2007].

Уцелевшее ухо треугольной формы, слегка округленная сверху. Длина правого уха от основания до кончика составляет около - 11 см; ширина уха, чуть выше уровня основания – 7,6 см. У современных волков в возрастной группе от 10 месяцев до 2 лет и старше длина уха практически не различается, как у самцов, так и у самок $11,78 \pm 3,74$ см – $12,06 \pm 0,27$ см [Бондарев, 2012]. По своей форме и размерам ухо исследуемого волка не отличается от таковых современных.

По радиоуглеродной датировке (28319 ± 110 ($32472-31908$ calBP) (IAAA-181499) и 28150 ± 150 ($32560-31480$ calBP) (Beta-507802), исследуемый волк обитал в эпоху Каргинского межледниковья (около 50 до 25 тыс. л. н.), в ее максимуме потепления около 32–28 тыс. л.н., когда лиственнично-березовые редколесья и ерники продвигались к северу примерно на 100–200 км. Климатические условия этой эпохи в целом были несколько лучше современных, хотя отличались более засушливыми и жаркими летними периодами [Лазарев и др. 1998]. В позднем неоплейстоцене, затем и в голоцене волк, являясь экологически пластичным видом обитал практически по всей Евразии [Протопопов, 2017], включая северную, центральную и южную часть современной территории Якутии.

Сравнение длины шерсти на разных областях головы и шеи показывают различия исследуемого образца от современных (табл. 1). Подобное различие является следствием адаптивной эволюции вида под влиянием окружающей среды. Как было упомянуто выше, образец №W01 жил во времена потепления, но с учетом точки находки (за 70° широтой) волка, возможно, зимняя температура воздуха в этом регионе снижалась до довольно низких показателей, этим и могло быть обусловлено повышенная густота шерсти.

По результатам проведения сравнительного анализа размеров черепа, нижней челюсти и зубов (верхние и нижние) с таковыми современных волков, исследуемый образец уступает по большинству показателей. В размерах черепа исследуемый волк превосходит современных по высоте затылка, длине зубного ряда (P1–P4) и ширине слухового барабана (в данном случае размер соответствует максимальным значениям

современных волков) (табл. 2). По-видимому, исследуемый волк, имея более массивный сагиттальный гребень, обладал мощными жевательными мышцами. Размеры нижней челюсти также уступают по всем параметрам, что противоречит ранним исследованиям [Боескоров, Барышников, 2013]. Тем не менее, учитывая результаты измерений ранних находок неоплейстоценовых волков, которые в определенных параметрах превосходят размеры современных, данный факт следует отнести к индивидуальным особенностям, а также молодому возрасту животного.

В отличие от современных (более высокий сагиттальный гребень, массивная челюсть и некрупные размеры тела) ископаемый волк позднего неоплейстоцена в большей степени был падальщиком. Размеры тела животного являются лимитирующим фактором локомоции, т.е. крупное животное передвигается медленнее, чем животное среднего размера. В то же время мелкие животные, естественно, медленнее и тех, и других. В отношении поздннеоплейстоценового волка и пещерного льва, последний занимал вершину пищевой цепочки и отнимал (делил) экологическую нишу волка. Волк, в свою очередь, путем адаптивной эволюции уменьшился в размерах, что увеличило его скорость движения и навыки выживания. Более того, волк приобрел качества, характерные для падальщиков, таких как современные гиены: увеличение массивности нижней челюсти и размера сагиттального гребня, который увеличивает массу давления челюсти, что позволяло поедать даже костные ткани. Пещерные львы по аналогии с современными африканскими львами поедали только определенную часть добычи.

Таким образом, в позднем неоплейстоцене волк мог развиваться по двум стратегиям. Падальщики за пещерными львами и падальщики за людьми. Первые после исчезновения львов в конце позднего неоплейстоцена укрупняются в размерах и переквалифицируются в хищников, специализирующихся на копытных. Вторые постепенно эволюционируют в собак.

Литература

Бибиков Д.И. Волк. Происхождение, систематика, морфология, экология. – М.: Наука, 1985. – 572 с.

Бондарев А.Я. Морфологическая характеристика волка (*Canis lupus*) западной и средней Сибири // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – №1 (87). – С. 30–34.

Боескоров Г.Г., Барышников Г.Ф. Позднечетвертичные хищные млекопитающие Якутии. – СПб.: Наука, 2013. – 199 с.

Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е. Определение возраста млекопитающих (по слоистым структурам зубов и кости). – М.: Наука, 1967. – 144 с.

Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. – 283 с.

Лазарев П.А. Крупные млекопитающие антропогена Якутии. – Новосибирск: Наука, 2008. – 149 с.

Лазарев П.А., Боескоров Г.Г., Томская А.И., Гарутт Н.В., Васильев Е.М., Каспаров А.К., Родионов Г.Н. Млекопитающие антропогена Якутии. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1998. – 158 с.

Протопопов А.В. Динамика наземных экосистем Якутии в позднем плейстоцене и голоцене. – Якутск: Алаас, 2017. – 432 с.

Смирнов В.С. Определение возраста и возрастные соотношения у млекопитающих на примере белки, ондатры и пяти видов хищников // Тр. Ин-та биологии УФАН. 1960. – Вып. 14. – С. 79–82.

Philip S. Gipson, Warren B. Ballard, Ronald M. Nowak, L. David Mech. Accuracy and precision of estimating age of gray wolves by tooth wear// Journal of wildlife management, 2013. 64(3). – С. 752–758.

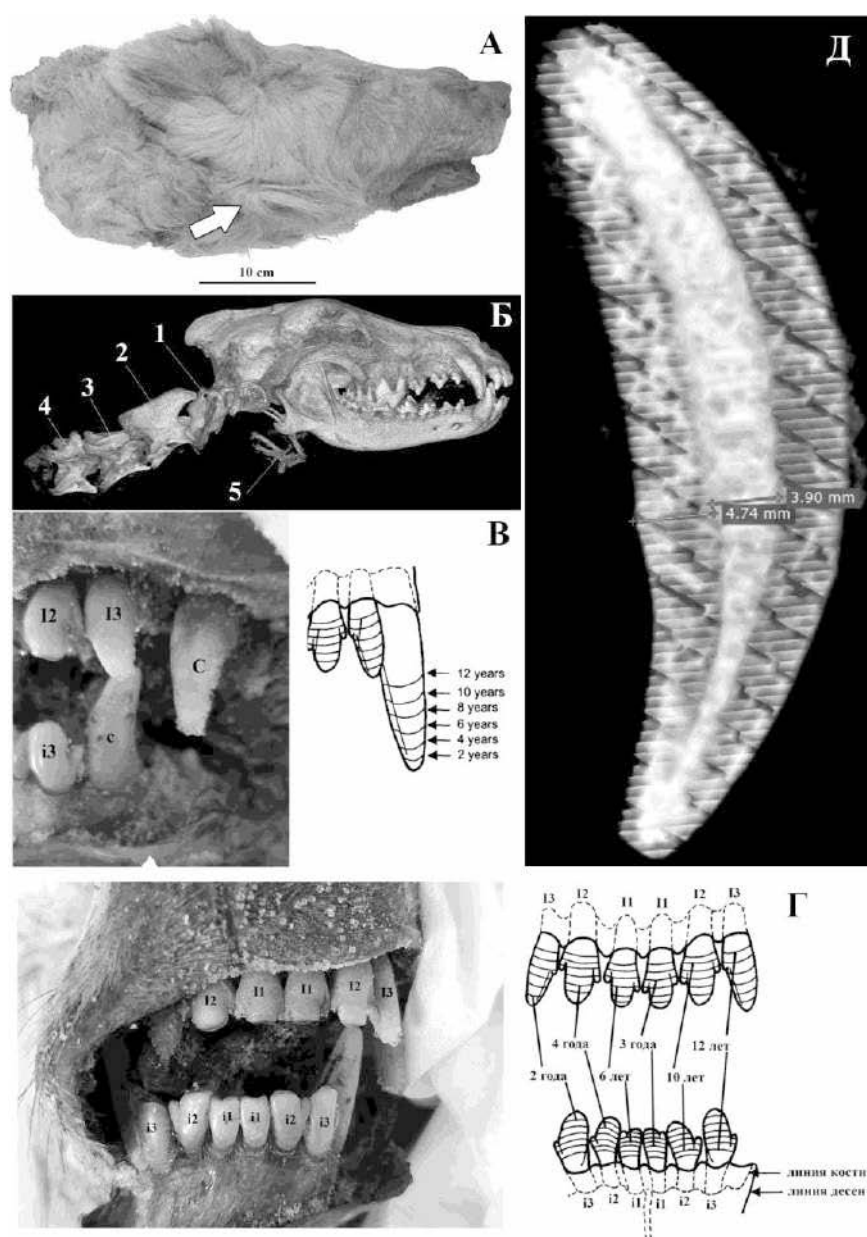

Рис. 1. Мумия головы ископаемого волка. А – общий вид головы с правого бока. Б – 3D визуализация головы: 1 – *atlant*; 2 – *epistropheus*; 3 – III *cerv. vert*; 4 – IV *cerv. vert*; 5 – *hyoideum*. В, Г – обнажившиеся передние зубы [Gipson et al., 2013], Д – продольный срез верхнего клыка.

Таблица 1. Сравнение длины шерсти волка

Наименование, промеры (мм)	№WL01	Чучело волка из ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского №....
Длина шерсти волка 1 в области «бакенбардов»	74 – 88	67-69
Длина шерсти в области шеи	88 - 89	85-86
Длина шерсти в области темени	26 - 41	17-19
Длина шерсти на загривке	96 - 130	65-68
Длина шерсти на ухе	5,8 - 10	6-7
Длина шерсти во внутренней части уха	23-35	21-33

Таблица 2. Промеры черепов *Canis lupus*

Промеры (мм)	WL01	Позднеплейстоценовые волки	Современные волки	
		n=8	Male n=17	Female n=11
		Limit X	Limit X±m	Limit X±m
Общая длина	241,1	<u>215,8-261,8</u>	<u>239-272</u>	<u>228-266</u>
		245,9	257,41	245,92
Кондилобазальная длина	226,9	<u>198,2-244,9</u>	<u>225-255</u>	<u>219-253</u>
		197,9	242,94	232,78
Основная длина	213,1	<u>186,2-231,1</u>	<u>215-240</u>	<u>208-232</u>
		215,8	228,26	219,83
Скуловая ширина	123,4	<u>115,5-148,7</u>	<u>126-151</u>	<u>122-149,5</u>
		134,45	141,29	136,96
Длина носовых костей	93,2	<u>74,6-90,2</u>	<u>84-103</u>	<u>84,5-98</u>
		84,12	95,47	91,5
Длина твердого нёба	120,2	<u>107,8-123,2</u>	<u>112-128</u>	<u>113-129</u>
		<u>117,35</u>	121,24	118,96
Ширина в клыках	43,3	<u>44-51,5</u>	<u>41-48</u>	<u>40,3-49,2</u>
		48,3	46,07	44,78
Межглазничная ширина	41,1	<u>36,9-51,2</u>	<u>41,6-52,4</u>	<u>40,4-51,7</u>
		44,61	45,77	45,54
Заглазничная ширина	37,4	<u>33,7-45,3</u>	<u>39,8-47</u>	<u>39-47,6</u>
		39,65	<u>43,81</u>	<u>43,15</u>
Ширина мозговой капсулы	67,5	<u>63,3-86,9</u>	<u>63,4-71</u>	<u>63-68,3</u>
		76,2	67,38	66,48
Высота у слухового барабана	79,4	x	<u>75,8-94</u>	<u>76-93,2</u>
			84,48	84,06

Высота затылка от нижнего края затылочного отверстия	75,7	63; 78,7	<u>55-67,2</u> 59,64	<u>54,2-63,4</u> 60,73
Высота затылка от верхнего края затылочного отверстия	59,7	64,5; 65,2	<u>36-44</u> 39,55	<u>35,5-45</u> 41,39
Длина слухового барабана	30,4	<u>25,5-31,8</u> 27,61	<u>28-33,4</u> 30,39	<u>29,2-33,4</u> 31,53
Ширина слухового барабана	22,0	x	<u>19-22,3</u> 20,27	<u>19-22</u> 20,69

Таблица 3. Промеры верхних зубов *Canis lupus*

Промеры (мм)		WL01	Позднеплейстоценовые волки	Современные волки	
				Самцы, n=17	Самки, n=11
Длина C1-M2		106,9	<u>91,1-108,4</u> 102,28	<u>98,2-116</u> 109,55	<u>96,8-118</u> 105,02
Длина P1-M2		91,6	<u>76,5-89,7</u> <u>85,36</u>	<u>82,1-95,4</u> 91,09	<u>79,4-90</u> 85,20
Длина P2-M2		79,6	x	<u>74-94</u> 81,19	<u>72,3-77,2</u> 75,86
Длина P4-M2		46,3	x	<u>47-52</u> 50,34	<u>42,5-50</u> 46,82
Длина M1-M2		22,3	x	<u>24,6-29</u> 26,77	<u>22-24,3</u> 23,59
Длина P1-P4		71,7	x	<u>60,3-72,4</u> 68,27	<u>59,5-69,4</u> 64,83
C1	длина	11,3	<u>13-16</u> 14,18	<u>14,6-17,6</u> 16,34	<u>13,4-16,3</u> 15,40
	ширина	7,71	<u>8-11</u> 9,16	<u>8,2-10</u> <u>9,07</u>	<u>7,8-10,1</u> <u>9,15</u>
P1	длина	7,57	<u>7,4-8,5</u> 7,6	x	x
	ширина	5,54	<u>4,5-8,5</u> 6,22	x	x
P2	длина	13,3	<u>13,5-14,9</u> 14,55	<u>13,4-16,1</u> 15,04	<u>13,4-15,1</u> 14,23
	ширина	5,76	<u>5,4-7,1</u> 6,57	<u>6,2-7,4</u> 6,69	<u>5,8-6,3</u> 6,12
P3	длина	15,8	<u>15,1-18</u> 16,41	<u>15,6-18,5</u> 17,40	<u>15,1-16,7</u> 16,07
	ширина	6,65	<u>5,8-10</u> 7,41	<u>7,1-8,5</u> 7,66	<u>6,5-8,1</u> 7,05

P4	длина	23,7	<u>22,3-27</u> 24,53	<u>26-29</u> 27,65	<u>24,6-27,5</u> 26,43
	ширина	14,0	<u>10,7-19,5</u> 14,00	<u>12,5-15,2</u> 13,92	<u>11,4-13,8</u> 13,08
M1	длина	16,5	<u>15,3-17</u> 16,06	<u>16,2-19</u> 17,54	<u>14,5-17</u> 16,07
	ширина	20,8	<u>17-21,3</u> 19,80	<u>20,3-23,8</u> 22,51	<u>20,6-23</u> 22,14
M2	длина	9,20	<u>7,1-10</u> 8,66	<u>9-10,7</u> 10,02	<u>8,7-10,2</u> 9,61
	ширина	12,5	<u>11,4-13,4</u> 12,36	<u>13-15,4</u> 14,53	<u>13,2-15,4</u> 14,38

Таблица 4. Промеры нижних зубов *Canis lupus*

Промеры (мм)	WL01	Позднеплейстоценовые волки	Современные волки	
			Самцы, n=18	Самки, n=11
Длина c1-m1	96,4	<u>96-109,4</u> 103,57	<u>96,8-116</u> 106,59	<u>99,4-104,3</u> 101,52
Длина p1-m1	77,2	<u>76-86,4</u> 81,63	<u>74,8-94</u> 84,86	<u>79-81,2</u> 79,82
Длина p1-m2	89,9	<u>89-99,5</u> 93,35	<u>86-101</u> 95,66	<u>89,7-92</u> 90,56
Длина p1-p4	49,4	<u>49-57,1</u> 54,06	<u>47-59</u> 54,69	<u>51-54,8</u> 52,28
Длина m1-m3	43,9	<u>54-50,6</u> 47,71	<u>44,2-51,2</u> 48,78	<u>44,2-47,2</u> 46,05
c1	длина	<u>14,5-16,7</u> 15,86	14,3-17 15,73	14,1-16 14,76
	ширина	<u>8,5-11</u> 9,3	<u>9,2-11,7</u> 10,28	<u>8,7-9,6</u> 9,21
p2	длина	<u>12,2-13,8</u> 12,98	<u>12,3-14,2</u> 13,33	<u>12,2-13,1</u> 12,87
	ширина	<u>5,8-7</u> 6,5	<u>6-6,8</u> 6,51	<u>5,9-6,5</u> 6,24
p3	длина	<u>13,6-15,6</u> 14,95	<u>13,1-6,2</u> 14,98	<u>13,9-14,7</u> 14,24
	ширина	<u>6,2-8</u> 6,66	<u>6,4-8</u> 7,14	<u>6-6,7</u> 6,38
p4	длина	<u>15,3-16,3</u>	<u>15,5-18,3</u>	<u>15,6-16,5</u>

			15,85	17,09	16,01
	ширина	7,43	<u>7,2-9</u> 8,02	<u>8-9,1</u> 9,61	<u>7,5-8,6</u> 7,92
m1	длина	28,2	<u>28-30,7</u> 29,72	<u>28-33,1</u> 30,96	<u>28-31</u> 29,63
	ширина	11,6	<u>9,5-13</u> 11,98	<u>10,6-13,4</u> 12,12	<u>11,2-12</u> 11,65
m2	длина	12,0	<u>10,7-13,6</u> 11,53	<u>11,4-14,1</u> 12,80	<u>11,3-12,7</u> 11,95
	ширина	8,74	<u>7,8-9,4</u> 8,31	<u>8,8-10,5</u> 9,65	<u>8,7-9,8</u> 9,17

Таблица 5 . Промеры нижней челюсти *Canis lupus*

Промеры (мм)	Позднеплейстоценовые волки		Современные волки	
	WL01	р. Алазея, р. Берелех	Male=18	Female=14
			<u>Limit</u> X±m	<u>Limit</u> X±m
Наибольшая длина нижнечелюстной кости	169,8	<u>178,3-195,5</u> 190,26	<u>173-201</u> 191.13	<u>176-190,2</u> 181.88
Длина от заднего края альвеолы клыка до конца углового отростка	153,3	x	<u>150,2-178</u> 168,94	<u>153-167</u> 159,96
Длина зубного ряда с1-м3	117,2	<u>114,3-127,6</u> 121,12	<u>114-131</u> 122.89	<u>113-122</u> 118.53
Высота в венечном отростке	66,2	<u>71-81</u> 76,48	<u>69-89</u> 79.22	<u>69-81</u> 73.39
Высота за m1 (по лабиальному краю)	30,2	<u>30,4-34,2</u> 33,02	<u>27-35</u> 30.53	<u>27-32,2</u> 29.81
Высота перед р2.	22,3	<u>26,3-31</u> 29,2	<u>23,3-29</u> 26.21	<u>23-25,4</u> 24.26

❖ КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ (МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ МУОСТАХ)

Исследование характера первоначального расселения и последовательности развития человеческих палеопопуляций в условиях меняющихся экстремальных палеоэкологических условий арктического севера Якутии в позднем плейстоцене и установления значения мамонтовой мегафауны в качестве ресурсной базы палеолитических охотников всегда было актуальной проблемой таких наук как археология, палеонтология и антропология. Быстрое распространение и относительное единообразие культуры древнего человека в Северо-Восточной Азии, а также его существенная схожесть с синхронными комплексами Сибирской Арктики во многом делает феномен первого освоения данного региона первым почти глобальным примером адаптации человека к экстремальным арктическим условиям на территории Азии. Наиболее древние стоянки фиксируются на территории севера Якутии ок. 30 тыс. л.н., причем единичные свидетельства проникновения человека позволяют отодвинуть время проникновения на 10 тыс. лет раньше. Географическое распространение, хронологические интервалы существования древнего населения и морфологические особенности наземных млекопитающих тесно связаны с конкретными условиями среды, существовавшими в Арктической зоне России. Мамонтовая фауна плейстоцена является особым фаунистическим сообществом, существовавшим в условиях, которые до настоящего времени остаются во многом неисследованными, и их изучение требует особых методологических подходов. Поиски археологических комплексов плейстоценового времени на территории полярной зоны севера Якутии ведутся давно. Но полученные данные для данного региона очень фрагментарны в силу географической локализованности и специфических климатических особенностей арктической криолитозоны.

Одним из новых местонахождений, открытых в 2020 г., является участок мыса Муостах полуострова Быковский со стороны бухты Буор-Хайа и моря Лаптевых. Здесь, на пляже у размываемой морем береговой линии с обрывистыми и частично сположенными берегами, был собран палеонтологический материал. Местность

представляет собой злако-ивкомоховые и полигональные моховоразнотравные тундры на суглинках увалистой равнины в сочетании с термокарстовыми комплексами на невысоких водоразделах. В основании мыса Муостах находится известное урочище Мамонтовий-Хаята, откуда в 1799 г. М. Адамс вывез в Санкт-Петербург «выпавший из ледяной стены» скелет мамонта с остатками мягких тканей [Томирдиаро, Черненький, 1987, с. 74]. В силу продолжающейся активной термоденудации происходит разрушение рельефа мыса Муостах, особенно в приморской его части. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы. Все это в той или иной степени способствует обнаружению палеонтологических остатков так называемой мамонтовой фауны. Обнаруженные кости в зависимости от того, залегали ли они в мерзлоте или были перезахоронены, имеют разную степень сохранности. Их цвет от желтого до темно-коричневого. Кости в основном фрагментированы.

Были обнаружены следующие виды. Одним из первых был найден шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)). Собрано четырнадцать фрагментов костей: шейный позвонок, тазовая кость (2 экз.), хвостовой позвонок, фрагмент ребра (3 экз.), плюсневая кость, фаланга, щепка бивня (3 экз.), фрагменты трубчатых костей (2 экз.). К взрослой особи шерстистого мамонта относится седьмой шейный позвонок (малой карликовой формы), тазовые кости (2 экз.), хвостовой позвонок, фрагмент ребер (3 экз.), фрагмент проксимальной части плюсневой кости, фаланга, щепка бивня (3 экз.). Фрагменты двух зубов примерно DP4 и M1 принадлежат мамонту возрастом 6–9 лет. Обнаруженные фрагменты бедренной кости и большой берцовой кости без эпифизов соответствуют детенышу мамонта. Обе кости от одной особи возрастом не более 3-х месяцев.

Собрано девятнадцать фрагментов костей от разных особей степного или первобытного бизона (*Bison priscus* (Vojanus, 1827)). Это фрагмент черепа, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й шейные позвонки, фрагмент грудного отдела позвоночника, фрагмент крестца, фрагмент первого ребра, фрагмент ребра, фрагмент лопатки, фрагмент плечевой кости, фрагмент лучевой кости, фрагмент дистального эпифиза бедренной кости, пяточные кости (2 экз.), фрагмент пястной кости, III фаланга (3 экз.).

Обнаружено одиннадцать фрагментов костей ископаемой ленской лошади (*Equus lenensis*), в том числе левая нижняя челюсть, у которой отсутствует передняя и проксимальная части, сустав нижней челюсти, шейный позвонок, фрагмент грудного

отдела позвоночника, крестец, фрагмент левой лопатки, пястная кость, фрагмент бедренной кости, фаланга, копытцевая кость молодой особи.

Находки костей северного оленя (*Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758)) насчитывают двенадцать фрагментов. Это обломок черепа с основанием рога (2 экз.), фрагменты грудного отдела позвоночника, крестца, тазовой кости (3 экз.), плечевой кости, плюсневая кость, таранная кость (2 экз.), фаланга.

В единственном экземпляре обнаружена пястная кость детеныша ископаемого овцебыка (*Ovibos moschatus* (Blainville, 1816)). Также найден обломок дистальной части лопатки ископаемого сайгака (*Saiga borealis* (Tschersky, 1876)). Интерес представляет фрагмент правой части черепа волка с сохранившимися тремя зубами. Существенным отличием по сравнению с голоценовым волком является более короткие размеры черепа. Последним видом, обнаруженным на местонахождении Муостах, является заяц, а точнее фрагмент черепа особи с сохранившимися тремя зубами в левой части.

Предварительно проведенный трасологический анализ девяти предметов с местонахождения Муостах показал, что следы искусственной обработки присутствуют на пяти из них [Кандыба и др., 2020]. На фрагменте бивня мамонта были зафиксированы серии насечек разной глубины, направленные практически под прямым углом друг к другу. На одной из поверхностей кости волка отмечаются ярко выраженные следы строгания, большая серия разнонаправленных насечек и интенсивная сглаженность, предположительно, связанная с лощением. На двух фрагментах костей мамонта практически не отмечается каких-либо насечек или иных очевидных следов искусственной подготовки поверхности, однако, общие морфологические особенности указывают на преднамеренное отделение этих фрагментов, предположительно, путем рубки. Пластинка из бивня мамонта обнаруживает нескольких больших серий линейных следов разной направленности и глубины на внешней стороне. Кроме того, общая форма предмета также указывает на ее искусственное получение путем расклинивания [Pitulko et al., 2015, p. 265].

Точный возраст местонахождения пока что не определен. Обнаруженный видовой состав местонахождения Муостах дает основания говорить о принадлежности описанного фаунистического комплекса к верхнему плейстоцену. Проведенные ранее геологами радиоуглеродные датирования отложений Быковской едомы выявили здесь хроностратиграфические горизонты сартанского и каргинского времени и позволили считать ее опорной для всех лессово-ледовых формаций арктического типа [Томирдиаро, Черненький, 1987, с. 75]. Исследования сравнительно небольшого участка мыса Муостах продемонстрировали перспективность подобных работ, но в то

же время их трудоемкость. Следует также отметить, что активные термоденудационные процессы, происходящие в Сибирской Арктике, хоть и относительно облегчают поисковую работу, в то же время фактически уничтожают остатки фаунистического комплекса и свидетельства пребывания древнего человека на арктическом пространстве.

Литература

Кандыба А.В., Дьяконов В.М., Павлов И.С., Зоткина Л.В., Протопопов А.В., Симокайтис Т.Б. Полевые исследования на территории Булунского района в Республике Саха (Якутия) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2020. – Т. XXVI. – С. 107–112.

Томирдиаро С.В., Черненький Б.И. Криогенно-эоловые отложения Восточной Арктики и Субарктики. – М.: Наука, 1987. – 198 с.

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolsky P.A. Processing of the Mammoth Tusk in the Upper Palaeolithic of the Arctic Siberia (with Particular Reference to the Materials of the Yana Site) // Stratum Plus. – 2015. – Vol. 1. – P. 223–283.

Павлов И.С.¹, Зоткина Л.В.², Кандыба А.В.², Протопопов А.В.¹

Якутск, Отдел изучения мамонтовой фауны Академии наук РС (Я)¹

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН²

❖ МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА (ТАБАЮРЯХСКИЙ МАМОНТ, 2019 Г.)

В 2019 г. в бассейне реки Воллосовича, в северной части острова Котельный Новосибирских островов, в ходе полевых работ были обнаружены костные останки шерстистого мамонта, составляющие примерно 30–40 % от полного скелета [Павлов, Судзуки, 2020]. Район реки представляет собой местность с преобладанием злаково-ивкомеховых и полигональных моховоразнотравных тундр на суглинках увалистой равнины в сочетании с термокарстовыми комплексами на невысоких водоразделах. В местах таяния ископаемого льда грунт оседает, и тундровая дернина обваливается или

сползает, и образуются бугры-байджарахи, в развалах которых на глубине сезонной протайки (от 0,3 до 0,7 метра), можно обнаружить фаунистические остатки и археологические свидетельства присутствия древнего человека. Найденный объект залегал на небольшой территории, включающей четыре байджараха. На местонахождении были обнаружены фрагменты черепа, бивней, лопатка, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагмент крестца, фрагменты ребер, таза и костей конечностей. Детальный анализ костного материала выявил следы воздействия антропогенного характера. Режущие и рубящие следы древнего человека были обнаружены на черепе, позвонках, ребрах и тазовой кости.

С точки зрения изучения свидетельств антропогенного воздействия на скелет Табаюряхского мамонта существует несколько важных аспектов, на которые следует обратить особое внимание. В этой работе хотелось бы остановиться на главных особенностях методического подхода к изучению этой уникальной находки.

Одним из основных методов исследования следов обработки на костях животных является трасологический анализ. Классический подход С.А. Семенова предполагает рассмотрение в комплексе трех типов следов на археологических артефактах: технологических (следов изготовления), функциональных (следов использования) и следов деградации поверхности, связанных с природными изменениями [Семенов, 1957, с. 7, 14]. Особенно важно отличать свидетельства антропогенного воздействия от формообразования, спровоцированного естественными процессами. В некоторых случаях характер следов не позволяет с точностью сказать, природного они происхождения или нет. Особенно это актуально для археологических материалов, найденных не *in situ* и когда условия залегания не стабильны, и перемещение находок в грунте неизбежно, как например, находки в байджарахах.

Кроме того, помимо деформаций, связанных со спецификой условий залегания, на костях могут встречаться различные погрызы, следы вытаптывания и прочих воздействий, не связанных с преднамеренной обработкой, выполненной человеком [см., например, Haynes, 2017; Haynes et al., 2020]. Распознавание отличий между следами различного происхождения является одной из основных проблем при изучении Табаюряхского мамонта. И хотя существуют неоспоримые свидетельства разделки туши и обработки бивней, не все найденные на костях следы могут быть интерпретированы как результат антропогенного воздействия на них.

С другой стороны, специфика этой находки мамонта состоит в том, что это практически целый скелет, и на большом количестве костей и на бивнях присутствуют

следы обработки. Причем некоторые из них, безусловно, демонстрируют антропогенное воздействие на кость в свежем виде, исключая вероятность разделки этого мамонта не в эпоху палеолита. Уникальность этого материала в том, что его можно рассматривать как единую систему, позволяющую реконструировать с большой степенью детализации технологическую цепочку разделки туши мамонта древним человеком. Данные местонахождения, в том числе и результаты прямого датирования остатков мамонта, позволяют отнести время разделки туши мамонта к каргинскому интерстадиалу, и относятся к только начавшим образовываться байджарахам, что исключает вероятность их возможного переотложения. Полученные свидетельства говорят в пользу того, что данная территория была посещаемая древними популяциями в досартанское время.

Литература

Павлов И.С., Судзуки Н. Табаюряхский мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum., 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 56–66.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (Материалы и исследование по археологии СССР, № 54).

Haynes G. Taphonomy of the Inglewood mammoth (*Mammuthus columbi*) (Maryland, USA): Green-bone fracturing of fossil bones. // QI. – 2017. – Vol. 445. – Pp. 171–183.

Haynes G., Krasinski K., Wojtal P. Elephant bone breakage and surface marks made by trampling elephants: Implications for interpretations of marked and broken *Mammuthus* spp. Bones // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2020. – Vol. 33. – Pp. 102–191.

❖ ЧТО ЕСЛИ ПО ЛЬДУ? О СПОСОБАХ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АМЕРИКУ С КАМЧАТКИ В ДРЕВНОСТИ

В конце плейстоцена – голоцене на полуострове Камчатка в результате последствий вулканических извержений [Пономарева и др., 2010] происходили смена и миграции населения, направленные из континентальных районов к прибрежным [Pendea et al., 2016], а затем, возможно, на север азиатского континента и западное побережье Северной Америки. В этих условиях были важны доступные дороги и средства индивидуальной мобильности, позволяющие с относительно большой скоростью перемещаться в безопасное место. Цель исследования – выявить возможные способы передвижения человека из Камчатки в Америку в конце плейстоцена – голоцене.

В основе изысканий – археологические коллекции, в том числе кости и зубы собак, остатки собачьих упряжек и лодок, ступательных лыж [Археологические коллекции СВГУ (г. Магадан); Диков, 1975, 1977, 1979, 1993; Понкратова, 2019; Пономаренко, 1985, 2020]; этнографические и исторические описания оставленные путешественниками и учеными, посетившими Камчатку начиная со второй половины XVII века и уделившими особое внимание не характерным для других регионов средствам передвижения аборигенов [Витсен, 2010; Крашенинников, 1994; Стеллер, 1999; Langsdorff, 1817; и др.]. Использовались сведения о физико-географических особенностях в разные периоды года и эпохи [Булочникова, 2013; Геология Северо-Восточной Азии..., 1972; Nyrnberg et al., 2011; Schirrmeister et al, 2013; и др.]; каменных орудиях, функции которых могли быть связаны с изготовлением транспортных средств [Археологические коллекции СВГУ (г. Магадан), Арктического научно-исследовательского центра АН РС(Я) (г. Якутск)]; о возможных контактах населения, предполагаемых на основе сходства артефактов [Pitulko et al., 2019; и др.]; современные личные наблюдения и опрос местного населения по теме исследования.

Полуостров Камчатка расположен в северо-восточной части Евразийского континента. С запада, юга и востока он ограничен Охотским морем и Тихим океаном соответственно, включая Берингово море, которое омывает берега Евразии и Северной Америки. Камчатка – крупнейший центр четвертичного оледенения, которое оставило следы на всех основных хребтах полуострова и прилегающих равнинах. В позднем

плейстоцене Камчатка была частью обширной палеогеографической страны – Берингии, для которой характерно промерзание почв [Геология Северо-Восточной Азии..., 1972]. Такая особенность встречается на Аляске и в северо-западной Канаде [Schirrmeister et al., 2013]. Усиление оледенения Камчатки неоднократно происходило в древние времена [Nyrnberg et al., 2011]. В настоящее время образование льда в Беринговом море начинается в конце октября. В декабре и январе процессы ледообразования усиливаются и распространяются на юг вдоль побережья. В марте-апреле ледяной покров достигает своего максимального развития: северная половина моря и районы, прилегающие к восточному побережью Камчатки, вплоть до ее южной оконечности, покрыты льдом [Вакульская, Плотников, 2014].

Алеутские острова разделяют Берингово море и Тихий океан – архипелаг вулканического происхождения, образующий дугу от юго-западной оконечности Аляски до центра полуострова Камчатка; это вершины огромного подводного хребта, поднимающегося со дна Алеутской впадины. Его протяженность от острова Беринга на западе до острова Умнак на востоке более 2400 км; состоит из 114 островов. Площадь островов – 100–500 км²; их распределение по площади в пределах хребта равномерное. Крупные острова площадью 500–800 км² – своеобразные центры, вокруг которых сосредоточены небольшие острова (менее 100 км²) [Булочникова, 2013]. Особенность их расположения позволяет предположить возможность передвижения человека между островами по льду с использованием легких транспортных средств.

По территории Камчатки протекает более шести тысяч больших и малых рек. Некоторые из них имеют протяженность более 200 км, а 7 – более 300. Самая длинная река Камчатка (758 км) протекает почти по всему полуострову и впадает в Тихий океан. Замерзание рек начинается в ноябре и продолжается до апреля – начала мая. На севере полуострова средние и малые реки промерзают до дна, образуя сплошной лед. Крупные реки Камчатки являются надежными транспортными путями, по которым перевозятся товары, материалы, оборудование и строительная древесина [Нечаева, Зданович, 1966].

Археологические свидетельства представляют разной степени достоверности сведения о собаководстве на Камчатке. На стоянках Ушки останки собак (скелеты и зубы) обнаружены в культурных слоях позднего плейстоцена – голоцена, датированных около 10 тыс. л.н. (Ушки I, VI к/сл.), 8–9 тыс. л.н. (Ушки V, V к/сл., ¹⁴C 7705±38–7645±94), и около 1500 гг. н.э. (Ушки II, I к/сл. ¹⁴C 220±140 (МО-353), 675 ± 80 (ЛЕ-70)) [Диков, 1975, 1993; Понкратова, 2019]. Останки собак зафиксированы в археологических памятниках эпохи неолита (Доярки, Ключи и др.) [Диков, 1977]. На стоянках

древнеительменской культуры Жупаново, Карага, Анадырка и др. вместе с останками собак найдены фрагменты полозьев нарт, детали ступательных лыж [Пономаренко, 1985, 2000]. Обнаруженные на о. Жохова останки собак вместе с фрагментами упряжек и сходство артефактов начального неолита Камчатки позволяют предположить, что этот вид транспорта был распространен на Качалке как минимум 9 тыс. л.н. На Аляске полный митохондриальный геном собаки датирован 10150 ± 260 кал. л.н., и не исключает родство пришедших в Америку вместе с людьми из Азии собак [Silva et al., 2021]. Анализ каменного инвентаря выявил концевые скребки небольшого размера и специфичной формы, используемые в раннем голоцене у населения на Камчатке и в Якутии, и позволяет предположить их использование для обработки небольших узких изделий, например, полозьев нарт.

По данным этнографических и исторических источников ездовое собаководство было едва ли не единственным средством передвижения по полуострову: собаки перевозили людей и грузы в легких санях по льду рек и побережью морей, в лодках по воде. На гравюрах запечатлены жители Камчатки и их средства передвижения в XVII веке – запряженная в легкие нарты упряжка из шести собак передвигается по ровной земле, снегу, морскому и речному льду [Витсен, 2010, рис. 117А]. Конструктивные особенности нарт свидетельствуют, что они были предназначены для перевозки грузов. Заслуживает внимание факт комбинированного использования упряжных собак и нарт, напоминающих по своей конструкции лодки. Для увеличения скорости передвижения по льду такие нарты снабжались парусом, при этом собаки перемещались в нарты [Витсен, 2010, рис. 116] и имели возможность отдыха. Зафиксирован и другой вид упряжи – легкие нарты с двумя собаками. Сопровождающие упряжки люди используют короткие – ступательные лыжи и палки [Витсен, 2010, рис. 117]. В XVIII веке ительмены пользовались двумя видами изготавливаемых из березы и кожаных ремней нарт – ездовыми и грузовыми. Этот вид транспорта называли «величайшим изобретением» ительменов – автохтонного населения Камчатки [Стеллер, 1999]. При этом сопровождающие собачьи упряжки люди также экипировались специальными палками и ступательными лыжами [Крашенинников, 1994], необходимыми, вероятно, для проверки снежного и ледового покрытия дороги. В XIX веке путешественник В. Немирович-Данченко отмечал, что «... камчадалы занимаются главным образом рыболовством и боем морских зверей, ... способы передвижения камчадалам дают собаки» [Немирович-Данченко, 1877]. Г.И. Лангсдорф писал, что «все народы, проживающие вдоль Северного моря от Оби, по всей северной Сибири, на Камчатке, Курильских островах до северных владений Японии, на

расстоянии более 100 градусов долготы друг от друга, а именно: остяки, самоеды, большая часть тунгусов, коряков, чукчей, камчадалов, курильцев и айнов на Йессо и Чоке используют собак в качестве ездовых животных» [Langsdorff, 1817].

К началу XX века относятся исследования профессиональных этнографов, в которых подробно описаны и проанализированы типы собачьих упряжек, виды речных и морских лодок Северной Азии и Америки, их индивидуальные особенности в зависимости от регионов [Богораз, 1934; Иохельсон, 1997; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961; и др.]. Езда на собаках упоминается в мифах народов Камчатки, в которых говорится, что ворон Кутх – «создатель народа, первопредок» ездил по небу на собаках [История..., 1990]. Исследователи ограничивают области возникновения упряжного собаководства бассейнами крупных рек и морским побережьем и связывают это с развитием специализированного рыболовного хозяйства, и вызвавшего потребность в транспорте в условиях развивавшегося обмена и открывшего возможность заготовки корма для значительного количества специально содержащихся транспортных собак [Левин, 1946]. Так или иначе, в XX веке собаки оставались в качестве гужевой силы для упряжки в лодку по рекам и в сани по замершим рекам и морскому побережью Камчатки [Левин, 1946; Нечаева, Зданович, 1966]. Согласно современным наблюдениям на Чукотке собаки в упряжке могут развивать скорость около 20 км в час, а в условиях плохой видимости собака обладает способностью чувствовать направление (И. Ранав, Чукотка, личное сообщение, 2021 г.).

В целом, вполне вероятно, что в древности люди продвигались вместе с собаками на упряжках в зимне-весеннее время вдоль морского побережья от Камчатки в Америку по льду припая вдоль берега на север и восток, а также к близко расположенным от Камчатки и друг от друга Алеутским островам. Надеемся, что выдвинутая гипотеза станет отправной точкой для новых научных изысканий. Дальнейшее изучение археологических коллекций и этнографических описаний народов Тихоокеанского региона, в том числе Камчатки, Сахалина, Курильских и Алеутских островов, Америки, Японии и др., может стать основой для проверки гипотезы.

Мы благодарим А.А. Василевского за обсуждение идеи миграции древних людей по льду в островной зоне Тихоокеанского региона, включающей полуостров Камчатка. Идея о миграции человека по льду в древние времена принадлежит ему.

Источники

Археологические коллекции СВГУ (г. Магадан).

Археологические коллекции Арктического научно-исследовательского центра АН РС (Я) (г. Якутск).

Диков Н.Н. Отчет об археологических исследованиях на Колыме и Камчатке в 1974 г. – Магадан, 1975 // Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Оп.1. кн. 10. Д. 5287. – 96 с.

Литература

Богораз В.Г. Чукчи. В 2 ч. Ч. 1. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 191 с.

Булочникова А.С. Морфотектоника Алеутской островной дуги: Автореф. дис. ... канд. географ. наук. – М., 2013. – 26 с.

Вакульская Н.М., Плотников В.В. Оценки параметров состояния ледяного покрова Берингова моря // Криосфера Земли. – 2014. – № 1. – С. 92–100.

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с гол. яз. В.Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден. – Амстердам: «Pegasus»; «European House», 2010. – Т. I. – 624 с. – Т. II. – 608 с. – Т. III. – 584 с.

Геология Северо-Востока Азии. – Т. 1. Геоморфология. – Л.: Недра, 1972. – 188 с.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 391 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИ ДВО РАН, 1993. – 68 с.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 1997. – 238 с.

Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – 496 с.

История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 208 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. В 2-х т. – Петропавловск-Камчатский, 1994.

Левин М.Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // Советская этнография. – 1946. – №4. – С. 75–108.

Немирович-Данченко В.И. Страна Холода. – СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа О. М. Вольфа, 1877. – 430 с.

Нечаева Н.А., Зданович В.Ч. Внутренние воды // Камчатская область: Статьи и очерки по географии. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное кн. изд-во, 1966. – С. 67–75.

Понкратова И.Ю. Начальный неолит полуострова Камчатка (по данным исследования стоянки Ушки V) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2019. – С. 13–20.

Пономарева В.В., Мелекесцев И.В., Базанова Л.И., Биндеман И.Н., Леонов В.Л., Сулержицкий Л.Д. Вулканические катастрофы на Камчатке в среднем плейстоцене-голоцене // Экстремальные природные явления и катастрофы. – М.: ИФЗ РАН, 2010. – Т. 1. – С. 219–238.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. – М.: Наука, 1985. – 216 с.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: «Оперативная типография» ЧП М.И. Романенко, 2000. – 312 с.

Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 1999. – 286 с.

Nürnberg D., Dethleff D., Tiedemann R., Kaiser A., Gorbarenko S.A. Okhotsk Sea ice coverage and Kamchatka glaciation over the last 350ka – evidence from ice-rafted debris and planktonic a180 // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2011. – Vol. 310. Iss. 3–4. – Pp. 191–205. <https://doi.org/10.1016/j.palaeo.2011.07.011>.

Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // *Quaternary International*, 2016. – Vol. 394. – Pp. 51–68.

Pitulko V.V., Kuzmin Y.V., Glascock M.D., Pavlova E.Yu., Grebennikov A.V. «They came from the ends of the earth»: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic during the Early Holocene // *Antiquity*, 2019. – Vol. 93. Iss. 367. – Pp. 28–44.

Langsdorff G.H. Voyages and travels in various parts of the world, during the years 1803, 1804, 1805, 1806, and 1807, 1817. – Printed by George Phillips. – Pp. 527–544.

Schirrmeister L., Froese D., Tumskey V., Grosse G., Wetterich S. Yedoma: Late Pleistocene Ice-Rich Syngenetic Permafrost of Beringia // *Encyclopedia of Quaternary Science (Second Edition)*, 2013. – P. 542–552. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53643-3.00106-0>.

Silva Coelho F.A., Gill S., Tomlin C. M., Heaton T.H., Lindqvist C. An early dog from southeast Alaska supports a coastal route for the first dog migration into the Americas // *Proceedings. Biological sciences*, 2021. – 288 (1945), 20203103. <https://doi.org/10.1098/rspb.2020.3103>.

Косорукова Н.В., Лукинцева В.А., Гринина Т.С.

Череповец, Череповецкий государственный университет

❖ ОРУДИЯ ОХОТЫ НА ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА - РАННЕГО НЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ (СЕВЕР ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Озеро Воже относится к бассейну Белого моря. Орудия охоты на памятниках эпохи мезолита – раннего неолита в данном регионе хорошо представлены, прежде всего, на торфяниковых памятниках Погостище 14–15 и Караваиха 4, исследования которых осуществляет экспедиция Череповецкого государственного университета. К орудиям охоты относятся изделия из кости – наконечники стрел, копий и кинжалы, а также наконечники стрел из кремня.

Стоянки Погостище 14 и 15 находятся на р. Модлоне, судя по радиоуглеродным датам и другим естественнонаучным датировкам, существовали примерно

одновременно, относятся к среднему этапу мезолита и датируются второй половиной бореального периода. На стоянке Погостище 14 (раскопана площадь 400 кв. м., слой находками насыщен слабо) орудия охоты представлены изделиями только из кости, в т.ч. найдено 4 наконечника стрел, 2 наконечника копья и 2 кинжала. Наконечники стрел представлены двумя типами: с биконической головкой (3 экз.) и вкладышевый игловидный (1 экз.). Наконечники с биконической головкой различаются по внешнему виду и способу оформления и подразделяются на подтипы: 1) с рельефным ободком в наиболее широкой части головки – 2 экз., 2) головка без рельефного ободка, с уступом – 1 экз. Вкладышевый игловидный наконечник имеет слабо уплощенное поперечное сечение и паз по одному краю орудия, прорезанный почти на всю длину изделия (20,6 см). Наконечники копий представлены короткими обломками изделий из крупных трубчатых расколотых пополам вдоль костей с симметрично заостренным концом. Кинжалы относятся к разным типам. 1 экз. – из трубчатой расколотой пополам вдоль кости, уплощенный, с симметрично заостренным концом и пазом для вкладышей по одному краю, в котором сохранилось три вкладыша из микропластин, и обломанным нижним концом. Второе орудие сделано также из трубчатой расколотой кости, но значительно более узкое, целое, длинное, уплощенное с симметрично заостренным узким колющим концом.

На стоянке Погостище 15, исследования которой продолжаются, за 2011–2019 гг. раскопана площадь 510 кв. м., слой в большой степени насыщен находками, особенно многочисленны изделия из кремня, орудия охоты представлены только изделиями из кости, наконечники стрел из кремня не представлены. Костяные наконечники стрел, копий и кинжалы со стоянки Погостище 15 уже неоднократно рассматривались в научной литературе [Жилин, Косорукова, 2018; Косорукова, 2018; и др.], однако новые полевые исследования увеличили не только количество находок, но и набор типов орудий. За указанный период раскопок на памятнике найдено 68 наконечников стрел, 34 наконечника копий, 7 кинжалов, правда, многие изделия представлены обломками.

Наконечники стрел, в целом, довольно разнообразны, представлены несколькими типами, преобладают наконечники с биконической головкой (тип 1) – 30 экз. Наконечники, у которых обломан верхний конец, нельзя отнести уверенно к какому-либо типу, но у наиболее длинных обломков, на основании оформления стержня, можно предположить, что также была биконическая головка, т.е. количество наконечников стрел с биконической головкой составляет, вероятно, более половины от всех орудий данной категории. Наконечники стрел с биконической головкой различаются по размерам и пропорциям головки и ее оформлению (более характерны

головки удлиненные вытянутых пропорций, но также присутствуют головки короткие, как бы сжатые), длине изделия в целом (от довольно миниатюрных до более длинных – от 9 см до 24–25 см), а также некоторым другим особенностям. Внутри данного типа можно выделить следующие подтипы: 1) с гладкой головкой без поясков и уступов – 6 экз.; 2) с рельефным пояском в наиболее широкой части головки, подчеркнутым канавками или без них – 19 экз.; в пределах данного подтипа выделяется интересный вариант, когда верхний конец острия оттянут кверху и на самом конце оформлена еще как бы маленькая головка (2 экз.); 3) с кольцевым уступом в сторону острия – 5 экз.

Наконечникам первого типа близки орудия с конической головкой (тип 2) с пояском или канавкой в основании головки – 3 экз., причем один из них имеет еще и неглубокий паз для вкладышей в нижней половине стержня. Еще у одного довольно длинного наконечника с обломанным верхним концом в верхней части стержня около обломанного конца имеются два паза для вкладышей; предположительно, у данного изделия могла быть коническая или биконическая головка. К первому типу примыкает также одно массивное изделие с рабочим концом, напоминающим биконическую головку, только она значительно более длинная и массивная, расширяющаяся в середине, с прерывистой нарезкой в наиболее широкой части, стержень изделия утолщенный, диаметр его немного больше, чем в целом у наконечников первого типа.

К следующему типу отнесены различные варианты игловидных и близких к ним наконечников (тип 3) – 7 экз. Поперечное сечение у орудий, отнесенных к данному типу, не всегда округлое, оно может быть подовальным, подтреугольным, подчетыреугольным и меняться даже на разных участках одного и того же орудия. В нескольких случаях изделия довольно массивны. Как подтип, выделяется игловидный наконечник с рельефным ободком в нижней трети орудия над насадом, представленный в целом виде в одном экз., а также есть еще одно подобное изделие с обломанным верхним концом.

Уплощенные наконечники с пазами для вкладышей по боковым краям (тип 4) представлены 3 экз., причем все из них обломаны. 2 экз. – фрагменты средних частей наконечников, причем в одном сохранилось 7 вкладышей с двух сторон и берестяная обмотка, 1 экз. – фрагмент верхнего конца наконечника, пазы начинаются на разном расстоянии от конца, и также видны следы берестяной обмотки.

Единичными экземплярами представлены еще два типа: однокрылый с шипом на конце крыла и пазом со смолой и кремневыми вкладышами на противоположном крае и однокрылый асимметричный с относительно коротким пером (длина пера составляет одну треть длины орудия).

Наконечники копий и рогатин подразделены на два основных типа. К первому типу отнесены наконечники метательных копий – 9 экз. – данные орудия сделаны из крупных костей, имеют массивное подовальное, подтреугольное или неправильно-овальное сечение и одну вогнутую сторону (естественная ложбинка на кости). В их числе одно орудие почти целое, имеет уплощенное сечение, заточенный оформленный боевой ударный конец, слегка зауженный насад. Остальные 8 экз. представлены обломками, у них более массивное сечение, они имеют паз (один или два) для вкладышей, в котором видны остатки смолы.

Ко второму типу отнесены наконечники колющих орудий – рогатин – сделаны из массивных трубчатых расколотых пополам вдоль костей, имеют симметричный приостренный или как бы слегка скругленный конец, одна сторона орудия вогнутая (естественная ложбинка на кости), у многих из них удален эпифиз, но не всегда, нередко нижний конец обломан – 25 экз.; большинство орудий данного типа представлены короткими обломками рабочих концов. Возможно, к наконечникам рогатин относятся и некоторые другие обломки орудий из массивных трубчатых костей (17 экз.), представленные менее выразительными формами или обломками средних частей орудий без острого конца. Указанные артефакты могут быть отнесены как к наконечникам рогатин, так и к орудиям типа пешней, либо могут являться заготовками.

Нередко сложно определить, к какой категории (наконечник копья или кинжал) относится тот или иной обломок орудия, особенно если это обломки небольших размеров. В настоящее время к кинжалам отнесено 7 экз. В их числе представлены как вкладышевые формы, так и изделия без пазов и вкладышей.

Стоянка Караваиха 4 находится на р. Еломе, за 2003–2018 гг. раскопана площадь 548 кв. м., при этом площадь памятника раскопками не исчерпана, стоянка датируется финальным мезолитом – ранним неолитом или первой половиной атлантикума. Орудия охоты представлены изделиями из кости и кремня. Орудия из кости включают 28 наконечников стрел, 69 наконечников копий и 1 кинжал. Наконечники стрел представлены разными типами, преобладают игловидные (тип 1), которые составляют 12 экз. Из них только 5 наконечников – целые, у одного имеется канавка по всей длине сохранившейся части, один наконечник – игловидный уплощенный и один – с пазом для вкладышей. Остальные представлены в обломках.

Ко второму типу отнесены асимметричные наконечники с односторонним пером или шипом, представленные 4 экз. Тип 3 представляют уплощенные наконечники (3 экз., в т. ч. 1 обломок), причем один наконечник имеет расширение в

нижней трети орудия. Тип 4 – это биконические наконечники или приближающиеся к таковым, которые составляют 5 экз., в т.ч. 2 экз. – биконические, 2 экз. – приближающиеся к биконическим, 1 экз. – отдаленно напоминающий наконечники с биконической головкой, его можно назвать как аморфный наконечник с биконической головкой в виде неправильного расширения. К типу 5 отнесен весловидный наконечник – 1 экз. Некоторые наконечники (3 экз.) представлены обломками, определить тип которых не представляется возможным.

Наконечники копий, практически, все относятся к одному типу, абсолютное большинство представлено обломками, причем нередко это очень короткие обломки боевого острого конца, более-менее целые орудия единичны. Наконечники копий изготовлены из массивных трубчатых костей, расколотых пополам вдоль, имеют симметрично оформленный заостренный конец, в некоторых случаях острие выглядит слегка скошенным, т.е. не строго симметричным. Подобным образом изготовленные орудия, но с четко скошенным концом, которые также многочисленны на этом памятнике, отнесены к пешням. Судя по целым орудиям, нижний конец не имел какого-то особого оформления, плоско срезалась губчатая масса, эпифиз выстругивался, чтобы изделие в целом было примерно одной толщины. Только у одного обломанного наконечника имеется паз для вкладышей.

Единственное орудие, отнесенное к категории кинжалы, по способу изготовления и внешне напоминает наконечник копья – это целое орудие, сделано из трубчатой расколотой пополам вдоль кости, но более тонкое и изящное по сравнению с наконечниками копий, очень хорошо отшлифовано с обеих сторон, уплощенное, с острыми краями и острым концом.

Кроме изделий из кости к орудиям охоты относятся кремневые наконечники стрел, представленные выразительной серией – 41 экз. Среди них преобладают орудия на пластинах с минимальной ретушью острия и насада [Косорукова и др., 2018, с. 21, рис.2: 4–5], которые обычно датируют эпохой мезолита – раннего неолита, но также встречены наконечники с двусторонней ретушью по всей поверхности или с частичной двусторонней ретушью, которые, как правило, датируются средним и поздним неолитом. Возможно, на каком-то отрезке времени (в раннем неолите) данные типы наконечников сосуществовали.

Сравнивая орудия охоты на стоянках Погостище 14–15 и Караваиха 4, можно отметить некоторые различия и предварительно охарактеризовать, какие происходят изменения в костяном инвентаре от среднего мезолита к его концу и началу неолита. Так, если в среднем мезолите преобладают костяные наконечники стрел с

биконической головкой, то в конце мезолита – начале неолита – более многочисленны игловидные, также присутствуют в большем количестве, чем в среднем мезолите, асимметричные (с односторонним пером) наконечники, в то время как орудия с биконической головкой становятся единичными и совершенно меняют свой внешний вид. Во всех категориях охотничьих орудий к концу мезолита значительно уменьшается количество вкладышевых изделий. Наконечники копий и рогатин из массивных расколотых пополам вдоль трубчатых костей с симметрично заостренным концом хорошо представлены как в среднем мезолите, так и в позднем мезолите – раннем неолите, но в процентном отношении на Погостище 15 более многочисленны наконечники стрел, чем наконечники копий, в то время как на Караваихе 4 мы видим почти обратное соотношение – более многочисленны наконечники копий.

Литература

Жилин М.Г., Косорукова Н.В. Предметы вооружения из кости из мезолитической стоянки Погостище 15 (типология, технология изготовления, следы использования) // Поволжская археология. № 3 (25). – Казань, 2018. – С. 118–138.

Косорукова Н.В. Орудия охоты и рыболовства из мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже // Историки. Поколения. Взгляды. Материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 19–21 октября 2017 г.). – Вологда, 2018. – С. 39–46.

Косорукова Н.В., Лукинцева В.А., Воронков С.А., Гринина Т.С., Солдатенкова А.Д. Исследование торфяниковой стоянки эпохи каменного века Караваиха 4 в бассейне озера Воже в 2018 г. // Геология, геоэкология, эволюционная география: колл. монография по мат-ам XVII междунар. семинара (14–15 ноября 2018 г.). – СПб.: Изд-во РГПУ, 2018. – С. 18–22.

Takase K.¹, Dyakonov V.M.²

Japan, Hokkaido, Hokkaido University, Graduate School of Humanities and Human Sciences¹
Russia, Yakutsk, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of
the North of the FRC YSC of SB RAS²

❖ FUNCTIONAL ANALYSIS OF STONE TOOLS FROM YAKUTIA

Purpose. The purpose of this study is to reveal use of stone tools from Yakutia. In this region, traceological studies have been already conducted mainly focusing on stone tools of

the Paleolithic [e.g., Pitulko et al., 2004; Гиря, Лозовский 2014; Гиря 2015]. However, large-scale functional analyses of stone tools have not yet been undertaken; in particular, functions of Mesolithic and Neolithic tools are still poorly understood. In 2017, we reported preliminary results of use-wear analysis of 307 Mesolithic and Neolithic tools from Yakutia [Takase, Dyakonov, 2017]. Here, we update the result of functional examinations by increasing the number of specimens to 490.

Materials and method. Materials examined in this study are mainly dated from the Mesolithic to the Early Bronze Age. However, 19 specimens (3.9 %) that might be assigned to the Early Iron and Middle Ages are also included in analyzed specimens. We observed side blades, a wedging piece, blades, microblades, flakes, cores, and polished stone pieces as well as major tool types (Table 1). They were excavated from the Fermenoe Ozero (Sumnagin Culture), Stolbovoi Island (Sumnagin Culture?), Kamenka I–V (Syalakh, Bel’kachi, and Ymyjakhtakh Cultures), Kanggalasskoe Grave (Bel’kachi Culture), Kigilyakh I (Ymyjakhtakh Culture), Kyordyugen (Ymyjakhtakh Culture), Novaja Tabaga II and IV (Ymyjakhtakh Culture), Ogonek (Ymyjakhtakh Culture), Oi-Bjas’ (Ymyjakhtakh Culture), Orbita-16 km (Ymyjakhtakh Culture), Pomazkino II–V (Ymyjakhtakh Culture), Shestakovka VIII (Ymyjakhtakh Culture), Syrdakh II (Ymyjakhtakh Culture), Tubsanatorij (Ymyjakhtakh Culture), Vilujskoe Shosse (Ymyjakhtakh Culture), Vladimirovka IV–VI, and VIII (Ymyjakhtakh Culture), Zernovaja II (Ymyjakhtakh Culture), Ulakhan-Segelennyakh (Ymyjakhtakh Culture, Early Bronze Age, Early iron Age, Early Middle Age), Yus’ Khatyng I, IV, and V (Ymyjakhtakh Culture, Neolithic?), and Neleger III (Ust’-Mil Culture) sites. Also, we examined two stone adzes preserved in Sakha Regional Museum; one of them was from a site in the Kolyma River basin, and the other material was collected from an unknown site in Yakutia.

Major lithic raw materials used for these implements are shale, flint, chert, and chalcedony, while other sedimentary and volcanic rocks were also used for adzes, end scrapers, points, and flakes. There were no obsidian tools in examined materials for this paper. Surfaces of the specimens were relatively well preserved, and there was no serious damage that made the observations of use-wear polish and striations difficult.

The present study employed the high-powered technique of the lithic use-wear analysis [Keeley, 1977, 1980]. At 100, 200, and 500 magnifications, the specimens were observed using a metallographic microscope with incident light (Olympus BX-FM), and photomicrographs were taken with a digital camera (Wraymer N-1000) mounted on the microscope. Before microscopic observation, fat on the surface of the stone artifacts was removed using scientific-grade paper wipers laced with ethanol. Worked materials were mainly assessed by referring to the classification scheme of use-wear polish established by

Kajiwara and Akoshima [1981] although we also referred to Keeley's [1980] classification of use-wear polish.

Results. Use-wear polish was detected on 61 specimens (12.4 %) out of 490 stone tools (Table 1). Because this study examined a considerable number of hunting tools (arrowheads and points), simple flakes, chips, and cores on which use-wear polish can be rarely seen, this discovery ratio of the use-wear polish (12.4 %) is not necessarily low. This understanding is supported by the fact that use-wear polish could be seen on 40–50 % specimens of highly curated stone tools such as end scrapers, side scrapers, and polished adzes. Thus, it is safe to say that the result of this study was not strongly biased by natural and artificial factors that can cause damage on use-wear polish in post-depositional processes, indicating that the result is effective for estimating use of stone tools.

No use-wear polish was detected on arrowheads, points, knives, stemmed scrapers, burins on microblade, a wedging piece, chips, cores, a chipped adze, and a stone piece regarding adzes production (by-product of the abrasive cutting technique). End scrapers has a close relationship with E2 type microwear polish (Keeley's 'dry hide/leather polish'), while side scrapers also have B ('wood polish') and D1 (use-wear polish closely related to bone/antler processing) types of use-wear polish as well as E2 type. Burins and blades have B and E2 types of use-wear polish (Figure 1), and D1 and E2 types could be seen on utilized flakes and retouched flakes. The D1 type of use-wear polish was detected on a burin on blade, an B type of use-wear polish might be also distributed on this tool. Side blade is a characteristic tool because this is the only artifact class on which A type of polish (well-developed use-wear polish closely related to plant working) was detected among flaked stone tools. On a drill, D1 type of use-wear polish was distributed, and D2 ('bone polish') type polish can be detected on a microblade. On a flake and a polished stone object, E2 type use-wear polish was solely distributed, and a retouched blade had B type polish. On the edge of polished adzes, A and B types of use-wear polish can be seen.

The direction of striation is mostly perpendicular to the edge (Table 2). The number of specimens with striations run parallel and diagonal to the edge are only 4 (7 %) and 1 (1.6 %), respectively.

Discussion. In this study, we could not obtain information on use of arrowheads, points, knives, stemmed scrapers, burins on microblade, a wedging piece, chips, cores, a chipped adze, and a by-product of the abrasive cutting technique due to the lack of microwear. Judging from the close relationship with E2 type of use-wear, end scrapers can be regarded as a specialized implement for processing animal hide. Striations on end scrapers also support this estimation because the direction is perpendicular to the edge on all specimens (Table 2).

On the contrary, side scrapers were likely to have been used for broader purposes. Polish type and the direction of striations indicates that they were used for scraping/whittling bone and hide, and wood can be also a candidate for worked material.

As for burins, processed material is estimated to have been hide and wood based on use-wear polish, while burins on blade were tools for processing harder material such as bone and/or wood. The direction of striations is perpendicular to the edge on these tools, suggesting that they were used in a whittling/scraping motion. Drills were used for perforating bones based on use-wear polish and the direction of striations. A microblade is estimated to have been used for cutting bone because it has D2 type use-wear polish and striations parallel to the edge. Animal hide was tanned by side blades and blades, but a side blade was also used for cutting/sawing wood and/or grass. Use-wear polish and the direction of striation show that retouched blade was used for scraping/whittling wood. Utilized flakes were basically used for whittling/scraping hide, but they were sometimes used for cutting bone. Similar use should be estimated for retouched flakes. Although the number of flakes with use-wear polish is extremely small, it was used for processing hide. Polished adzes were estimated to have been used for felling and processing wood, and there was an unknown polished stone object used for tanning hide.

In the previous paper, we reported that hide-working was dominant activity using stone tools in Yakutia throughout the Mesolithic and the Neolithic [Takase, Dyakonov 2017]. No change is required in this understanding although we also examined stone tools dated to the Bronze Age or later in the present study. Our new finding in this study is a clue to revealing use of burins (Figure 1). There had been no clear evidence showing use of this tool in this region, but we clarified that they were used for scraping/whittling wood and hide. Because burin is one of the tools systematically manufactured in Yakutia, use of this tool gives a high priority to understand the prehistoric resource use. Therefore, this study brings steady progress in understanding on burins. However, the number of specimens is still small; we need to continue to explore use of burins based on larger collections to reveal the temporal and spatial change in use of this tool.

We are grateful to A.D. Stepanov (Museum of Archaeology and Ethnography, North-Eastern Federal University) and A. Abramov (Yakut State Unified Museum of the History and Culture of the Peoples of the North), and E.Y. Giryа (Institute for the History of Material Culture, RAS) for allowing us to study materials and providing useful information.

References

Гиря Е.Ю., Лозовский В.М. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: От Атлантики до Пацифики. – СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. – Вып. 3. – С. 52–84.

Гиря Е.Ю. Анализ некоторых результатов экспериментально-трасологических исследований Жоховской стоянки // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, 2015. – С. 28–36.

Kajiwara H., Akoshima K. Experimental use-wear analysis of shale stone stools: estimation of functions used by use-wear polish // Kokogaku Zasshi. – 1981. – Т.67. – № 1. – Pp. 1–46. (In Japanese).

Keeley L.H. The functions of paleolithic flint tools // Scientific American. – 1977. – Т. 237. – №5. – Pp. 108–126.

Keeley L.H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: a Microwear Analysis. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 266 p.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Yu., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Yu., Anisimov M.A. The Yana RHS site: humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // Science. – 2004. – Т. 303. – Pp. 52–56.

Takase K., Dyakonov V.M. Preliminary report on the lithic use-wear analysis of prehistoric stone tools from Yakutia. – Yokohama, 2017 // ArCS FY2017 Plenary Meeting at Japan Agency for Marine-Earth Science and Technology (JAMSTEC). (Poster presentation)

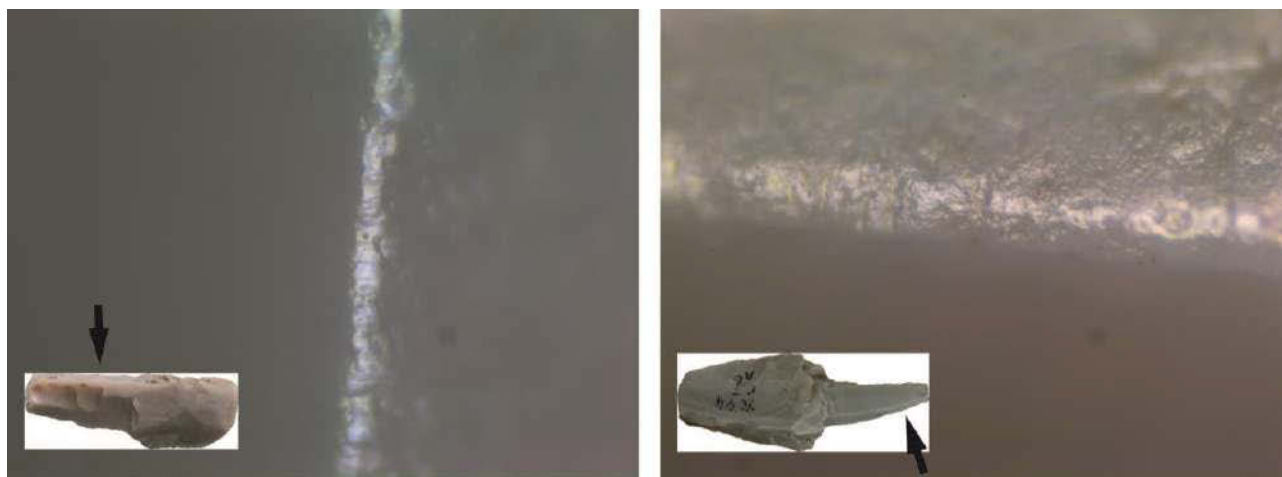

Figure 1. Burins with the use-wear polish (1: Ogonek; 2: Ulakhan-Segelennyakh (Layer 7); the width of photomicrograph is approximately 300 μm)

Table 1. Result of lithic use-wear analysis

	Use-wear polish	Sumnagin	Sumnagin?	Syalakh	Bel'kachi	Ymyjakhtakh	Neolithic?	Ust'-Mil	Early Bronze Age	Early Iron Age	Early Middle Age	?	Total
Arrowhead	None					43			1		2	1	47
Point	None					10							10
Knife	None					3							3
Side scraper	B and E2					2							2
	D1					1							1
	E2					1						1	2
	None				1	5							6
End scraper	E2	1		3	4	23							31
	None	3				24		2	1		1		31
Stemmed scraper	None					2							2
Burin	B					1							1
	E2								1				1
	None	1		1		19							21
Burin on blade	B or D1					1							1
	D1					1							1
	None					2							2
Burin on microblade	None	2				1							3
Drill	D1					1							1
	None					4							4
Side blade	A and B					1							1
	E2					1							1
	None				3	11							14
Wedging piece	None					1							1
Retouched blade	B						1						1
	None					4							4
Blade	B and E2					1							1

	E2					1					1		2
	None	4	1			56			4	1	4	10	80
Microblade	D2					1							1
	None	43				6							49
Utilized flake	D1					1							1
	E2				2	3							5
	None					2							2
Retouched flake	D1					1							1
	E2					1							1
	None					48					1	1	50
Flake	E2					1							1
	None	4				65			1		9	3	82
Chip	None					7							7
Core	None					4							4
Polished adze	A and B											1	1
	B					1						1	2
	None					4							4
Chipped adze	None					1							1
By-product of the abrasive cutting technique	None				1								1
Polished stone object	E2				1								1
	None					1							1
Total		58	1	4	12	367	1	2	8	1	18	18	490

Table 2. Relationship between type of use-wear polish and the direction of striations

	Type of use-wear polish	Direction of striations to the tool edge			Total
		Parallel	Diagonal	Perpendicular	
Side scraper	B and E2			2	2
	D1		1		1
	E2			2	2
End scraper	E2			31	31
Burin	B			1	1

	E2			1	1
Burin on blade	B or D1			1	1
	D1			1	1
Drill	D1			1	1
Side blade	A and B	1			1
	E2			1	1
Retouched blade	B			1	1
Blade	B and E2			1	1
	E2			2	2
Microblade	D2	1			1
Utilized flake	D1	1			1
	E2			5	5
Retouched flake	D1	1			1
	E2			1	1
Flake	E2			1	1
Polished adze	A and B			1	1
	B			2	2
Polished stone object	E2			1	1
Total		4	1	56	61

❖ ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ОСИНООЗЕРСКОЙ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Территория Западного Приамурья включает с российской стороны бассейн верхнего и среднего Амура в пределах современной Амурской области, с китайской стороны территорию уезда Хэйхэ провинции Хэйлунцзян, представленную сравнительно узкой полосой долины правого берега Амура. Географическое положение, климатические и орографические особенности делают регион важным для реконструкции культурно-исторических процессов в период неолита. Территория данного региона играла роль связующего звена между Прибайкальем, Забайкальем и Якутией, с одной стороны, и Восточным Приамурьем, югом российского Приморья, Маньчжурией (Дунбэя) и Кореей - с другой. В связи с этим исследователи регулярно обращаются к материалам данного региона [Нестеров, 1998, с. 12]. Бассейн верхнего и среднего Амура и их многочисленных притоков является районом, где, начиная с каменного века, происходило формирование самобытных и оригинальных культурных центров [Деревянко, Сапунов, 1970, с. 10]. Один из таких центров сформировался в результате проживания на данной территории носителей осиноозерской поздненеолитической культуры, хронология существования которой соотносится с III–II тыс. до н.э.

Выделенный район характеризуется некоторыми климатическими особенностями. Зимой вся территория географического района, заключенная между горными хребтами, представляет собой громадную чашу с высоким атмосферным давлением, в которую стекаются холодные массы. Характерной чертой региона является широкое распространение инверсии температуры воздуха, а в связи с ней чрезвычайно холодная зима на более низких абсолютных высотах – в речных долинах, являющихся основными местами расселения древнего человека [Нестеров, 1998, с. 12–13]. Данная климатическая особенность зимнего периода, отразилась на домостроительстве и ведении хозяйства носителей осиноозерской культуры.

В результате исследования культурно-бытовых элементов осиноозерской культуры на сегодняшний день выделяются три типа жилищ. Во-первых, это полуземлянки эпонимного памятника с округлым котлованом глубиной 25-40 см площадью до 60 м². Во-вторых, это жилище наземного типа без котлована в устье р.

Громатуха. В-третьих, это гипотетические лёгкие временные жилища, которые могли сооружаться на временных промысловых стоянках или располагаться в межжилищном пространстве долговременных оседлых поселений [Алкин, 2011, с. 193].

В основу выделения оснозерской культуры были положены материалы раскопок 1962 и 1965 гг. поселения на Осиновом озере (более 600 м²), где было исследовано пять неолитических жилищ. Исследователи пришли к выводу, что данный объект представлял собой сравнительно небольшой поселок из 10–20 жилищ, расположенных без определенного порядка на некотором удалении от Амура, вблизи небольшого водоема [Деревянко, 1970, с. 157; Коваленко, 2020, с. 9].

Полученные результаты показали, что жилища относились к первому типу и на поверхности были выражены слабо профилированными западинами с небольшим углублением в центре [Окладников, Васильевский, Деревянко, 1971, с. 346]. Жилища имели округлую в плане форму диаметром 7,5–9 м. Их основание было заглублено в котлован глубиной от 25 до 40 см. Стены котлованов крутые, четкие. Вдоль них зафиксирован первый, внешний круг столбовых ям. По наблюдениям исследователей, ямы первого ряда остались от столбов диаметром в среднем 23–25 см. Профили этих ям в большинстве своем сохранили форму ствола с затеской снизу одного края. Небольшой уклон столбов направлен от края жилища к его центральной части, где располагался второй ряд столбов. Второй ряд столбовых ям отмечен вокруг очагов, сооруженных в центре жилого пространства в специальном углублении с деревянной обкладкой, которая обмазывалась глиной. Диаметр столбов у очага был в среднем 17–18 см, основание сужающееся, дно округлое. Внутренний ряд столбов скреплялся сверху обвязкой, на которую опирались верхние концы перекрытия жилища. Нижние концы опирались на внешнюю обвязку, опорой для которой служили ряды столбов, расположенные у стен котлована. Следов истлевшего дерева от рухнувшей кровли и стенок не обнаружено, но найденные в заполнениях и на полу жилищ мелкие 5–8 см и крупные 15–10 см обрывки бересты позволяют сделать вывод о наличии берестяной кровли конусовидной формы, которая опиралась на два ряда столбов, расположенных по окружности. Некоторые фрагменты бересты имели сквозные отверстия около 3 мм в диаметре, проколотые острием с неровными гранями, на отдельных кусках бересты были видны следы врезавшихся тонких веревок. Возможно, часть бересты предназначалась для гидроизоляции самого котлована. Не было обнаружено хозяйственных ям и наземного выхода. В результате этнографических аналогий был сделан вывод, что входом в жилище служило дымовое отверстие. Данный вывод является дискуссионным в современной исследовательской ситуации. Площадь жилищ

в среднем составляла 60 м² [Деревянко, 1970, с. 160, 166; Окладников, Васильевский, Деревянко, 1971, с. 385; Деревянко, 1973, с. 104–105; Окладников, Деревянко, 1973а, с. 104–105; Окладников, Деревянко, 1973б, с. 33–37; Деревянко, 1991, с. 36, 37].

Второй тип жилищ был изучен на поселении в устье р. Громатуха (левобережного притока р. Зеи). Памятник, обнаруженный А.П. Окладниковым в 1961 г. стал одним из ключевых объектов для изучения неолита региона. По результатам раскопок в 1965-1966 гг. на более чем 400 кв. м. площади террасы была выделена громатухинская неолитическая культура раннего неолита [Окладников, Деревянко, 1977]. Три культурных слоя памятника, по мнению исследователей, представляли этапы развития этой культуры. Но уже в коллекциях, полученных в 1960-е гг., можно было видеть наличие неолитических артефактов инокультурного облика [Окладников, 1966 с. 35–36; Алкин 2011, с. 190]. Многослойность данного поселения нашла подтверждение в 2004 г., когда при новых раскопках, которыми руководил С.П. Нестеров, был зафиксирован слой, насыщенный фрагментами осиноозерской керамики с орнаментом в виде параллельных налипных валиков, рассеченных поперечными линиями, и каменными артефактами, основным сырьем для изготовления которых служили халцедоновые желваки красновато-желтых оттенков и речная галька. В результате было изучено осиноозерское жилище, представленное остатками наземной конструкции, анализ которых позволил выявить контуры постройки, особенности ее пространственной ориентации и внутренней организации жилого пространства с очагом и зонами работы и отдыха. Жилище на р. Громатухе интерпретируется как сезонная, временная (промысловая) постройка. Предполагается, что оно могло иметь разборно-переносную конструкцию. Это первое изученное жилище осиноозерской культуры в пределах северной части ее ареала [Деревянко, Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ и др., 2004; Волков, Нестеров, 2008; Алкин, 2011, с. 191].

Третий тип жилищ представлен условно реконструируемыми лёгкими временными постройками в местах стоянок, которые могли сооружаться на памятниках типа мастерской по изготовлению каменных орудий труда Михайловка-ключ, промысловой стоянки Озеро Табор. К этому же типу можно отнести сооружения, которые могли быть расположены в межжилищном пространстве поселения Осинное Озеро [Алкин, 2011, с. 193].

В результате раскопок поселения Осинное Озеро в 2012 г. было установлено, что активный рабочий процесс на территории поселения проходил, в том числе, и за пределами постоянных жилищ. Периферийная часть поселения, вероятно, представляла собой комплекс сезонных легких навесов и шалашей небольших

размеров (4×5 м), не заглубленных в землю и использовавшихся для разнообразной деятельности людей в теплое время года. Об этом говорят обилие находок, наличие столбовых и хозяйственных ям [Коваленко, 2014, с. 124–128]. Возможно, в каждой из таких построек происходила специализированная деятельность [Коваленко, Волков, 2016, с. 13].

Сопоставление полученных данных о хозяйственной деятельности носителей осиноозерской культуры с результатами проведенных ранее исследований показало, что архитектура построек зависела как от ландшафтной характеристики территории, так и от разнообразия хозяйственной деятельности, которая трансформировалась в зависимости от сезонности промыслов. Для равнинной территории в долинах крупных рек, где большая доля хозяйства основывалась на рыболовстве, характерен постоянный тип жилища, заглубленного в котлован. В таежной зоне обитания носители осиноозерской культуры, вероятно, использовали сборно-разборные переносные конструкции в охотничьих долговременных экспедициях. Также сделан вывод о том, что если на раннем этапе неолита жилище было местом, достаточным по площади для организации практически любых производственных операций, то в более позднее время ситуация изменилась. Некоторые рабочие площадки стали выноситься на территорию межжилищного пространства, а внутри жилища появились зоны «специализации» на каком-либо определенном этапе производственного процесса. Не исключено, что это отразилось во внутреннем обустройстве конструкций при сохранении архитектурных стандартов. Данный факт может свидетельствовать о динамике в эволюции палеоэкономики и домостроительства населения в процессе его адаптации к изменениям окружающей среды в регионе в период голоцена.

Литература

Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – С. 188–198.

Волков П.В., Нестеров С.П. Осиноозерское жилище на поселении Громатуха // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – С. 90–110.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 354 с.

Деревянко А.П., Сапунов Б.С. История археологических исследований в бассейне Среднего Амура // ЗАОМК. – 1970. – Т.6. – Вып. 2. – С. 10–27.

Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сек, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хен. Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зея в 2004 году // Проблемы

археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. X. Ч. I. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – С. 82–86.

Дервянко Е.И. Древние жилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 158 с.

Коваленко С.В. Полевые исследования неолитической стоянки на Осиновом озере в 2012 году // Традиционная культура Востока Азии: сб. ст. / под ред. Д.П. Волкова, А.П. Забияко, Е.А. Завадской, С.П. Нестерова. – Благовещенск: Изд-во Амурский гос. ун-та, 2014. – Вып. 7. – С. 102–129.

Коваленко С.В. Научные концепции XX в. о позднем неолите Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. – Т. 27. – № 1. – С. 5–14.

Коваленко С.В., Волков П.В. Результаты трасологического анализа каменных артефактов с неолитического поселения Осиновое Озеро в Амурской области // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – Т. 23. – № 2. – С. 10–14.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.

Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 32–41.

Окладников А.П., Васильевский Р.С., Дервянко А.П. Археологические исследования на Осиновом озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск, 1971. – Ч. II. – С. 323–392.

Окладников А.П., Дервянко А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973а. – 440 с.

Окладников А.П., Дервянко А.П. Осиноозёрская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973б. – Т. 9. – С. 33–42.

Окладников А.П., Дервянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 285 с.

❖ СВЯЗИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ И СИБИРИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ*

История происхождения каждой народности, народа, нации в процессе их возникновения, развития и трансформаций зачастую очень сложна и трудно восстановима. Археология как одно из подразделений исторической науки, изучающая, в основном, древнейшие, без письменные этапы развития человечества, обогащенная современными данными естественнонаучных дисциплин, приобретает приоритетное значение в данных вопросах. Только она, совместно с зависящими от нее (по специфике «добычи» необходимых источников) антропологией и этнографией, реально может прояснить истоки и процесс становления и развитие древних сообществ. Достижения в этой области знания существенны, пополняются постоянно, практически ежегодно.

Первые поселенцы (аренбургская культура) проникают в Фенноскандию, на полуостров Сконе южной Швеции, в самом конце плейстоцена (около 13 тыс. лет назад) с территории северогерманской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полосы западно-норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже "греющего" Гольфстрима и использование водного (морского) транспорта, что косвенно подтверждается очень ранним заселением удаленных островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей. Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (не позднее 10 000 лет назад) достигли арктического побережья Фенноскандии [Шумкин, 1986, с. 15–33; Shumkin, 2006, pp. 301–312]. Возможно, был и второй поток, уже восточноевропейского мезолитического населения (бутовская культура), предпочитавшего пластинчатую технику раскалывания, который достиг Кольского полуострова и Северной Финляндии с юга и юго-востока. [Rankama, Kankarppa, 2014, pp. 147–159].

* Исследование выполнено в рамках темы "Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене", НИОКТР: 0120145647, 0184-2019-0002.

Судя по расположению памятников, основой существования первопроходцев было морское собирательство и охота в прибрежной зоне, на литоральных, дополняемые охотой на сухопутных животных. Орудия изготавливались, в основном, из местного кварца и кремнённых пород. Кроме чумов, использовались небольшие слабо углублённые жилища [Shumkin, pp. 146–150]. Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры, но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом "шлифовки" линий, петроглифы этого времени и, несколько более поздние, писаницы. Мезолитические памятники Лапландии большинство специалистов традиционно связывают с культурой комса.

Определенное, более ускоренное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (около 6,5 тыс. лет назад) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий. Начинается широкое применение шлифованных изделий из сланца, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Всё более существенными становятся признаки начала активного морского зверобойного промысла. Эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. лет назад), когда на побережье Северной Фенноскандии складывается яркая культура (грессбаккен) морских охотников и рыболовов. Возникают многочисленные постоянные поселения с десятками долговременных жилищ, расположенных вплотную к древней береговой линии. Для этого периода (конец неолита и эпоха раннего металла) известны поселения на которых сохранилась органика. Помимо каменных, присутствуют костяные и роговые орудия: гарпуны (в том числе поворотные), остроги, рыболовные крючки, кинжалы, наконечники стрел и изделия неутилитарного назначения. Среди кухонных отбросов до 90 % кости морских животных (тюленей, моржей, китообразных). Немало костей морских рыб семейства тресковых. Долговременные углублённые зимние жилища этого периода представляли собой довольно сложные сооружения, в которых могло проживать 10–20

человек. Таким образом, население северной окраины Европы, начиная с эпохи мезолита, постепенно вырабатывает комплекс культурных адаптаций, позволяющий в рамках присваивающего хозяйства вести оседлый образ жизни в суровых арктических условиях. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие), орудийные комплексы и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво "процветать" и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки, документально подтверждается присутствием лодок в многочисленных сюжетах петроглифов Канозера [Колпаков, Шумкин, 2012].

Всё это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно, поворотных гарпунов) обеспечивало постоянный достаток, даже изобилие продуктов жизнеобеспечения охотникам на морского зверя [Shumkin, 1992, pp. 146–150]. Если рассматривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита на этой территории идет непрерывное развитие местной адаптационной модели древними коллективами. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию, после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (внедрение керамики, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Особое место в археологии Лапландии занимает уникальный для всей Евразийской Арктики эпохи раннего металла (середина II тыс. до н. э.) Кольский Оленеостровский могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Немногочисленные другие находки погребений этого времени ничего не могут добавить к выводам, имеющим своим источником этот могильник, обладающий редчайшей для Севера сохранностью органических материалов, которая вызвана тем, что погребения были совершены в песчаном грунте с обильной примесью морских раковин и еще в древности перекрыты слоем торфа. В 1925 г. географами С.Ф. Егоровым и Г.Д. Рихтером было обнаружено здесь два разрушенных погребения. В 1928 г. проведены первые раскопки отрядом Кольской экспедиции АН СССР под

руководством А.В. Шмидта, исследовавшим 11 погребений [Шмидт, 1930]. Значительная часть могильника была разрушена карьером середины 30-х гг. при постройке оборонительных сооружений базы Северного Флота. В ходе этих работ военным инженером А.В. Ципленковым был собран археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений, а 4 предмета были им переданы в АН СССР (ныне хранятся в Кунсткамере). Судьба остальной коллекции до сих пор неизвестна. В 1947–1948 гг. Н.Н. Гуриной было вскрыто ещё 10 погребений. В 2000–2004 гг. Кольской археологической экспедицией (КАЭ ИИМК РАН) под руководством В.Я. Шумкина [Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006, с. 42–52; Колпаков, Мурашкин, Хартанович, Шумкин, 2019] было раскопано 9 погребений, из которых некоторые были коллективными, до 6 костяков (всего 22 погребённых). Погребения представляли собой, в основном, труположения (всего 3 неполных сожжения за все года раскопок), вытянутые на спине, головой на восток и северо-восток, помещались в могильные прямоугольные или овальные в плане ямы глубиной до 0.5 м от древней поверхности (до 1 м от современной). Отмечены каменные обкладки разной конфигурации на древней дневной поверхности. Нередко также камни укладывались в ногах и за головой костяков. Результаты наших раскопок доставили принципиально новую информацию и качественно расширили возможности судить о погребальной практике, применявшейся на Большом Оленьем острове в эпоху раннего металла. Большинство погребённых помещено в своеобразные гробовища – лодки-кережки, закрытые деревянными крышками. Стыки между бортами и крышками густо просмолены. Судя по остаткам, корпуса лодок были сделаны из тонких деревянных досок, имели шпангоуты. Для двух детских погребений, видимо, были специально изготовлены маленькие лодки-кережки. Вероятнее всего, "гробовища" были специально изготовлены для погребальной процедуры, но по технологии производства настоящих лодок.

Помимо уникальной по сохранности палеоантропологической коллекции, представлены многочисленные погребальные «дары» сородичей, как утилитарного, так и художественно-культового характера, выполненные из камня рога и кости (кинжалы, наконечники стрел и дротиков, долота, тёсла, крючки рыболовные, гарпуны зубчатые и поворотные, иглы, игольники, накладки из резцов бобра, втулки, острия разные, заколки, наворачия с головой оленя, так называемые "колотушки бубна", гребни, подвески и другие украшения), а также керамика, абразивы из пемзы, раковины, остатки "поминальной" трапезы. По результатам наших раскопок можно говорить о различиях в инвентаре между мужскими и женскими погребениями. Только

в мужских имеются пары двузубых костяных наконечников дротиков, гарпуны любых типов, рыболовные крючки, «выпрямители древков стрел» из пемзы, заколки с зубчатой головкой. Только в женских — створки раковин *Unio*, челюсти оленей, «четырёхзубые гребни». На некоторую связь материальной культуры ("рогожный орнамент") могильника с одновременными артефактами населения Северной Азии обратил внимание ещё в середине прошлого века археолог А.П. Окладников [Окладников, 1951, с. 151–166]. Более определённо по этому поводу, основываясь так же лишь на археологических данных, высказывался Л.П. Хлобыстин: *"продвигаясь по привычному экологическому коридору тундры и лесотундры, ограниченному побережьем Северного Ледовитого океана и тайгой, в обход основной территории на которой происходило формирование финно-угро-самодийской общности, эти люди по мере своего продвижения вступали в контакты с различными аборигенными этносами и постепенно растворялись в среде местного населения..."* [Хлобыстин, 1998, с. 102].

Во многих своих работах я тоже [Шумкин, 1984, с. 112; Он же, 1991, с. 142–143; Shumkin, 1990, pp. 3–20; и другие работы] неоднократно приводил и акцентировал археологические свидетельства возможного проникновения около 3–4 тыс. лет назад крайне малочисленных групп пришельцев, скорее всего, восточного происхождения, которые, как считал, не могли серьёзно повлиять на достаточно развитые сообщества древних "лапландцев", тем более изменить их быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно в генофонде. Предположения основывались на единовременности появления некоторых модификаций:

1) присутствие на некоторых памятниках (от Большеземельской тундры до Северной Финляндии, но, особенно важно, что, в том числе, и в Кольском Оленеостровском могильнике) фрагментов "вафельной" керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры, выглядит инородной и не имеет местного типологического развития.

2) новые сакральные представления, в частности, единичные инновации в наскальном творчестве.

3) отдельные элементы "шаманской" атрибутики - так называемые "колотушки бубнов".

Всё это результаты, скорее, не заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия "носителей новшеств" на древней земле Северной Фенноскандии. Но оказывается, все происходило более "серьёзно" и основательно. Антропологическое изучение всей (1928; 1946-48; 2000-2003 гг. раскопок)

краниологической серии погребённых в Кольском Оленеостровском могильнике (КОМ), квалифицированно проведённое В.И. Хартановичем (МАЭ РАН — Кунсткамера), начатое со стадии постоянного присутствия в полевых работах на могильнике (при участии С.В. Васильева и С.Б. Боруцкой) и продолженное в лабораторных условиях с применением самых передовых методов и методик, дало, помимо определения пола и возраста погребённых, неоценимые свидетельства их прижизненного физического состояния [Боруцкая 2005, с. 98–105; Васильев et al., 2016, с. 77–90] и характеризуют крайне специфический антропологический облик "оленеостровцев". Выяснилось, что антропологические и генетические особенности (ДНК) погребённых в Кольском Оленеостровском могильнике (3,5 тыс. лет назад) не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и поэтому древние "оленеостровцы" не могут быть их предками, проявляя, при этом, тенденцию к сближению с представителями, так называемой, «уральской расы» [Моисеев., Хартанович, 2012, с. 145–154; Clio Der Sarkissian et al. 2013, pp. 174–181].

Можно предположить, что «оленеостровцы» были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарём Кольского Оленеостровского могильника и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла. Современные антропологические и палеогенетические данные показывают [Колпаков, Мурашкин, Хартанович, Шумкин, 2019, с. 402]: *"что у погребённых в КОМ "оленеостровцев" присутствует, как минимум два компонента азиатского происхождения, ни один из которых не проявляет сходства с европейскими верхнепалеолитическими и мезолитическими популяциями, как и с современными саамами. Основной из них из них определённо связан с древним населением Урала, Западной Сибири и Алтае-Саянского нагорья. Он явно сближает оленеостровскую серию не только с населением эпохи бронзы, но и с современными угорязычными народами (так называемая, «уральская раса» – В.Ш.). Второй компонент, представленный в меньшей степени, имел, скорее всего, отношение к населению Северной и Северо-Восточной Сибири эпох позднего неолита и бронзы - носителям ымыяхтахской археологической культуры"* [Федосеева, 1980]. По антропологическим данным решить время и место смешения этих компонентов пока не представляется возможным, как и территорию распространения в Фенноскандии подобных антропологических комплексов. По археологическим данным доказана преемственность развития материальной и духовной культуры первопоселенцев (на протяжении тысячелетий),

которые изначально являлись западноевропейским, финальнопалеолитическим (аренбургская культура) населением и, возможно, второй волной [Rankama, Kankapraa, 2014, pp. 147–159] уже восточноевропейских мезолитических (бутовская культура) коллективов, постепенно выработавших атрибуты сложной практики специализированных охотников на морского зверя и собственные специфические мировоззренческие представления. Как могли они передать эти навыки пришлым "сибирякам", не смешавшись с ними, ведь по всем параметрам погребённые в Кольском Оленеостровском могильнике были, без сомнения, именно специализированными охотниками на морского зверя. Изобрести такую практику "пришельцы" сами явно не могли даже во время длительного продвижения из мест раннего проживания на востоке, поскольку и на их "родине", и на побережье восточных арктических морей в то время, вплоть до Чукотки, не было таких специализированных морских сообществ, да и весь орудийный комплекс "оленеостровцев" не отличался от уже существовавшего у древних "лапландцев" издавна осваивавших прибрежную территорию Ледовитого океана.

Возникает дилемма, которую ещё предстоит осознать и разрешить сообща, вероятно, в процессе комплексных исследований представителями гуманитарных и естественных дисциплин.

Литература

Боруцкая С.Б. Палеопатология поздненеолитического могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Вестник антропологии. – 2005. – Вып. 12. – С. 98–105.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Галеев Р.М., Шумкин В.Я. Антропологическая реконструкция индивида из неординарного погребения Кольского Оленеостровского могильника // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Т. 15. – С. 77–90.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. – СПб.: Искусство России, 2012. – 425 с.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. – СПб., Вологда, 2019. – 480 с.

Моисеев В.Г., Хартанович В.И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 145–154.

Окладников А.П. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы // Уч. записки ЛГУ. – 1951. – № 157. – С. 151–166.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. – СПб.: Дм. Буланин, 1998. – 340 с.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. – Вып. 23. – С. 119–169.

Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова: дисс. ... к.и.н. – Л.: ЛГУ, 1984. – 227 с.

Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. – 1986. – № 2. – С. 15–33.

Шумкин В.Я. Этногенез саамов: (археологический аспект) // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). – М.: Наука, 1991. – С. 129–149: карт.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Записки ИИМК РАН. – 2006. – № 1. – С. 42–52.

Clio Der Sarkissian, Oleg Balanovsky, Guido Brandt, Valery Khartanovich, Alexandr Buzhilova, Sergey Koshel, Valery Zaporozhchenko, Detlef Gronenborn, Vyacheslav Moiseyev, Eugen Kolpakov, Vladimir Shumkin, Kurt W. Alt, Elena Balanovska, Alan Cooper, Wolfgang Haak. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberian the Complex Human Population History of North East Europe // PLOS Genetics. – 2013. – Vol. 9. – Issue 2. – Pp. 174–181.

Rankama T., Kankana J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F., Tallavaara M. BAR International Series, 2599. – Oxford, 2014. – Pp. 147–159.

Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. – № 2. – Pp. 3–20.

Shumkin V.Y. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula // Fenno-ugri et slavi. – Helsinki, 1992. – Pp. 146–150.

Shumkin V. Initial colonization of the Arctic zone. // Human Palaeontology and Prehistory. France Academie des sciences. – Paris, 2006. – Pp. 301–312.

Нестерова М.С.

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

❖ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ КРОВОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ*

Кротовская культура эпохи развитой бронзы была выделена В.И. Молодиным в 1975 г. За более чем 40 лет ее масштабного изучения в Прииртышье и Барабинской лесостепи открыты и исследованы поселения Преображенка-III [Молодин, 1977], Черноозерье-IV [Генинг, Стефанова, 1982], Черноозерье-VI [Стефанова, 1988, с. 55], Инберень-Х [Стефанова, 1985; Стефанов, Стефанова, 2001], Саранин-II [Глушков, 1984] и др. Одним из самых крупных изученных на сегодняшний день поселений является

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-78-00115

памятник Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь), где вскрыто более 2000 кв. м площади, исследовано 10 сооружений и значительная часть межжилищного пространства [Молодин и др., 2016].

В результате исследований этих поселенческих комплексов были получены значительные остеологические коллекции (табл. 1). Данные по определению палеофаунистического материала традиционно служат основой для реконструкции структуры потребления мясной пищи, для изучения динамики фаунистического окружения и значения охотничьего промысла, а также для оценки состава стада и роли скотоводства в хозяйстве древнего населения [Антипина, 2016, с. 99; Косинцев, 2004; Косинцев, Варов, 1996; Косинцев Гасилин, 2006; и др.].

Корреляционный анализ остеологических спектров поселений кротовской культуры показывает, что видовой состав в целом идентичен во всех коллекциях. Доля домашних животных в структуре спектра занимает от 60 до 90 %. В.И. Молодин на основании остеологических находок определял хозяйство населения кротовской культуры как многоотраслевое на производящей скотоводческой основе со значительной долей охоты. В составе стада преобладал крупный скот – лошади, быки и коровы, однако культивировались и овцы [Молодин, 1985, с. 73]. Палеофаунистические материалы поселений Инберень-Х и Саранин-II также позволяют предполагать, что основу стада составляли КРС и лошадь со значительной долей МРС [Стефанова, 1988]. Отличительной особенностью остеологического спектра поселения Венгерovo-2 является малая доля костей лошади и крупного рогатого скота в составе коллекции по сравнению с другими кротовскими памятниками. Это может говорить как о специализированном скотоводстве жителей поселка, направленном на разведение овец и коз, так и о специфическом составе мясного рациона, при котором в пищу чаще употреблялось мясо МРС. При этом расчет доли потребляемого мяса, базирующийся на среднем весе животного, может существенно отличаться [Грушин, 2012, с. 172; Антипина, 2003]. Аналогичная ситуация зафиксирована при изучении поселений Черноозерье-IV и -VI, где основу поголовья, по мнению В.Ф. Генинга и Н.К. Стефановой, составлял МРС (до 85 %), и наблюдалось равное количество КРС и лошадей [Генинг, Стефанова, 1982, с. 62].

Доля диких животных в остеологическом спектре кротовских поселений составляет до 40 %. Это свидетельствует о значительной роли охоты в хозяйственной системе населения. Выделяются по этому признаку только коллекции поселений Черноозерье-IV и -VI [Генинг, Стефанова, 1982, с. 62], где обнаружены единичные кости диких животных.

Таким образом, по результатам археозоологического анализа у населения кротовской культуры наблюдается хозяйственная вариативность поселков. Наблюдаются отличия соотношении костей домашних и диких животных в составе остеологических коллекций, что свидетельствует о разной роли охоты в структуре хозяйства. Также отмечаются отличия в составе стада с преобладанием либо лошадей и крупного рогатого скота, либо с доминированием мелкого рогатого скота, что позволяет сделать вывод о различной специализации кротовских поселений.

Литература

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 7–33.

Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). – М.: ИА РАН, 2016. – С. 96–117.

Бенеке Н., Васильев С.К., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Райнхольд С. Результаты археозоологического исследования материалов поселения кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 2 (49). – С. 53–63.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1982. – С. 53–64.

Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1984. – С. 33–57.

Грушин С.П. Хозяйственно-культурная вариативность лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 171–179.

Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Тез. докл. конф. – Самара: СГПУ, 1996. – С. 29–31.

Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 157–174.

Косинцев П.А., Гасилин В.В. Охота в хозяйстве древнего населения Волго-Уральской лесостепи // Вопросы археологии Поволжья. – 2006. – Вып. IV. – С. 484–490.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. годов. сессии ИАЭТ СО РАН 2016 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 339–342.

Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – № 3. – С. 15–22.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 54–62.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / В.Т. Ковалева (отв. ред.) и др. – Свердловск: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1988. – С. 53–74.

Таблица 1. Видовой состав костей с поселений кротовской культуры

Вид	Венгерово-2 (2011-2017 гг.) [по: Бенеке и др., 2021]	Венгерово-2 (из очагов) [по: Бенеке и др., 2021]	Инберень X [по: Стефанова, 1988]	Саранин II [по: Стефанова, 1988]	Черноозерье IV [по: Смирнов, 1975]	Черноозерье VI [по: Смирнов, 1975]	Преображенка-3, Абрамово-10А, Венгерово-2 (1973-1975) [по: Молодин, 1985]
МРС	56	294	35	35	356	4415	130
Лошадь	37	1	84	84	82	1189	319
КРС	2	1	61	36	25	504	122
Собака	3	1	2				3
Лось	23		96	26	8	45	126
Косуля	7		2			6	54
Медведь	1			13	2	64	34
Волк						6	19
Кабан						5	2
Лисица	29	152		1	1	35	19
Куница	3	1				1	
Заяц	5				2	6	74
Соболь	3						15
Бобр	1						4
Тур	1						
Птица	13	1				8	58
Всего	181	451	280	195	476	6284	979
Площадь (м ²)	2064		405	< 800	< 300	2255	

**❖ К ВОПРОСУ О ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКЕ XVIII – начала XIX вв.
г. ЯКУТСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА УЛ. ЯРОСЛАВСКОГО,
31)**

В начале 2000-х годов началось археологическое изучение культурного слоя исторической части города Якутска, основанного выходцами из России в первой половине XVII в. С самого начала своего существования город являлся административным, экономическим и культурным центром огромного северо-восточного региона. Археология Якутска представляет особый интерес в контексте изучения материальной культуры городского населения на разных этапах его существования, уровня развития торгово-экономически связей, а также является основанием для реконструкции социальной структуры городского населения.

Начало археологическому изучению культурного слоя Якутска было положено работами Городского отряда археологической экспедиции МАЭ ЯГУ под руководством М.В. Максимовой на месте реконструкции дома мещанки Сыроватской 1880 года постройки по ул. Чернышевского, 10 и продолжены работами археологической экспедиции ИГиИПМНС СО РАН вблизи Троицкого кафедрального собора и по ул. Кулаковского, 8, на месте строительства Бульвара Учителя [Максимова, 2008; Строгова, 2013; 2014; 2017; Дьяконов, 2021].

В полевой сезон 2020 г. на территории, отведенной под строительство административного здания Арбитражного суда РС (Я), по ул. Ярославского, 31, археологической экспедицией Арктического научно-исследовательского центра АН РС(Я) под руководством Е.Н. Соловьёвой были проведены археологические раскопки общей площадью 273 кв. м. В ходе раскопок были обнаружены многочисленные артефакты из камня, глины, фарфора, фаянса, стекла, дерева, бересты, металла, ткани, войлока и других материалов, датированные XVIII–XX вв.

Среди обнаруженных артефактов наиболее массовым материалом стали фрагменты керамики. В коллекции представлена как традиционная якутская лепная керамика, так и традиционная русская, лепная и гончарная керамика. Такое скопление керамического материала можно объяснить прежде всего доступностью керамической посуды, её недолговечностью и необходимостью регулярной замены изделий, вышедших из употребления вследствие порчи. По наблюдениям В.И. Подгорбунского, продолжительность службы одного якутского лепного сосуда составляла до 4-х лет

[Подгорбунский, 1928, с. 11]. Время использования гончарной керамики несколько дольше, чем и объясняют некоторые исследователи, наряду с появлением долговечной металлической посуды, деградацию и исчезновение местной гончарной традиции у многих народов Сибири после прихода русских [Мельников, 1996, с. 43; Прыткова, 1955, с. 147].

В составе гончарной керамики с ул. Ярославского выделяется небольшая группа фрагментов так называемой поливной керамики, изготовленной с применением особой технологии глазурования поверхности изделия. Настоящая статья посвящена коллекции поливной керамики из 4 культурного горизонта, предварительно датированного нами XVIII – началом XIX в.

Глазурование поверхности сосудов – это способ покрытия поверхности сосуда перед обжигом или после первого этапа обжига порошковидной или полужидкой минеральной массой, состоящей обычно из легкоплавких силикатных соединений [Цетлин, 2017, с. 39–40].

Использование поливы (глазури) в процессе производства керамики служит достижению двух целей - во-первых, полному устранению влагопроницаемости стенок сосуда, и, во-вторых, полива выступает в качестве декора. По сути глазурь для керамики в своей основе – это стекло. Легкоплавкие глазури обжигаются при температуре 900–1000°C, тугоплавкие – выше 1230°C. Таким образом, при изготовлении поливной керамики требуется высокотемпературная термическая обработка [Цетлин, 2017, с. 298].

На Руси данная технология появилась в конце X – начале XI в. [Макарова, 1963]. Однако, массовое появление поливной керамики в Москве относят только к XVII в. [Розенфельдт, 1968, с. 48].

Поливную керамику в Сибири XVII–XIX вв. находят повсеместно, но в небольших количествах, что объясняется, вероятно, ее сравнительно дорогой стоимостью. В это время поливная керамика являлась социально престижной и стоила значительно дороже обычной керамики, приобрести ее могли только зажиточные горожане и крестьяне. Так, например, в конце XIX в. в Тобольской губернии неполивная посуда стоила 1–3 копейки, а поливная от 4 до 10 копеек за штуку [Татаурова, 1997, с. 14]. В Якутске, вероятно, ситуация была схожей. По мнению некоторых исследователей, в Сибирь из европейской части России завозили в основном парадную столовую посуду, к которой можно отнести и поливную керамику, а производство повседневной посуды прибывающее сюда население постепенно осваивало на месте [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 118].

Первые находки поливной керамики на территории Якутии были сделаны в 1942 г. А.П. Окладниковым при обследовании старинных якутских этехов вблизи Якутска, в районе Малой Мархи. Описывая, находки традиционной якутской лепной керамики он обращает внимание на встречающиеся среди них редкие находки керамики, изготовленной на гончарном кругу и политой темно-зеленой глазурью и относит их к XVIII - первой половине XIX в. [Окладников, 1945, с. 14].

Известно, что якуты не знали гончарного круга и технологией глазурования посуды не владели [Серошевский, 1993, с. 364; Прыткова, 1955, с. 148]. Появление поливной посуды в керамическом комплексе XVIII в. Якутска и его окрестностей связано с русским импортом.

При раскопках на ул. Ярославского были обнаружены фрагменты поливной керамики (140 шт.), принадлежавшие, вероятно, 29 различным сосудам. На сегодняшний день это самая представительная коллекция поливной керамики, обнаруженной на территории Якутска. К сожалению, археологически целые формы сосудов не сохранились. Большинство апплицированных частей сосудов относятся к единичным экземплярам или представлены небольшими фрагментами, что значительно затрудняет классификацию и применение в отношении них статистических процедур.

Вся исследованная керамика относится к бытовой посуде, в составе которой выделяются фрагменты столовой (27 изд.), хозяйственной посуды (2 изд.) и фрагменты посуды, точное функциональное назначение которой затруднено из-за фрагментарности.

Поливы, использованные при изготовлении керамики исследуемой коллекции относятся к монохромным и не имеют дополнительного цветного декора.

Обращает на себя внимание топография находок поливной керамики в плане раскопа: практически все фрагменты тяготеют к линии квадратов с цифровыми маркерами «20–24». Такое относительно компактное размещение может косвенно свидетельствовать о принадлежности данной посуды проживавшим здесь владельцам с достаточно высоким социальным статусом.

В материалах коллекции нами выделено **6 групп по цвету крошащей глазури.**

Группа I. Керамика с покрытием зеленой поливой

Такой цвет поливы до начала XVIII в. назывался «муравой» (то есть цвета травы-муравы), а любая керамика, покрытая глазурью, называлась «муравленой». Рассматриваемая керамика составляет основную часть коллекции поливной керамики и представлена фрагментами 21 изделия – блюда, мисок и изделий неопределимой в связи с их малочисленностью и фрагментарностью формы.

Блюдо (1 экз.) – низкий сосуд открытой формы высотой 6,0 см на дисковидном поддоне, с заступом под крышку в верхней части сосуда. Диаметр донной части около 15,0 см. Сосуд полностью покрыт поливой, цвет поливы монохромный темно-зеленый. В формовочной массе визуально отмечается примесь сухой глины, цвет формовочной массы в обожженном состоянии бежево-красный.

Миски (7 экз.) – низкие открытые сосуды высотой 6,0–9,0 см. Среди мисок можно выделить округлобокие (4 экз.) и в виде перевернутого усеченного конуса (3 экз.). На трех изделиях фрагментарно сохранился низкий кольцевой поддон. У одного изделия кольцевой поддон диаметром 10 см сохранился полностью. Три миски имеют заступ под крышку, у двух мисок венчик слегка отогнут наружу, один венчик прямой, ещё у одного изделия венчик не сохранился. Изделия покрыты поливой как с внутренней, так и с наружной стороны. Сохранившиеся фрагменты донных частей также покрыты поливой, за исключением одного изделия, дно которого сохранило естественный терракотовый цвет. Цвет поливы темно-зеленый, в одном случае с дополнительным желтым пигментом, в другом случае с дополнительным коричневым пигментом. Цвет формовочной массы бежево-красный (4 экз.) и серый (3 экз.). Во всех формовочных массах визуально отмечается примесь сухой глины светло-бежевого цвета и песка.

Неопределимые формы изделий (13 экз.) представлены мелкими фрагментами, по которым восстановить форму сосуда не представляется возможным. Среди этих изделий выделяются три тонкостенных сосуда (толщина стенок 0,3–0,5 см) малой округлой формы с поливой неоднородного темно-зеленого и светло-зеленого цвета с коричневыми и желтоватыми пятнами. Возможно, это фрагменты сосудов какого-то специального назначения, например, фрагменты солонок. Цвет формовочных масс в обожженном состоянии в основном бежево-красный (8 экз.), в остальных случаях серый (4 экз.) и светло-серый (1 экз.). В составе формовочных масс визуально фиксируется примесь сухой глины, песка, иногда дресвы.

Группа II. Керамика с покрытием желтой поливой

Керамика данной группы представлена 9-ю апплицирующимися фрагментами одного изделия - плоской столовой тарелки. Индивидуальная посуда, к которой относятся тарелки, стала входить в быт наиболее состоятельного населения Руси лишь с XVII в., а уже в XVIII в. тарелка прочно вошла в повседневный обиход и стала незаменима при употреблении пищи.

Тарелка (1 экз.) из нашей коллекции представляет собой плоское керамическое изделие круглой формы с приподнятыми и отогнутыми наружу краями, и широким плоским дном на низком кольцевом поддоне. Высота тарелки 2,2 см. Цвет формовочной

массы светло-бежевый, почти белый. В составе формовочной массы визуально фиксируется примесь шамота и коричневые ожелезненные вкрапления.

Группа III. Керамика с покрытием оранжевой поливой

Данная керамика представлена четырьмя апплицирующимися фрагментами горлышка сельтерской бутылки, которая представляет собой хозяйственную тарную посуду для минеральной сельтерской (зельтерской) воды. Минеральная вода в XVIII–XIX вв. была самым аристократическим освежающим напитком, что подчеркивает высокий статус владельца изделия [Кузнецова, 2017].

Бутылка (1 экз.) из данной коллекции представлена фрагментом узкого горлышка высотой 2,2 см с наплывом по краю, переходящего в цилиндрическое тулово. Полива оранжевого цвета покрывает стенки бутылки изнутри и снаружи. Формовочная масса бутылки белого цвета, примесь визуально практически не фиксируется за исключением единичных вкраплений угля (?).

Группа IV. Керамика с покрытием коричневой поливой

Керамика данной группы представлена фрагментами столовой посуды - небольшого горшка (?), тарелки и кружки.

Горшок (?) (1 экз.) – сосуд с округлым туловом и очень короткой профилированной шейкой. Следует отметить, что фрагментарность изделия (12 фр.) не позволяет с абсолютной уверенностью атрибутировать его как горшок, в связи с чем в дальнейшем не исключается вероятность отнесения его к мискам. Дно сосуда плоское, с дисковидным поддоном. Глазурь темно-коричневого цвета полностью покрывает внутреннюю сторону сосуда. Внешняя сторона покрыта не полностью, отсутствует полива и на внешней стороне поддона, что свидетельствует об глазуровании сосуда обливанием. Формовочная масса сосуда очень плотная, с визуальной фиксируемой значительной примесью песка и сухой серой глины. Цвет формовочной массы неоднородный, в основном красновато-коричневый и темно-серый ближе к наружной поверхности сосуда.

Тарелка (1 экз.) представлена пятью фрагментами. Изделие имеет поливу темного красновато-коричневого цвета с зеленоватыми пятнами с обеих сторон. Формовочная масса серого цвета, визуально фиксируется примесь светло-серой глины (возможно извести?).

Кружка (?) (1 экз.) – небольшое невысокое полое изделие цилиндрической формы, предназначенное для питья. Кружка представлена одним фрагментом плоскодонного сосуда на дисковидном поддоне. Диаметр поддона 4,2 см. Полива темно-коричневого цвета покрывает полностью изделие изнутри, с внешней стороны поддон и донная часть не имеют поливы. Цвет формовочной массы серый, примесь визуально не фиксируется.

Группа V. Керамика с покрытием серой поливой

Керамика с покрытием серой поливой представлена фрагментами 2 изделий - столовой тарелки и тарной бутылки.

Тарелка (1 экз.) представлена 2 апплицирующимися мелкими фрагментами плоской донной части. Фрагменты покрыты поливой серого цвета с одной стороны и синевато-серого цвета с другой. Цвет формовочной массы белый, без видимых примесей.

Бутылка (1 экз.) представлена 2 фрагментами тулова цилиндрической формы с серой поливой снаружи и коричневой поливой изнутри. Формовочная масса серого цвета, без видимых примесей.

Группа VI. Керамика с покрытием синей поливой

Керамика с синей поливой представлена двумя очень мелкими фрагментами, в связи с чем, форму изделий и их функциональное назначение установить невозможно. В первом случае глазурь синего цвета покрывает фрагмент только с наружной стороны, с внутренней стороны фрагмент покрыт глазурью бежевого цвета. Во втором случае фрагмент имеет синюю поливу как изнутри, так и снаружи. Цвет формовочной массы обоих фрагментов бежевый, примесь визуально не фиксируется.

Выводы. Полученная в ходе раскопок на ул. Ярославского коллекция поливной керамики является достаточно представительной и позволяет реконструировать некоторые аспекты жизни и быта горожан XVIII – начала XIX вв.

В коллекции выделены группы керамики с зеленой, желтой, оранжевой, коричневой, серой и синей поливой, являвшиеся предметом русского импорта и представлявшие собой социально престижную посуду. Относительная компактность размещения обнаруженных фрагментов поливной керамики может свидетельствовать о том, что в данной части города в указанный период располагались подворья достаточно зажиточных высокостатусных горожан.

В соответствии с функциональным назначением основная часть коллекции отнесена к столовой посуде, возможно, парадной, другая, незначительная часть, к хозяйственной тарной посуде. Столовая посуда представлена посудой общего пользования - мисками (в том числе с заступом под крышку), горшком (?), блюдом, а также индивидуальной посудой – тарелками и кружкой. Формы сохранившихся поддонов столовой посуды относятся к дисковидным и кольцевым. Тарная посуда представлена фрагментами бутылок.

Также, в результате визуального наблюдения выделены различные формовочные массы, использовавшиеся при изготовлении поливной керамики исследуемой коллекции, бежево-красного, коричневого, серого и белого цвета в

обожженном состоянии с примесями песка, сухой глины, извести (?), угля, а также без видимых примесей, что может быть косвенным свидетельством её происхождения из различных производственных центров.

Источники

Дьяконов В.М. Отчет о проведении археологических наблюдений на территории реконструкции Свято-Троицкого собора в г. Якутске Республики Саха (Якутия) в 2016 году. – Якутск, 2021. – 112 с.

Максимова М.В. Отчет о работе Городского отряда археологической экспедиции ЯГУ на территории г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 года. – Якутск, 2008. – 116 с.

Строгова Е.А. Итоговый научно-технический отчет о разведочных работах по договору № 18/13 от 10 июля 2013 г. «Многоквартирный жилой дом с социальными помещениями в 64 квартале г. Якутска». – Якутск, 2013. – 92 с.

Строгова Е.А. Отчет о проведении Городским отрядом археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН охранно-спасательных раскопок на выявленном объекте культурного наследия «Логовая», расположенном в квартале «В» г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2017 года. – Якутск, 2018. – 169 с.

Литература

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург-Нефтеюганск: МАГЕЛЛАН, 2008. – 296 с.

Кузнецова С. «Публика пьет их чуть ли не с азартом». Почему обыкновенная газировка очень долго была в России элитным напитком // Газета Коммерсантъ от 11.08.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3379829>, дата обращения 26.09.2021 г.

Макарова Т.И. О происхождении поливной посуды на Руси // Советская археология. – 1963. – № 2. – С. 246–250.

Мельников Б.В. Гончарная керамика археологических памятников Сибири XVII–XVIII вв. // Керамика как исторический источник: тезисы докладов и мат-лы конф. (16–18 апреля 1996 г.). – Тобольск: Тобольский государственный педагогический университет им. Д.И. Менделеева, 1996. – С. 43–45.

Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 1. – Якутск: Якутская государственная типография, 1945. – 100 с.

Подгорбунский В.И. Заметки о гончарстве якутов. – Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического Общества, 1928. – С. 20. и табл.

Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVI. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 147–164.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. – М.: Наука, 1968. – 124 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – М., 1993. – 736 с.

Строгова Е.А. Археологические работы на территории Якутского острога: первые результаты // Культура русских в археологических исследованиях: мат-лы V Междунар. научн. конф. – Т. 1. – Омск-Тюмень-Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. – С. 170–175.

Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии). Автореф. дисс. ... к.и.н. – Барнаул, 1997. – 18 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

❖ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

Специалисты-археологи в ходе своих исследований зачастую пренебрегают таким видом исторических источников как периодическая печать. Это объясняется, во-первых, несерьезным отношением ученых к публикуемой в газетах информации, а во-вторых, необходимостью обработки большого количества номеров и выпусков какого-либо издания в процессе поиска полезных материалов. При этом всегда существует вероятность не обнаружить совершенно ничего подходящего, затратив на проработку объемов изданий достаточное количество времени и сил. В связи с вышеизложенными трудностями периодическая печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири представляется весьма перспективным направлением научной деятельности.

Изучая местные периодические издания второй половины XIX – первой трети XX вв., мы имеем возможность подробно рассмотреть огромный пласт уникальных сведений по теме исследования, заключенных на страницах газет и журналов. Удивительно, но даже издания, ориентированные на самый широкий круг читателей, с завидной регулярностью публиковали статьи и заметки о событиях научной жизни региона. Археологическое направление исследовательской деятельности не было исключением, а самые интересные сюжеты время от времени попадали в периодику.

Ещё интереснее обстоит дело со специальными периодическими изданиями, целевая аудитория которых состоит из ученых-профессионалов естественных и гуманитарных направлений. Благодаря таким источникам, мы имеем возможность ознакомиться с непосредственными научными изысканиями, представленными в виде подробных отчетов, статей и заметок исследователей.

Нами были рассмотрены и проанализированы следующие периодические издания: журнал «Записки СОИРГО», затем преобразованный в «Известия ВСОИРГО», а также иркутские газеты «Власть труда» и «Университетское слово». Хронологические рамки исследования располагаются в границах второй половины XIX – первой трети XX вв. и определяются открытием в 1851 г. Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества с одной стороны, и наступлением качественно

нового этапа археологических исследований региона после смены политического и общественного устройства страны – с другой.

«Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества» – главный источник в ряду периодических изданий по изучению истории археологических исследований региона [Рахматуллина, 2021]. В 1851 г. в Иркутске открывается Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества, и вследствие этого, исследовательская деятельность в регионе заметно оживляется. Свой печатный орган появляется у СОИРГО уже в 1856 г. – «Записки СОИРГО». Здесь публиковались научные труды местных исследователей, отчеты о проведенных экспедициях, различные краеведческие статьи, протоколы заседаний общества и распорядительного комитета. С 1870 г. вместо «Записок» стали издаваться «Известия СОИРГО» (с 1878 г. – «Известия ВСОИРГО»), которые после революции были переименованы в «Известия ВСОИРГО», а сам Восточно-Сибирский отдел вплоть до начала 30-х гг. XX в. руководил всей научно-исследовательской работой в означенном регионе.

При обобщении помещенных в «Известиях» сведений были определены тематические группы обнаруженных материалов: данные об экспедициях и статьи исследователей; протоколы заседаний общества; некрологи; прочие данные, к которым относятся сведения о выдаче открытых листов, данные об экскурсиях, информация о поступающих экспонатах, книгах и рукописях.

Печатный орган ВСОИРГО предназначался для публикации трудов ученых по общим исследованиям Сибири, что предполагало археологические, этнографические, географические, геологические, ботанические и др. изыскания. «Известия ВСОИРГО» изначально создавались для публикации работ ученых-исследователей, поэтому данная группа сведений одна из самых обширных.

Так, в томе 9 «Известий» расположено «Предварительное сообщение о доставлении из Верхоянского округа головы носорога с сохранившимися при ней мягкими частями» И.Д. Черского. В этой работе очень подробно описаны останки древнего животного и обстоятельства его обнаружения. Делается предположение о климате эпохи, в которую проживал носорог, и об ареале его обитания [Известия ВСОИРГО, 1878, Т. 9, № 5–6]. В следующем томе 10 помещена еще одна статья Ивана Дементьевича – «Описание некоторых ископаемых остатков млекопитающих животных, вырытых в Нижнеудинской пещере» [Там же, 1879, Т. 10, № 1–2]. Работа эта примечательна тем, что является, во-первых, продолжением отчета, помещенного в выпусках 2 и 3 тома 7 «Известий», а во-вторых, весьма информативна. И.Д. Черский

обследовал Нижнеудинскую пещеру и обнаружил в ней кости вымерших животных в отличном состоянии. Эти материалы он публиковал по мере их обработки. Данная конкретная статья посвящена описанию остатков, большая часть которых составляет абсолютно новое приобретение для ископаемой фауны Сибири. Иван Дементьевич на материалах ископаемых животных Восточной Сибири, собранных за 6 лет исследований, выделяет 31 вид, в том числе мамонт, носорог, северный олень, лось, антилопа и др. Примечательно, что в данной статье описана стратиграфия пещеры и даже сделано приложение с рисунками.

Специальные статьи об археологических находках и исследованиях вообще публикуются в «Известиях» с конца XIX в.: Н.Н. Виташевский – «Интересный экземпляр каменной стрелки, найденной в Якутской области» [Там же, 1899, Т. 30, №1]; Я.Н. Ходукин — «Материалы к археологии реки Илима»; А.П. Окладников – «Неолитический могильник в местности Хапчагай»; Г.М. Константинов – «Археологические находки вблизи деревни Верхне-Метляево» и «К материалам по изучению Ангарского неолита» [Там же, 1928, Т. 53]; В.И. Подгорбунский – «Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска, летом 1924 года» [Там же, Т. 54].

Невозможно представить себе «Известия ВСОИРГО» без протоколов заседаний. Они повествуют нам обо всех сторонах деятельности данного научного образования, в т. ч. в них можно встретить данные о поступлении новых экспонатов в музей Отдела, переданных частными лицами либо исследователями после экспедиций. К примеру: «...все археологические остатки будут передаваться в Отдел...» или «Доложено, что Член Отдела Н.М. Козьмин представил для напечатания в Известиях статью "Следы каменного века в долине р. М. Патом Олекминского округа" и коллекцию ископаемых костей и дерева, найденных при поисковых работах на р. М. Патом» [Там же, 1898, Т. 29, № 1]; «Кроме материалов, принадлежащих ВСОИРГО и Научному музею, в витрине Отдела экспонировались предметы, принадлежащие П.П. Хороших и Б.Э. Петри» [Там же, 1924, Т. 47].

Важным явлением назовем некрологи, размещенные в «Известиях». Так, на страницах журнала можно встретить некрологи, посвященные И.Д. Черскому [Там же, 1892, Т. 23, № 3], Н.М. Ядринцеву и А.В. Потаниной [Там же, 1894, Т. 25, № 1], А.В. Григорьеву [Там же, 1907, Т. 38], Д.А. Клеменцу [Там же, 1914, Т. 43] и др.

Основательную часть сведений не представляется возможным отнести к какой-либо категории. Например, данные об экскурсиях. Так, в 1897 г. в музее Отдела посетители заслушали объяснение коллекции каменного века, найденной Н.И. Витковским на берегу реки Китой [Там же, 1898, Т. 29, № 3]. Вопросы об открытых

листах также не были выделены нами в отдельную группу ввиду их малочисленности: «Должено отношение Императорской Археологической Комиссии с открытыми листами на право производства раскопок по линии жел. дороги от Иркутска до озера Байкала членами Отдела гг. Меклеру, Овчинникову и Шмидту, которые Комитет испросил у Комиссии» [Там же, № 1]; «Канцелярия Императорской Археологической Комиссии просит доставить сведения о результатах раскопок Ю.Я. Меклера и возвратить ей открытый лист» [Там же, 1901, Т. 32, № 1–2]. Единичными являются упоминания о поступающих в библиотеку книгах и рукописях [Записки СОИРГО, 1857, Т. 4], об издании каталога доисторической археологии [Там же], составленного М.П. Овчинниковым и т. д. Материалы эти, хотя и единичны, отражают многогранную деятельность Восточно-Сибирского Отдела ИРГО.

Сведения, помещенные в «Известиях», имеют высокую степень информативности и демонстрируют обширный радиус интересов ВСОИРГО. Это и экспедиционная деятельность, и направления научных интересов ученых, и анализ поступающих в распоряжение Отдела предметов древности, и многое другое. Уникальная историческая значимость и историографическая актуальность данного издания совершенно неоспорима.

Теперь переходим к анализу такого вида периодической печати, как газеты. Для создания высокой степени значимого обзора какого-то одного издания недостаточно. Мы постараемся дать общий анализ материала, обнаруженного на страницах иркутских газет, рассматривая его как единое целое, а не подразделяя встретившиеся нам данные по конкретным изданиям, поскольку излишнее дробление информации не ведет к качественному ее осмыслению, и, только сопоставляя, мы имеем возможность собрать полноценную картину исследуемого вопроса.

На данном этапе работы с периодикой удалось изучить такие газеты, как «Власть труда» [Харисова, 2020а] и «Университетское слово» [Харисова, 2020б]. Абсолютно разнонаправленные, эти издания прекрасно отражают современные им веяния в научной жизни Восточной Сибири. «Власть труда» – иркутская ежедневная газета, выходившая с 1917 по 1930 гг. В отличие от «Известий ВСОИРГО», данная газета не является специальным печатным органом по исследованиям уникального восточносибирского региона, а представляет собой периодическое издание, помещающее на своих страницах новости разного уровня значимости от мирового до местного. «Университетское слово» отличается от газеты «Власть труда» тем, что является изданием, предназначенным для публикации новостей научной сферы, в том числе и археологии, а не газетой широкого круга читателей, что и обеспечивает ей

присутствие большого количества материалов, интересующих нас в рамках исследования.

По аналогии с «Известиями ВСОИРГО» все обнаруженные материалы в обеих газетах были разделены на несколько групп: упоминания о деятельности ВСОРГО; информация о деятельности сотрудников ИГУ; сведения о кружке «Народоведение»; статьи археологов; некрологи; прочие данные.

Необходимые нам сведения по первой группе сперва появляются в газете лишь мельком: «В географическом обществе (в помещении музея) 20 мая, в 7 часов вечера, назначено общее собрание членов для заслушания доклада Б.Э. Петри...» [Власть труда, 1920, № 156]; несколько позже становятся более подробными, включая в себя планы общества, информацию о выставках, проектах, специально для этого помещается раздел «В Восточно-Сибирском отделе Географического общества», где тщательно расписываются предстоящие мероприятия [Там же, 1922, № 747].

Столь же регулярно встречаются сведения о сотрудниках ИГУ и их деятельности, помещается материал о кандидатурах на размещение кафедр университета [там же, 1920, № 238], об экспедициях, как, к примеру, экспедиция Б. Э. Петри в Киренский уезд и Монголию [Университетское слово, 1923, № 21] и т. п. Как и в случае с упоминаниями о деятельности ВСОРГО, для публикации материалов касательно кружка «Народоведение» также был введен специальный раздел под названием «В научном кружке народоведения». Раздел этот помещал материалы о заслушании докладов на заседании кружка, давал подробное их описание [Власть труда, 1922, № 63], приводил заметки о задачах, целях и планах этого научного объединения, передавал данные о количественном составе участников, тематике докладов и лекций, об экскурсиях и поездках [Там же, № 714].

Следующая, чрезвычайно многочисленная группа материалов – статьи археологов. Для повышения интереса публики к археологическим исследованиям и к науке вообще в газетах печатали заметки и полноценные обзорные статьи исследователей. Все они, по большей части, помещались в разделе «Научное обозрение». Часто использовался и такой способ привлечения внимания читателей, как продолжающиеся статьи, помещенные в нескольких номерах подряд. Таким образом редакторы возбуждали любопытство аудитории и поддерживали ее заинтересованность. Таковыми в основном были статьи П.П. Хороших о древних кладбищах [Там же, № 714, 660, 662] и «К археологии Байкала» [Университетское слово, 1923, № 15, с. 21–24].

Среди единичных статей отметим работы: «Тайна шаманского камня» В.М. Сосновского [Там же, № 25], «К палеонтологии» [Там же, № 10] и «Памяти дедушки Сибирской археологии М.П. Овчинникова» [Власть труда, 1922, № 715] П.П. Хороших, «Опыт программы для изучения охоты у тунгусов и якутов» В.И. Подгорбунского [Университетское слово, 1923, № 4] и т. д.

Выделенные в отдельную группу некрологи занимают свое место в общем потоке информации по теме. Так, на страницах газеты «Власть труда» приводится информация о смерти с последующим помещением некрологов М.П. Овчинникова [Власть труда, 1921, № 473], С.А. Григорьева [Там же, № 618, 619] и т. д.

Данные, составившие группу «прочее», к сожалению, являются слишком разнообразными и не поддаются сопоставлению. Однако, при увеличении количества источников и появлении новых материалов, представляется вероятным вычленение дополнительных тематических групп сведений. Следует ограничиться лишь перечислением наиболее ярких упоминаний: небольшая статья «Музеи и охрана памятников старины» [Там же, № 376], «Библиография» со ссылкой на 4-й номер «Этнографического бюллетеня», в котором опубликована статья Н. Ауэрбаха «К исторической археологии низовьев Енисея» [Университетское слово, 1923, № 16] и т. д.

История археологических исследований Восточной Сибири на сегодняшний день представляет интерес для многих специалистов. В изучении данного вопроса деятели науки регулярно обращаются к различным статьям, монографиям, отчетам и т. д. Однако часто ими упускается очень важный источник — периодическая печать. Благодаря проведенному обзору, удалось систематизировать полученные сведения и выделить основные направления археологической деятельности в материалах периодической печати в период со второй половины XIX до первой трети XX вв. Дальнейшее развитие темы позволит перейти к выделению материалов по территориальному, хронологическому и другим признакам.

Источники

- Власть труда. Иркутск, 1920. № 156.
- Власть труда. Иркутск, 1921. № 376.
- Власть труда. Иркутск, 1921. № 473.
- Власть труда. Иркутск, 1921. № 618.
- Власть труда. Иркутск, 1921. № 619.
- Власть труда. Иркутск, 1922. № 63.
- Власть труда. Иркутск, 1922. № 660.
- Власть труда. Иркутск, 1922. № 662.
- Власть труда. Иркутск, 1922. № 714.

Власть труда. Иркутск, 1922. № 715.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 747.
Власть труда. Иркутск, 1920. № 238.
Записки СОИРГО. СПб., 1857. Т. 4.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1878. Т. 9. № 5–6.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1879. Т. 10. № 1–2.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1892. Т. 23. № 3.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1894. Т. 25. № 1.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 1.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 3.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1899. Т. 30. № 1.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1901. Т. 32. № 1–2.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1907. Т. 38.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1914. Т. 43.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1924. Т. 47.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1928. Т. 53.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1928. Т. 54.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 10.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 15.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 16.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 21.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 22.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 23.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 24.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 25.
Университетское слово. Иркутск, 1923. № 4.

Литература

Рахматуллина О.Р. Археологические исследования Восточной Сибири в «Известиях ВСОИРГО» // Мат-лы LXI Росс. археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 24–26.

Харисова О.Р. Газета «Власть труда» как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири // Мат-лы LX Росс. археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020а. – С. 15–17.

Харисова О.Р. Газета «Университетское слово» как вспомогательный источник по истории археологических исследований в Сибири // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы всеросс. науч.-теор. конф., посв. памяти профессора В.И. Дулова. – Иркутск, 2020б. – С. 37–40.

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ, МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ И ОБЩЕСТВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Томилов Н.А.

Омск, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН,

Омский государственный университет им Ф.М. Достоевского

❖ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ XVI–XVIII ВЕКОВ: ОПЫТ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема данной работы определяется проводимым ее автором изучением этнокультурных процессов у тюркских народов Западной Сибири XVI–XVIII вв. – важнейших в динамике формирования и функционирования исторической общности россиян, а также подготовкой обобщающего монографического труда «Культурно-хозяйственные комплексы сибирских татар XVII–XVIII веков».

Актуальность выделения и характеристики культурно-хозяйственных комплексов этнических общностей связана, прежде всего, с необходимостью познания объема и уровня организации и функционирования хозяйственных систем с их набором предметов и явлений традиционно-бытовой (прежде всего, природно-средовой и материальной культуры). Кроме того, полученные результаты могут быть использованы для сравнительного изучения типов культурно-хозяйственных комплексов в целях получения знаний об этнокультурных связях и взаимодействиях в отдельных регионах.

Объектом нашего исследования являются традиционные хозяйственные занятия и связанные с ними явления народной культуры сибирских татар, состоящих из трех этнических групп – тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, проживающих в южных районах Западно-Сибирской равнины. В данной работе будут рассмотрены источники и подходы к изучению культурно-хозяйственной сферы тарских татар – одной из групп тоболо-иртышских татар, расселенных в Тарском Прииртышье. Хронологические рамки исследования – это XVI–XVIII вв. Выбор данной группы сибирских татар связан с тем, что для изучения поставленных вопросов здесь

имеется наиболее полный комплект разных видов источников, о чем будет сказано ниже.

Первые публикации автора данной работы были посвящены хозяйственным занятиям томских татар (статья 1973 г. о хозяйстве этой группы в конце XIX – начале XX в. и монография 1980 г. «Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (хозяйство и материальная культура)» с экскурсами в хозяйственную деятельность томских татар XVI – XVIII вв. Характеристики хозяйства томских татар в феодальный период содержатся в монографиях З.Я. Бояршиновой «Население Западной Сибири до начала русской колонизации» (1960 г.) Н.Ф. Емельянова «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности)» (1980 г.).

В 1975 г. в моей совместной с В.Б. Богомоловым и Ю.И. Курочкой статье были приведены полевые материалы о хозяйстве барабинских татар. В 1986 г. мною была опубликована статья «Хозяйство барабинских татар в XIX и начале XX вв.». В объемном виде хозяйственные занятия барабинцев освещены в очерке В.В. Храмовой «Западносибирские татары» (1956 г.), монографиях А.Г. Селезнева «Барабинские татары: истоки этноса и культуры» (1994 г.), Д.А. Мягкова «Очерки истории присваивающего хозяйства барабинских татар» (2008 г.), В.И. Соболева «История сибирских ханств (по археологическим материалам)» (2008 г.), статьи вышеназванных авторов, а также В.Б. Богомолова, С.Ю. Первых. О хозяйстве тоболо-иртышских татар некоторые материалы мною впервые включены в соответствующий раздел моей монографии «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI - начале XX вв.» (1992 г.). И лишь недавно возобновился мой интерес к этой теме в связи с изучением этнокультурных процессов у татар Западной Сибири в системе исторической общности россиян. И в 2018 г. была опубликована статья о хозяйстве и типологии традиционно-бытовой культуры татар этого региона в XVII – XIX вв.

Следует отметить, что материалы по хозяйственным занятиям тоболо-иртышских татар и их интерпретация содержатся во многих работах историков и этнографов XX – первых десятилетий XXI в. Среди них опять же вышеназванный очерк В.В. Храмовой, монография Ф.Т.А. Валеева «Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.» (1980 г.) и «Сибирские татары. Культура и быт» (1992 г.), моя совместная с Ф.Т. Валеевым монография «Татары Западной Сибири: история и культура» (1996 г.), монографии Г.Т. Бакиевой «Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.)» (2003 г.), З.А. Тычинских «Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.)» (2010 г.). Из

статей с описанием хозяйственных занятий разных групп сибирских татар следует назвать работу Ш.И. Авдеева и И. П.Струковой о тобольских и тюменских татарах (1937 г.), С.В. Бахрушина о сибирских служилых татарах XVII в. (1937 г.), И.Б. Гарифуллина о хозяйстве тоболо-иртышских татар Тюменской области (1996 г.), З.А. Гафуровой о хозяйстве тоболо-иртышских татар (1990 г.), И.А. Селезневой о таёжной модели хозяйственного комплекса сибирских татар (1994 г.), К.Н. Тихомирова и М.Н. Тихомировой об охотничьем промысле сибирских татар (2010 г.) и др.

Наибольшее количество работ приходится на хозяйственные занятия тарских татар – объект нашего исследования. Но об этом ниже, когда речь пойдет о наличии источников по данной теме.

Основное теоретическое положение, на которое мы опираемся – это понятие культурно-хозяйственного комплекса. Еще в 1979 г. Э.Л. Львова опубликовала статью «К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа (на примере чулымских тюрков)». В 1991 г. в коллективной монографии она охарактеризовала культурно-хозяйственный комплекс (тип) чулымцев и определила его таким образом – это реконструированная «...многокомпонентная экономическая структура, в которой преобладали рыболовство и охота в сочетании с собирательством, примитивным земледелием и некоторыми элементами скотоводства» [Тюрки..., 1991, с. 96].

Существенную работу в изучении хозяйственных комплексов на материалах о народах Северо-Западной Сибири проделал в начале 1990-х гг. А.В. Головнев [Головнев, 1993]. Им построена структура типов хозяйственных комплексов у северных народов Сибири до заселения этой территории русскими – это типы арктический промысловый, тундровый промысловый оленеводческий, прибрежно-тундровый промысловый, таёжно-самодийский промыслово-олeneводческий, глубинно-таёжный промысловый, приречно-таёжный промысловый [Он же, 1995, с. 46–48].

Омские ученые занимались и методическими вопросами в этой области знания. Н.А. Томиловым была опубликована программа сбора материалов по теме «Хозяйственные занятия» в 1989 г., А.Г. Селезевым, С.Ф. Татауровым и Н.А. Томиловым – программа «Основные хозяйственные занятия населения юга Западной Сибири» в 1997 г., и ими же – программа «Основные хозяйственные занятия населения умеренной зоны», в 2002 г. М.А. Корусенко и С.Ф. Татауров подготовили и издали вопросник «Землепользование и пути сообщения» (1996, 2002). А.В. Головнев в омском сборнике вопросников и программ по этноархеологии и этнографии в 2002 г. опубликовал программу сбора материалов «Хозяйственный цикл рыболовов и

охотников Западной Сибири», а А.В. Новиков и Л.В. Татаурова в этом же сборнике – вопросник по изучению гончарства.

При изучении хозяйственных занятий тарских татар привлекаются разнопрофильные источники. Письменные источники – это прежде всего публикации трудов ученых и известий о народах Сибири путешественников XVI–XVIII вв. в работах М.П. Алексеева, Э.П. Зиннера, Н.Ф. Катанова, И.П. Кузнецова-Красноярского, Б.П. Полевого, З.Д. Титовой, А.Х. Элерта и др. Это и работы по этнографии, археологии, лингвистике, содержащие материалы о хозяйстве тарских татар – помимо названных выше работ о тоболо-иртышских татарах – это труды В.Б. Богомолова (1996 г.), В.Б. Богомолова и Б.В. Мельникова (1997 г.), Г.М. Козиной, Н.В. Кузнецовой и С.Ю.Первых (1978 г.), М.А. Корусенко (1997 г.), М.А. Корусенко и В.В. Михалева (2006 г.), М.А. Корусенко и С.Ф. Татаурова (1994, 1995, 1997, 2003 гг.), С.Н. Корусенко (1996, 2007 гг.), Р.К. Сатлыковой (1976, 1986 гг.), А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой (1995, 1997, 2000, 2002 гг.), В.И. Соболева (2008 г.), С.Ф. Татаурова (1996 г.), Л.В. Татауровой (1996, 1997 гг.), А.А. Ярзуткиной (1998, 2002 гг.) и др. И, конечно же, это большое количество работ с публикациями археологических материалов поздних памятников, прямо связанных с тюркским населением Тарского Прииртышья.

Наибольший и существенный вклад в изучение хозяйства тарских татар второй половины XIX – начала XX в. внесла И.А. Селезнева, которая в качестве постановки проблемы пришла к выводу о едином у них хозяйственном комплексе, соединяющем в равной мере присваивающие и производящие виды хозяйства [Селезнева, 2000, с. 17]. Для XVI–XVIII вв. в системе хозяйственных занятий этой группе татар ситуация, возможно, была более сложной с учетом разной роли того или иного хозяйственного компонента. Так было при предварительном изучении хозяйства тюменских татар, проживающих в примерно сходных с тарскими татарами природных условиях. У них для XVII–XIX вв. прослеживаются все же два хозяйственных комплекса – южный земледельческо-скотоводческих в лесостепной зоне и северный с равным значением земледелия, скотоводства и где-то охоты и рыболовства, а где-то только охоты или только рыболовства [Томилов, 2018, с. 256–257].

В связи с вышесказанным нами поставлена задача обобщить материалы по хозяйству всех пяти групп тоболо-иртышских татар (тюменской, тобольской, ясколбинской, курдакско-саргатской и тарской XVI–XVIII вв. и, по-возможности, научно интерпретировать их в плане этноархеологического выявления и характеристики культурно-хозяйственных комплексов и, возможно, типов культуры (хозяйственно-культурных типов).

Литература

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. – 204 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / отв. ред. С.А. Арутюнов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.

Селезнева И.А. Традиционное хозяйство тарских татар (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дисс. ... к.и.н. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Томилов Н.А. Хозяйственные занятия и типология традиционно-бытовой культуры татар Западной Сибири XVII – XIX вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 2. – С. 254–258.

Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос / Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Г.А. Аксянова и др.; под ред. В.П. Алексева. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 246 с.

Eric Crubézy¹, Sylvie Duchesne², Patrice Gérard¹, Liubomira Romanova³, Christiane Petit,

Michel Petit⁴, Richard Prot¹, Olga Melnichuk³,

Rosalia Bravina⁵, Ludovic Orlando¹, Anatoly Alexeev⁵, Willy Tegel⁶

Université de Toulouse III (Toulouse, France)¹

Institut national de recherches archéologiques préventives (Paris, France)²

СВФУ им. М.К. Аммосова (Якутск)³

Département de l'Amérique du Nord, musée du quai Branly (Paris, France)⁴

ИГИиПМНС СО РАН (Якутск)⁵

University of Freiburg (Freiburg, Germany)⁶

❖ NOUVELLES DATATIONS DENDROCHRONOLOGIQUES DES TOMBES GELEES IAKOUTES. IMPLICATIONS POUR UNE CONNAISSANCE DE L'ELITE IAKOUTE ENTRE 1750 et 1800 AD

Depuis 2002, sous la direction d'Anatoly Alexeev à Yakuts et d'Éric Crubézy à Toulouse (France), une équipe franco-russe étudie l'évolution biologique et culturelle des populations d'éleveurs de chevaux et de vaches vivant sur le territoire de la Iakoutie depuis le 14e siècle jusqu'à la fin du 19e siècle [Crubézy, Melnichuk, Alexeev, 2020]. Jusqu'à présent cette étude a

été basée sur la fouille de sépultures et la confrontation des données obtenues avec les données historiques et ethnologiques [Crubézy, Alexeev, 2012].

L'intérêt de ces fouilles est notamment de pouvoir suivre de façon précise le contact entre populations autochtones et Européens. Cela permet de comprendre comment se sont effectués les contacts, leur vitesse, les éléments assimilés [Hochstrasser-Petit, Romanova et al., 2020], quels furent les sujets impliqués et les mécanismes historiques [Zvénigorosky, Duchesne, 2020]. Par ailleurs une attention soutenue est donnée aux implications biologiques de ces contacts, tant en ce qui concerne la nourriture [Romanova, Balter, et al., 2019], la diffusion du tabac ou du thé [Mace, Richeval, et al., 2021], celle des maladies infectieuses [Dabernat, Thèves, et al., 2014; Biagini, Thèves, et al., 2012; Thèves, Senescau, et al., 2011] ou la pathologie dentaire [Crubézy, Duchesne, et al., 2021].

Par rapport à d'autres régions du monde, notamment l'Amérique du Nord et du Sud, nous pouvons grâce à l'excellente conservation des tombes et des sujets suivre ce contact par périodes de 50 ans [Duchesne, Bravina, et al., 2020]. En effet, les tombes gelées permettent une excellente conservation du bois et du collagène et nous pouvons donc effectuer des datations dendrochronologiques et au C14 dans de bonnes conditions. Le collagène des os humains, correspond à un collagène qui chez un adulte renvoie à des dates entre un à dix ans avant le décès, mais ces dates ont un écart type important, et il est souvent difficile de savoir si la personne est décédée au 16e siècle, et donc avant les premiers contacts connus, ou au 17e siècle. Les analyses dendrochronologiques portant sur le dernier cerne des arbres ayant servi à la construction des coffres contenant les sujets sont les plus intéressantes car elles peuvent fournir une date à l'année près. Si en plus on a une étude qui montre si le tronc a pu être utilisé juste après sa coupe ou si on l'a mis à sécher pendant quelques temps [Crubézy, Alexeev, 2012; Crubézy, Alexeev, 2007], une datation très précise peut être proposée.

Les résultats de ces analyses sont ensuite confrontés aux données culturelles, notamment aux éléments d'importation. Parmi ceux-ci, seuls les jetons frappés en laiton où ils servaient de décoration à des vêtements et/ou accessoires de vêtements féminins semblent d'excellents marqueurs chronologiques. Rappelons que ces jetons ne sont pas des monnaies mais des objets monétiformes destinés à compter à partir de sortes d'échiquiers. Ils étaient également émis par les états pour commémorer certains événements comme par exemple les victoires militaires ou des événements politiques comme les mariages royaux. La ville de Nuremberg s'était spécialisée dans cette production de jetons qui, d'outils pour réaliser des comptes, sont devenus des objets de bibeloterie, produits en quantité et exportés dans toute l'Europe occidentale et orientale. Ils devaient être achetés par des marchands russes dans le port d'Arkangelsk puis vendus ou échangés en Iakoutie. Dans chacune des tombes où nous les

avons trouvés l'effigie (différente entre tombes). Pour expliquer ce phénomène il faut se rappeler que ces jetons de Nuremberg étaient vendus par rouleaux de 50, 100 ou 200 pièces. Il est donc vraisemblable que les commerçants ayant échangé ces jetons aux Iakoutes les aient conservés dans des conditions proches de celles qui étaient les leurs au départ de Nuremberg c'est à dire en rouleaux homogènes. Entre leur fabrication à Nuremberg et leur utilisation en Iakoutie seules quelques années devaient se passer, La question qui se pose ensuite est de savoir combien d'années se sont écoulées entre l'achat, la fabrication des vêtements et l'inhumation de la personne portant ces vêtements. Des durées maximales d'une génération (25 ans) peuvent toutefois être postulées car ces jetons sont dans un état quasi neuf.

En dehors des jetons, une datation très fine des éléments culturels est difficile. Avant 1689 AD, les éléments d'importation sont rarissimes et limités à quelques petites perles. A partir de 1689 des perles bleues turquoise bien sphériques et assez grosses apparaissent via l'ouverture du comptoir de Nerchinsk [Crubézy, Alexeev, 2012; Crubézy, Alexeev, 2007]. A partir du 19e siècle, la christianisation se généralise (1805 et 1855 AD)(13) et les habits sont de plus en plus en coton et en laine et de moins en moins en fourrure. C'est finalement entre 1700 et 1800 AD, plus exactement entre 1689 et 1805 AD que les datations restent parfois difficiles avec des sujets qui présentent des signes de christianisation, d'autres pas, des différences entre des décorations de vêtements qui peuvent présenter de nombreuses perles ou peu ou différentes [Hochstrasser-Petit, Romanova et al., 2020]. Afin de pallier ces difficultés nous avons réalisé des analyses factorielles croisant de nombreux facteurs et prenant en considération de nombreuses dates C 14 et dendrochronologiques afin de distinguer des regroupements de sujets et pouvoir proposer des datations. En 2018, nous avons ainsi fouillé 212 tombes (233 sujets mis au jour) dont nous avons pu effectuer la datation sur la base d'analyses factorielles prenant en compte 20 datations C14 et 21 datations dendrochronologiques. En 2021, 12 nouvelles datations dendrochronologiques ont pu être réalisées. Ces 12 nouvelles datations ont entraîné quatre changements d'attribution chronologique, deux tombes datées d'avant 1700 AD ont finalement été datées des débuts du 18e siècle (1721 et 1733 AD) et deux tombes datées de la période 1700AD/1750 AD se sont révélées dater de la période suivante 1750/1800 AD. Ces deux tombes (appelées Sordonokh et Kerdugen) trouvées à Verkhoïansk datent respectivement de 1780 et 1783. Si le changement d'attribution des deux premiers sujets, lié à une absence de perles chez eux, ne change pas nos scénarios historiques, les deux autres sont plus intéressants car ils apportent d'intéressants témoignages sur les réseaux commerciaux de l'époque. Ils posent des questions essentielles sur les premiers contacts avec l'Alaska de la part des Européens et des Iakoutes.

Ces deux sujets, Sordonokh et Kerdugen, de la haute élite iakoute portent tous deux un manteau réalisé dans une laine rouge écarlate. Un autre de ces manteaux est aussi connu dans la tombe de Us Sergue, découverte près d'At Daban. Dès leur découverte ces manteaux nous ont intrigué, car à notre connaissance aucune importation de laine rouge n'a été signalée en Iakoutie. La compagnie russo-américaine, créée en 1799 AD, vendait bien des strouds en 1836 [Otness, 1979] dans ses comptoirs en Alaska mais ils provenaient d'Angleterre et d'Amérique [Khlebnikov, 1976, p. 72]. En Amérique du Nord, les anglais importèrent dès la fin du 17e siècle [Duplessis, 2007] des laines rouges qui eurent un tel succès auprès des Amérindiens que les français en produiront aussi à partir de 1720 [Willmott, 2005] ; ces laines connues étaient connues sous le nom d'*écarlatine* et les anglaises étaient réputées plus chaudes que les françaises [White, 2010]. Par la suite il y eut une production américaine mais les Indiens préféraient toujours les anglaises, plus chaudes [Niblack, 1888]. Dans la littérature anglaise, ces laines furent appelées *Stroud Clothes*, [Giles, 2005] et c'est devenu une habitude de reprendre sous ce nom ces laines rouges destinées à l'Amérique mais aussi à l'Asie et à l'Afrique. En fait ces laines pouvaient être teintées de nombreuses couleurs dont le bleu qui semble aussi avoir été très fréquent [Giles, 2005] et qui, avec le rouge, fut le plus populaire sur la côte ouest [Gunther, 1966, p. 82]. La production de laine teintée en rouge fut très importante en Angleterre et en Irlande entre 1750 et 1800 AD [Duplessis, 2007]. Il n'y avait pas un seul type de *Stroud* mais de très nombreux types de *Strouds* pas toujours faciles à distinguer [Willmott, 2005].

La question qui se pose donc pour ces manteaux iakoutes est de savoir d'où venaient les laines rouges ? C'est là que leur datation prend tout son intérêt ; deux sont datées par dendrochronologie de 1780 et 1783 AD et US Sergue avait été datée entre 1760 et 1800 AD. Aux alentours de 1780 AD, aucune mention d'importation de *Stroud* n'est connue en Iakoutie et seules ces trois tombes de la haute élite, dont deux à Verkhoïansk, présentent ces laines qui à la même époque étaient produites en masse en Angleterre et en Irlande et exportées en Amérique du Nord. Dès lors, ces laines pouvaient-elles provenir d'Amérique du Nord ? Cela impliquerait plusieurs éléments d'importance : Premièrement que des *Strouds* aient pu parvenir sur la côte ouest du Pacifique ou dans les îles aléoutiennes à cette époque ; deuxièmement que des Européens ou des Iakoutes aient pu rentrer en contact avec ceux qui en possédaient pour leur acheter ou leur échanger des *Strouds* ; troisièmement qu'ils aient pu rentrer en Iakoutie pour les échanger ou les vendre à la haute élite.

On ne sait pas quand sont apparus pour la première fois les *Strouds* sur la côte nord-ouest de l'Amérique [Otness, 1979, p. 49] ; toutefois lorsqu'en 1791 le capitaine espagnol Alessandro Malaspina accosta à Yakutat (large baie dans le sud de l'Alaska) et fut en contact

avec les Tlingit il constata qu'ils étaient en relation avec des marchands européens, certainement des commerçants américains, appelés Boston Men, qui avaient atteints la côte nord-ouest à la fin des années 1780 [Grinev, 2005]. Les Tlingit avaient des haches, des pots et des vêtements européens, mais même trois livres et une cuillère en argent, et les jeunes Indiens connaissaient plusieurs mots d'anglais [Grinev, 2005]. Lorsqu'entre 1793 et 1794, le capitaine Georges Vancouver visita le sud-est de l'Alaska, il signala que les Indiens de la région connaissaient déjà bien les produits européens et possédaient même des fusils, des carabines et des pistolets. Quand arriva sur l'île qui portera plus tard son nom « la famille royale » qui vivait à cet endroit l'accueillie vêtue de laines d'Angleterre [Gunther, 1966 p. 73].

En ce qui concerne l'expansion russe en Alaska et dans les îles aléoutiennes, elle est de mieux en mieux connue [Black, 2004] même si les Iakoutes, qui accompagnaient souvent les Russes dans leurs expéditions vers le nord [Gauthier, Garcia, 1996] ne sont jamais cités. Il en est de même pour les échanges avec les populations autochtones d'Alaska, si ces échanges devaient être nombreux, leur nature est peu connue mais l'on peut soupçonner des échanges semblables à ceux effectués avec les populations autochtones de Sibérie, perles bimbelerie, couteaux, haches, etc. [Crubézy, Nikolaeva, 2017]. Ce que l'on sait c'est que dès 1745 les russes introduisent les aiguilles et dès à coudre chez les Kodiaks [Bancroft 1959, p. 104] et que sur les côtes de l'Alaska les routes du commerce se développèrent rapidement [Sharol, p. 38]. Quand le capitaine James Cook arriva en Alaska lors de son troisième voyage d'exploration en 1778 il décrivit chez les autochtones des couteaux et des haches qui devaient provenir d'échanges ou du commerce avec les Russes [Bancroft, 1959, p. 258] qu'il rencontre par ailleurs en Alaska.

Vers 1880, les Indiens de la côte Nord-ouest de l'Alaska possédaient donc des Strouds et il semble qu'il y ait eut une intense compétition entre les différentes compagnies de marchands et de trappeurs [Anderson, 1965, p. 35]. Les russes étaient on the Northern northwest coast et les anglais et les espagnols étaient plus au sud ce qui créait des conflits entre Européens dont les Indiens tiraient profit [Anderson, 1965, p. 35]. Dès lors, le retour vers la Iakoutie à cette époque de Strouds est tout à fait envisageable, notamment via les voies commerciales qui se mettaient en place via le port d'Okhotsk et la liaison Okhotsk/Yakutsk. Il reste donc à comprendre comment l'élite iakoute a acquis ces Strouds, soit via des marchands russes, soit directement auprès de marchands anglais ou d'Amérindiens sur la côte nord-ouest du Canada. Cette histoire reste à écrire.

Bibliographie

E. Crubézy, O. Melnichuk, A. Alexeev. Archaeology, genetics and History 15 years of research in Yakutia (2002–2017). *Vestn. arkhologii, Antropol. i Etnogr.* 4, 110–119 (2020).

- E. Crubézy, A. Alexeev.** Мир древних якутов, опыт междисциплинарных исследований. (the world of the ancient Yakuts: a transdisciplinary approach from the French/iakut expedition) (Yakutsk, North East., 2012).
- C. Hochstrasser-Petit, L. Romanova, S. Duchesne, M. O, P. Gérard.** Yakut Clothes of the 17th and 18th centuries, archaeology and restitution. 395, 131–147 (2020).
- V. Zvenigorosky, S. Duchesne, L. Romanova, P. Gérard, A. Solovyev, G. Romanov, N. Barashkov, S. Fedorova, B. Ludes, E. Crubézy, C. Keyser.** The genetic legacy of legendary and historical Siberian chieftains. *Commun. Biol.* 3, 1–9 (2020).
- L. Romanova, V. Balter, L. Simon, P. Gerard, N. Pokatilova, E. Crubézy.** Diet of autochthonous populations in Yakutia using isotopic , ethnographic , historical and archaeological data. *J. Archaeol. Sci. Reports.* 28, 102022 (2019).
- M. Mace, C. Richeval, L. Romanova, P. Gerard, S. Duchesne, C. Cannet, I. Boyarskikh, A. Gerault, V. Zvenigorosky, D. Nikolaeva, C. Stepanoff, D. Allorge, M. Debrenne, B. Ludes, A. Alexeev, J.-M. Gaulier, E. Crubézy.** Impact of socio-economic traditions on current tobacco and tea addictions (Siberia 17th to 20th century). medRxiv (2021), doi:10.1101/2021.01.13.20232454.
- H. Dabernat, C. Thèves, C. Bouakaze, D. Nikolaeva, C. Keyser, I. Mokrousov, A. Gérault, S. Duchesne, P. Gérard, A. N. Alexeev, E. Crubézy, B. Ludes.** Tuberculosis epidemiology and selection in an autochthonous Siberian population from the 16th–19th century. *PLoS One.* 9 (2014), doi:10.1371/journal.pone.0089877.
- P. Biagini, C. Thèves, P. Balaesque, A. Gérault, C. Cannet, C. Keyser, D. Nikolaeva, P. Gérard, S. Duchesne, L. Orlando, E. Willerslev, A. Alexeev, P. de Micco, B. Ludes, E. Crubézy.** Variola Virus in a 300-Year-Old Siberian Mummy. *N. Engl. J. Med.* 376, 2057–2059 (2012).
- C. Thèves, A. Senescau, S. Vanin, C. Keyser, F.X. Ricaut, A.N. Alekseev, H. Dabernat, B. Ludes, R. Fabre, E. Crubézy.** Molecular identification of bacteria by total sequence screening: Determining the cause of death in ancient human subjects. *PLoS One.* 6 (2011), doi:10.1371/journal.pone.0021733.
- E. Crubézy, S. Duchesne, H. Razafindrazaka, L. Romanova, P. Gérard, A. Alcouffe, R. Esclassan, O. Melnichuk, I. Ushnitsky, B. Ludes, N. Telmon, W. Tegel, H. Dabernat, V. Zvenigorosky, J. C. Prados-Frutos.** Sucrose Is Not the Whole Story: Risk Factors and Oral Health at the Contact (Yakutia, Siberia – 16th/19th). *Biol.* 10 (2021), , doi:10.3390/biology10100974.
- S. Duchesne, R. Bravina, V. Popov, S. Kolodeznikov, P. Gérard, V. Myglan, C. Hochstrasser-Petit, L. Romanova, M. Petit, N. Kirianov, A. Alexeev, L. Alekseeva, A. Riberon, E. Crubézy.** Frozen graves of Yakutia, a chronological sequence. *Vestn. arkheologii, Antropol. i Etnogr.* 4, 120–130 (2020).
- E. Crubézy, A. Alexeev.** Chamane, Kyys jeune fille des glaces (Paris, Errance., 2007).
- E. Crubézy, D. Nikolaeva.** Vainqueurs ou vaincus ? (Odile Jacob, Paris, 2017).
- S. Otness.** thesis, Oregon State University (1979).
- K. Khlebnikov.** Colonial Russian America Kyrill T. Khlebnikov's Reports 1817–1832 (Oregon Historical Society, Portland, 1976).
- R.S. Duplessis.** Defining A French Atlantic Empire: Some Material Culture Evidence. *Fleuves, Rivières Colon. La Fr. Ses Empires (Xviiie-Xxe Siècle).* 33 (2007) (available at <https://works.swarthmore.edu/fac-history/446>).
- C. Willmott.** From stroud to strouds: The hidden history of a British fur trade textile. *Text. Hist.* 36, 196–234 (2005).
- R. White.** The Middle Ground. Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815 (Cambridge University Press, Cambridge, 2010).
- A. Niblack.** in Report of the United States National Museum for the year ending June 30 (Johnson Reprint Corporation, New York, 1888), pp. 225–386.
- S. Giles.** Wrapping the World: British South West Trade Cloth Around the World Review. *J. Museum Ethnogr.*, 256–258 (2005).

E. Gunther. Art in the Life of the Northwest Coast Indian with a Catalogue of the Rasmussen Collection (Portland Art Museum, Portland, 1966).

A. Grinev. The Tlingit Indians in Russian America, 1741–1867 (University of Nebraska Press, Lincoln and London, 2005).

L. Black. Russians in Alaska. 1732–1867 (University of Alaska Press, Fairbanks, 2004).

Y. Gauthier, A. Garcia. L'exploration de la Sibérie (Paris, Actes Sud, 1996).

H. Bancroft. History of Alaska 1730-1885 (Antiquarian Press Ltd, New York, 1959).

B. Anderson. thesis, Oregon State University (1965).

Петров Д.М.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ **НОМАДИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЯКУТОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ**

В якутском языке личное имя человека равнозначно пути (*аат-суол*) – в этом можно усмотреть рудимент номадического сознания, дошедший до нас из глубины веков. Современному человеку при слове «кочевание» на ум сразу приходят ассоциации с крайней из его форм – «таборной», когда скотоводы ведут, по сути, «бродяжническую» жизнь, кочуя круглый год – зимой и летом. Однако даже в степи таборное кочевание встречалось довольно редко; как пишет М.Ф. Косарев, таборность – это «...эпизодическое состояние кочевых обществ, обусловленное конкретными социальными, историческими, погодно-климатическими и другими обстоятельствами» [1991, с. 47].

На ранних этапах освоения территории Якутии, кочевники разных миграционных волн, разумеется, могли вести таборное кочевание, потому что, переселившись «...в новый, более «просторный» район», кочевой социум «...ищет и изучает наиболее рациональные маршруты кочевок, которые, в конце концов, выбираются, закрепляются родовым правом за определенными производственными коллективами и становятся постоянными» [Там же]. Территория Якутии имеет свои

географические особенности, резко отличающие ее от других таежно-степных, а тем более степных зон. Они заключаются в крайней разбросанности и удаленности друг от друга немногочисленных земель, пригодных для ведения скотоводства, которые концентрировались, главным образом, на самой Лене, в Амгино-Ленском междуречье, в бассейнах Вилюя, Яны, Индигирки и Колымы. Хоть между этими регионами и раскинулись безбрежные просторы тайги, сопки и гор, но связаны они естественными коридорами в виде бесчисленных травянистых речек (от юрях) и притоков крупных рек, представляющих собой естественные пути сообщения для миграций мобильного населения. Это обстоятельство, возможно, и помогало небольшому количеству кочевников с преимущественно конным скотом выживать и вести «чистую» кочевую жизнь в столь северных широтах.

Постепенно, но неизменно, таборное кочевание со временем затухало, и у кочевого общества намечались тенденции к оседанию с локализацией района постоянного кочевания, которые могли быть прерваны очередным природным катаклизмом или социальным кризисом, что снова вело к резкому увеличению подвижности хозяйств. Можно быть уверенным, что эти процессы переживались древними скотоводами Ленского края неоднократно.

Разбросанность по широкому ареалу малочисленных одноподобных одиночных погребений конных воинов может говорить о кочевом образе жизни скотоводческого населения Ленского края в XIV–XVI вв. Период проживания небольших кочующих групп на одной местности был весьма недолгим, и, вследствие этого, значительные могильники попросту не успевали появляться (как, впрочем, и крупные поселенческие комплексы), за исключением случаев одновременной гибели нескольких членов группы. Характерно для данных памятников и то, что на большинстве из них отсутствуют следы каких-либо значительных надмогильных сооружений, обращает внимание расположение на низких террасах, небольшие размеры внутримогильных камер, частое отсутствие элитарных вещей и т.д. [Бравина, Дьяконов, 2015]. Возможно, это делалось для того, чтобы не допустить обнаружения и осквернения погребения (после откочевки группы) представителями враждебных кланов – вынужденные кочевать, меняя зачастую место проживания, средневековые якутские скотоводы не имели возможности защищать своих покойников. Подобное было характерно и для степных кочевников в период таборности [Плетнева, 1982, с. 16–17].

Разрушение захоронений было одним из методов ведения межклановой борьбы. Согласно одной легенде, постаревший жарханский витязь Улуу Омолдоон, опасаясь перед смертью, что его многочисленные враги, которых он нажил за долгие годы

притеснений и убийств, могут прийти за его телом, запрещает сыновьям хоронить его на арангасе или строить над могилой сруб. Когда он умер, хоронили его девять раз, в вырытых в разных местах девяти ямах, чтобы скрыть место погребения [Степанов, 1991, с. 33–34]. Здесь явственно проступает обычай степных кочевников, описанный еще Плано Карпини, когда могилы представителей элиты монгольского социума, прятались в степи с особой тщательностью. Вместе с тем, у якутов бытовала присказка *«огом, чыычаагым, кемюс унуохпун тогус сиргэ уларытыа»* («дитяtko мое, птенчик мой, девять земель для серебряных костей моих поменяет»), обозначающая почтительное отношение к старшему поколению, предкам. Не отзвуки ли это времен, когда ленские номады, возможно, в прямом смысле, перезахоранивали кости своих почтенных усопших, меняя места кочевания?

Приход русских землепроходцев в XVII в., с которого начинается письменная история Якутии, естественно, крайним образом повлиял на хозяйственную ситуацию, царившую в Ленском крае, а вместе с тем и на исторические судьбы ее народов. Якуты, надо полагать, были наслышаны от кочевых тунгусов о продвижении с запада неведомых сил и заранее пытались избежать столкновений, группируясь и откочевывая от «опасных» земель, где эти пришельцы могли появиться в первую очередь. Вероятней всего, служилые застали мобилизованное и находящееся в беспокойстве общество, еще более ускорив движение его элементов. Поражение крупнейших кланов на Средней Лене вызвало взрыв подвижности скотоводческих хозяйств, спровоцировав отток на окраины, где наиболее мобильные группы якутов пытались скрыться от ясачного обложения.

Ввиду этого ограничение мобильности стало одной из главных целей колониальной политики Российского государства в отношении якутов. Русская администрация была заинтересована в окончательном оседании населения Ленского края – для облегчения сбора ясака и обеспечения покорности якутских родов. В отличие от оленных тунгусов скотоводы были зависимы от пастбищных и сенокосных угодий, а казакам были понятны примерные маршруты их перекочевков, ввиду чего, по мере их знакомства с Ленским краем, избегать объясачивания якутам становилось все сложнее.

Параллельно с военно-политическими событиями происходили в это время и глобальные климатические изменения – зимы становились все дольше и холоднее, а летние периоды все засушливее и жарче [Жилина, 2008], и ведение скотоводства в условиях Севера усложнялось. Скотоводство было весьма уязвимо перед различными природными катаклизмами, и в годы бескормицы (як. *сут*) естественным для любого

кочевника решением было откочевать на резервные пастбища. Соответственно, чем больше таких резервов кочевая группа создавала себе, тем больше шансов было на ее выживание. Засуха, нашествия кобылки, наводнения, эпидемии, эпизоотии, обильные снегопады, образование чрезмерного наста – все это могло стать поводом для передвижек населения.

Природные катаклизмы, разумеется, были одним из главных факторов, которые никогда не дали бы полностью осесть ленским скотоводам, если бы не присоединение к Русскому государству. Даже в конце XVIII в. якуты-скотоводы пытались отвечать на природные катаклизмы усилением кочевания. «...Родники мои в неустройстве, кои отдалели по сродственникам и по знакомым (в) другие дальние места для прокормления скота своего» – сообщал в марте 1798 г. Килчек Моехин, князец Кангаласской волости, а правящий должность князца Хоринской волости Иван Шахворостов писал в апреле того же года: «...почти половинная часть родники жительствоуют в Олекминском округе, а иные отдалели для прокормления скота» [Иванов, 1992, с. 73].

Локализация районов кочевания в XVII–XVIII вв. отразилась на погребальном обряде. Якуты стали размещать могилы на самых видных местах, часто на господствующих высотах. Захоронения уже можно было защищать от разграблений, а значит, и класть в них элитарные вещи. Надмогильные сооружения приобретают весьма сложную конструкцию и монументальный вид, увеличиваются внутримогильные камеры, значительно обогащается сопроводительный инвентарь. Но главное изменение – это появление в каждой местности крупных родовых могильников, отображающий весь гендерный, возрастной и социальный состав населения.

Многие черты кочевого быта все еще сохранялись в XVIII–XIX вв. В описании Якутска, составленном И.К. Кириловым, можно встретить следующее утверждение: «А кругом того города кочуют, а другие жильем живут, иноземцы якуты...» [Иванов, 1974, с. 64]. Как пишет другой ранний автор, И.Г. Георги, якуты «...кочуют, однакож зимою редко на другие места перебираются», а «...лошади и рогатой скот должны во всю долгую и жестокою зиму сами себе промышляют корм» [1799, с. 142–173]. Возможно, что некоторые хозяйства и в его время даже рогатый скот держали на подножном корму. Также он упоминает, что якуты, откочевывая весной, снимали и увозили с собой только берестяные покрышки урасы, оставляя на месте деревянный каркас. К осени, останавливаясь на зимовку, якуты возвращались «...по большей части в прошлогодняя юрты; если же место не покажется, то выбрав лучшее, строят новыя» [Там же, с. 172].

Можно представить амплитуду летних кочевок якутов в эту эпоху, если они иногда не могли отыскать свои зимники.

Известно, что в XVIII в. богатые хозяйства меняли место жительства до 3–4 и более раз в год, что соответствует кочевой практике степных народов. Основная масса якутов также была достаточно подвижна. *«Якуты пастухи и звероловы, а потому образ жизни их кочевой: для скота нужен корм подножный, и Якуты несколько раз в году переходят с имуществом своим с одного места на другое, смотря по тому, где лучше трава; зимою же всегда стоят на одном месте»* – пишет Н.С. Щукин [1854, с. 6].

Дольше всех сохраняли пережиточный номадический быт, доставшийся от далеких степных предков, северные якуты, кочевавшие в суровых долинах рек Яна, Индигирка и Колыма, благо малое их количество и обширные пространства позволяли часто менять места кочевок. В начале XIX в. процент рогатого скота от общего поголовья в Верхоянском округе составил 41,4%, а в Колымском – всего 10,7% [Башарин, 2003, с. 79]. Князец Байдунской волости Верхоянского округа Михаил Чириков докладывал: *«Родники мои и я жительствам не всегда на одном месте и не велико сие число народа, а более в упразнениях и переходах, в летнее время с места на место другое по урожаю сенокосных мест для косьбы оного к пропитанию обзаведенного нами скота, в зимнее же время, жительствам на одном месте, ездим за промыслами зверей...»* [Там же, с. 103]. Г.П. Башарин отмечает, что схожая картина обрисовывалась в рапортах князцов остальных волостей округа. В.Л. Серошевский, долгое время проживший на севере, пишет о дальних, на 200 верст, поездках верхоянских коневодов для кормлений лошадей; он же нередко встречал в Колымском округе якутов, разыскивающих табуны за 100–150 верст от своих усадеб [1993, с. 259]. Французский географ Жан Батист Эйрие, путешествовавший в 1830-е гг. по Азии, сообщает о летних кочеваниях с переносом жилищ: *«Зимой якуты живут постоянно на одном месте, в дощатых юртах, толсто обмазанных навозом с глиною. На лето ставят они берестяные юрты, или урасы, и переносят их смотря по удобству для своих стад»* [1839, с. 249]. Хозяйственный быт северных якутов описывается и в материалах путешествий Ф.П. Врангеля: *«Народонаселение состоит здесь из якутов, которые все лето кочуют с табунами лошадей и стадами рогатого скота. В теплое время года запасаются они сеном на зиму. При наступлении осени, якуты разселяются по берегам рек и занимаются только рыбною ловлею»* [1841, с. 214]. Похожим образом, думается, жили и древние скотоводы Ленского края – приезжали на местность, прозимовав несколько раз, после истощения травостоя откочевывали в другие края в поисках корма для табунов и стад.

Исследователи отмечают, что высшей «...ценностью кочевник считал способность перемещаться, двигаться, не останавливаться надолго на ограниченной территории. Идея пути, дороги – одна из главных проявлений его бытия, основа жизнедеятельности, соответственно, все то, что неподвижно, оседло, обладает вторичной ценностью. Оседлость номадами рассматривалась как вынужденное состояние, состояние несчастья» [Иванова, 2015, с. 106]. Как раз настроение утраченного счастья среди якутов смог уловить в свое время В.Л. Серошевский – тоски по подвижной и свободной жизни [1993, с. 258–261]. Тем не менее, именно благодаря своим номадическим навыкам и образу жизни, ленские скотоводы смогли распространиться на самые обширные пространства Восточной Сибири.

Литература

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). – М.: Арт-Флекс, 2003. – 447 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 27–32.

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля. – Санкт-Петербург: Тип. А. Бородина и К^о, 1841. – Ч. 1. – 360 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: В 4 ч. Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. – СПб.: Императорская Академия наук, 1799. – 178 с.

Жилина Т.Н. Западная Сибирь в малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550–1850 гг.) / Федеральное агентство по образованию, Томский гос. ун-т. – Томск: ТГУ, 2008. – 180 с.

Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1974. – 287 с.

Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII – начало XIX в.). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – 228 с.

Иванова Т.В. Кочевая культура как социокультурный феномен // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. – 2015. – № 2 (39). – С. 105–109.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 180 с.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 713 с.

Степанов Н.Т. Ньырбакаан удьурдара (былыргы сэнэннэр уонна кэпсээннэр). – Якутск: Полиграфист, 1991. – 182 с.

Щукин Н.С. Якуты. – СПб.: В типогр. Министерства внутренних дел, 1854. – 46 с.

Эйрие Ж.Б. Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйрие (Eugènes) и украшенное гравюрами / пер. Е. Корша. – Москва: А.С. Ширяев. – Т. 1. – 1839. – 290 с.

Сыроватский В.В.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

**❖ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ Г. ЯКУТСКА
(XVI–XVIII ВВ.): ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ
В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2020 г.**

Долина Туймаада, на которой находятся г. Якутск и его пригороды, а также ряд сельских поселений, расположена в среднем течении р. Лена. Долина окружена с западной стороны высокими террасами коренного берега р. Лена. Известно, что изучение грунтовых погребальных памятников эпохи позднего средневековья на территории г. Якутска началось с изучения Тыгынова кургана около озера Сайсары Н.Г. Сарычевым. Планомерные работы по изучению захоронений древних якутских могил проводились Е.Д. Стреловым в 1914–1920-е гг. В последние годы сектором археологии ИГИиПМНС СО РАН было проведено комплексное исследование погребений XIV–XVI вв. Атласовское 1, 2 и Сергеляхское [Комплексное исследование..., 2016; Женское погребение..., 2017].

Погребение Качели. Обнаружено между Шестаковским и Хорогорским распадками недалеко от г. Якутска. В 1,8 км к северо-востоку от памятника протекает р. Хорогор.

После снятия дерна удалось выявить контур могильного пятна подпрямоугольной формы, ориентированного по линии СЗ–ЮВ. Длина могильного пятна составляет 200 см, ширина 80–90 см. Внутри могильного пятна на глубине 20 см от дневной поверхности обнаружены остатки деревянных плах. Две из них уложены параллельно друг другу, остальные перекрестно. На глубине 50–60 см обнаружен гроб из досок длиной 190 см, шириной 62–65 см. Крышка гроба фрагментирована и состояла

из трёх досок, между которыми имелись значительные промежутки. На крышке зафиксированы остатки необработанных березовых жердин, перехватывающих крышку гроба поперек в двух местах. Покойный покрыт сверху берестяным полотнищем.

Покойный лежал на спине, на берестяном полотнище, ориентирован головой на северо-запад, лицом был обращен вправо, руки покоились вдоль туловища. Тело было обвязано кожаным ремешком в пять оборотов. Левая рука покойного была прижата к телу и заткнута за наборный пояс.

Сопроводительный инвентарь погребения включает в себя украшения: шейная гривна, округлая в сечении, выполненная из меди; серьга в виде знака вопроса с нанизанной на проволоку двухсоставной пронизкой. Возле правой руки покойного клинком вниз, лезвием наружу уложена пальма «батас» длиной 52,0 см (длина клинка 36,5 см) и максимальной шириной 4,0 см. На среднем пальце правой руки зафиксировано выпуклое в сечении кольцо с объемным щитком в виде четырехугольной пирамиды. Наборный пояс состоит из 11 ажурных медных литых бляшек и 2 округлых медных блях со сквозным орнаментом, нашитых на кожаную основу. Пряжка без язычка, пояс фиксировался посредством завязывания кожаного ремешка. У ног разложены составные части седла, передняя лука прямоугольной формы, имела приклепанные медные декоративные пластины прямоугольной и округлой формы. На ноги были уложены железные стремя и удила. У ног также была обнаружена железная пряжка.

Дно гроба составлено из 4 досок шириной от 9,5 до 16,5 см. Во внутримогильном пространстве, на одежде покойного и под ним обнаружено большое количество останков трупной фауны (личинок).

Погребение Кымырдагастах. В 500 метрах к юго-западу от погребения Качели в схожих условиях было раскопано грунтовое захоронение в местности Кымырдагастах – по названию гидрологической базы, расположенной под сопкой около р. Шестаковка. Место захоронения фиксировалось на дневной поверхности небольшой западиной с окружающим его невысоким валом – выкидом из могилы. Могильное пятно имело подпрямоугольную форму и размеры 240 × 85 см. Крышка гроба, состоящая из трех досок, располагалась на глубине 50–60 см от дневной поверхности. Гроб длиной 200 см и шириной 60–70 см был покрыт берестяным полотном, сшитым из лоскутов. Внутреннее его пространство оказалось заполненным землей. На кромках стенок гроба вырезаны пазы, в которые были вставлены две поперечных доски. Дно гроба было составлено из двух досок шириной 38 и 20 см и устлано берестяным полотном. Стенки

гроба высотой 30 см были подперты четырьмя колышками. После расчистки обнаружен костяк мужчины, лежащий на спине, ориентированный головой на юго-запад. Лицо слегка повернуто вправо, руки вытянуты вдоль туловища, кисти располагаются на тазовых костях. Длина костяка 168 см. На черепе покойного имеется повреждение. Под костяком была подстилка из берестяного полотна. Сопроводительный инвентарь представлен композитным луком (слева от покойного, у северной стенки гроба), набором стрел с железными наконечниками (у правой бедренной кости), фрагментом колчанного крюка, фрагментами железного котла (возле правого колена), двумя железными стременами (одно у котелка, второе в изножье), фрагментами седла (на правой голени). Под левой бедренной костью – железное кресало «хатат». У левого бедра зафиксированы фрагменты однолезвийного ножа с черешковым насадом общей длиной 17,0 см и длиной клинка 11,0 см. В области головы располагались проволочные серьги в виде знака вопроса, аналогичные серьгам из погребения Качели, с двусоставной подвеской, выполненной из тонкого белого металла. На шее покойного была обнаружена гривна из меди, четырехгранная в сечении, перевернутая задом наперед, с крестообразным украшением и бусинами из цветного металла, нанизанными на кожаный ремешок. На пальцах (среднем и безымянном) обеих рук зафиксировано 4 перстня – по два на каждую руку, со щитком овальной и ромбической формы, с ромбическим геометрическим орнаментом, стилистически схожие с кольцом из погребения Качели. В области живота имелись медные орнаментированные бляшки прямоугольной формы в количестве 6 штук, вероятно от наборного пояса. На запястье левой руки покойного расчищена медная орнаментированная пластина «дансы» размером 14,0×4,0 см, выполненная из меди – щиток для защиты от удара тетивой лука. Слева от головы находился мелкий фрагмент среднестенной керамики. Слева от костяка, у ног остриём вниз уложена пальма «батас» со следующими размерами: общая длина – 60,0 см, длина клинка – 45,0 см, максимальная ширина клинка – 4,7 см. Под головой обнаружен диск «туосахта» с подкладкой из бересты диаметром 6,1 см из сплава цветных металлов. Шапка, по всей видимости, была украшена мелкими трехсоставными нашивными бляшками.

Погребение Священный Табун. Погребение расположено на мысовидном выступе высокой 100-метровой террасы, над арт-объектом «Священный табун мифических лошадей» возле с. Владимировка, расположенного в 20 км от г. Якутска.

В результате прохождения дернового горизонта проявилось могильное пятно прямоугольной формы длиной 220 см, шириной 80 см. Общая глубина ямы составила

60-70 см. Гроб из досок очень плохой сохранности находился на глубине 35-45 см от дневной поверхности, ориентирован по линии ЮЗ–СВ. Крышка гроба состояла из трех досок. Длина гроба 186 см, ширина 77 см. Стенки и торцы сложены из досок в один ряд. Длина внутреннего пространства гроба 178 см, ширина 56 см. Дно составлено из двух досок толщиной примерно 4–5 см, шириной 18 и 35 см. Погребенный мужского пола, лежал на спине, головой на юго-запад, руки располагались вдоль туловища, нижняя часть костяка слегка сдвинута вправо. Длина костяка 164 см.

Слева от головы находилась чаша «*кытыйа*» с деревянной ложкой внутри. На боковой стенке гроба в области головы обнаружен мелкий фрагмент шлака. Слева от покойного, возле плеч располагался клинок пальмы «*батыйа*», направленный острием вверх, лезвием к телу. Общая длина «*батыйа*» – 46,0 см, длина клинка – 34 см, максимальная ширина клинка – 4,3 см. Справа, вдоль тела лежали фрагменты сложносоставного лука с берестяной обкладкой и деревянными концевыми вкладышами. Лук имел длину 165 см. 6 стрел были уложены возле правой ноги наконечниками вверх. Древки имели плохую сохранность, общая длина стрел с наконечниками равна 80 см. Наконечники черешковые. Два из них костяные четырехгранные, четыре – железные. Из них один ромбовидный, один четырехгранный долотовидный и два вильчатых срезня. Там же зафиксирован железный колчаный крюк. На левой бедренной кости обнаружено медное кольцо – коннектор и железный котелок, внутри которого помещен берестяной туес с орнаментом по внешней стороне стенки. Второй туес – меньших размеров, орнаментирован так же, кроме того, декор имеется и на днище сосуда. Предмет уложен у ног. Покойный был снаряжен седлом, расположенным около левой голени. Под седлом обнаружено деревянное составное стремя. Подножка прикреплена к дужке посредством вставки квадратных в сечении концов в отверстия, конструкция скреплена тонкими деревянными гвоздями. Второе стремя выполнено из железа и находилось под фрагментами котелка. Как и в погребении Качели, здесь обнаружено большое количество останков трупных личинок как внутри гроба, так и под ним.

Обсуждение.

Глубина залегания гробов обнаруженных погребений 50–80 см. Внутримогильные конструкции представлены одним типом – дощатый ящик-гроб. Данный тип является наиболее часто встречающимся, в том числе и на раннеякутских памятниках. В погребениях Качели и Кымырдагастах гробы из досок имели структурные элементы в виде поперечин (досок или березовых жердей), подпиравших их крышки изнутри. В погребении Кымырдагастах для них были вырезаны пазы в

боковых стенках. Аналогичный элемент был зафиксирован в мужском захоронении на Тыгыновом кургане в пределах г. Якутска, обнаруженном во время хозяйственных работ в 1941 году. Объект исследован Н.Г. Золотаревым (писатель Н. Якутский), В.Н. Чемезовым и Г.М. Васильевым – работниками Якутского краеведческого музея. Погребение было условно датировано исследователями XVII веком. Использование бересты во внутримогильном пространстве зафиксировано в погребениях Качели и Кымырдагастах. Под обоими покойными постелено берестяное полотно, а верхнее полотнище в погребении Качели расположено непосредственно на покойном, в то время как в случае с мужчиной из погребения Кымырдагастах верхнее полотно уложено на крышку гроба. Данные условия сближают обряд погребения Качели с погребениями в берестяных пакетах. Подобный памятник был ранее исследован Среднененским отрядом археологической экспедиции ИГиИПМНС СО РАН в 3 км к востоку, в местности Учугэй Юрях. По всей видимости, это вариации одного обряда.

Ориентировка покойных, несмотря на значительные отклонения, тяготеет к западу, что является типичным для рассматриваемой эпохи. Поза всех погребенных на спине, положение рук вдоль туловища, в погребении Кымырдагастах кисти рук располагались на тазу. Обряд обвязывания покойного зафиксирован в погребении Качели. Данный обряд обычно связывают с обезвреживанием опасного покойного [Бравина, Попов, 2008, с. 201].

Предметы вооружения обнаружены во всех захоронениях. В сопроводительном инвентаре изучаемых захоронений обнаружены клинки палым «*батас*» и «*батыа*». Лук и стрелы найдены в захоронении Кымырдагастах и Священный Табун. Луки сохранились фрагментарно, можно высказать предположение, что они относились к композитным лукам северного типа. Мужчина из погребения Кымырдагастах имел при себе более тридцати стрел с железными наконечниками. Точное количество выяснить сложно, ввиду крайне плохой сохранности предметов. Все изделия относятся к типу черешковых. Железные наконечники можно условно разделить на 4 типа: ромбовидные двухлопастные, вильчатые срезни с удлиненным пером, развильчатый срезень подретугольной формы, бронебойные наконечники с плоским лезвием прямоугольные в сечении. По классификации, предложенной Ф.Ф. Васильевым, данные типы железных наконечников относятся к периоду XVII–XVIII вв. [Васильев, 1995, с. 74–75]. Последний тип имеет сходство с наконечниками, обнаруженными в погребении Сергеляхское шоссе (г. Якутск), хронологически относящееся к XIV–XV вв. [Комплексное исследование..., 2016, с. 94]. В погребении Священный Табун при покойном зафиксировано 6 наконечников стрел, 4 из которых железные (2 вильчатых

срезня, 1 долотовидный и один ромбический), 2 костяные четырехгранные. Количество стрел в погребальных памятниках XV–XVIII вв. обычно колеблется от шести до восемнадцати штук [Бравина, Попов, 2008, с. 124]. Наибольшее количество стрел в грунтовом захоронении (18 шт.) было обнаружено в погребении видного политического деятеля XVIII века Мазары Бозекова, раскопанном экспедицией под руководством Г.В. Ксенофонтова и М.И. Ковынина в 1933 году на территории Хангаласского района РС (Я) [Там же, с. 220]. Рекорд по количеству стрел в составе сопроводительного инвентаря принадлежит воздушным захоронениям бассейна р. Оленек. Так, в одном из женских захоронений имелась тридцать одна стрела [Бравина, Архипов, 2019, с. 88]. Определенный интерес представляет найденный в погребении Кымырдагастах предмет защитного снаряжения – металлический щиток «*дапсы*», надеваемый на запястье и предохраняющий руку от удара тетивы. Аналогичный щиток, выполненный из железа в работе Ф.Ф. Васильева называется «*хары куйага*» [1995]. Наличие в сопроводительном инвентаре щитка в совокупности со множеством наконечников стрел может указывать на характеристику покойного как выдающегося стрелка или говорить о его исключительно высоком социальном статусе.

Посуда обнаружена в погребениях Кымырдагастах и Священный Табун. В первом случае это единственный железный котелок, во втором – железный котелок, деревянная и берестяная посуда. Считается, что железные котлы чаще всего отражают материальную культуру раннего периода (ранее XVII века), хотя и встречаются в погребениях XVIII века [Бравина, Попов, 2008, с. 123].

Отдельного внимания требуют украшения и элементы одежды, обнаруженные в исследованных погребениях. Шейные гривны представлены двумя экземплярами. Гривны – достаточно редкое явление в мужских захоронениях якутов и считаются признаком высокого социального статуса. Ранее гривна встречалась в сопроводительном инвентаре погребения одного из родоначальников Дюпсинских якутов по имени Суор Бугдук. Второй случай связан с захоронением мальчика-подростка из погребения Ат-Быран III в Хангаласском улусе. Погребение датировано периодом XIII–XV вв. [Погребения по обряду кремации..., 2019]. Украшение Суор Бугдук (XVII век) описано как «массивный обруч» [Бравина, Попов, 2008, с. 229]. Гривна из могильника Ат-Быран имеет ложновитой орнамент и один петлеобразный изгиб в нижней части. Изделия из погребений Качели и Кымырдагастах имеют заметное сходство между собой, но отличаются формой сечения. В погребении Кымырдагастах в качестве украшения задней части гривны были использованы двойные округлые бронзовые пронизки. Для территории Якутии подобные элементы декора не

характерны, но являются массовым материалом в археологических памятниках Предуралья. Так, например, металлические бусы и пронизки имеются в составе сопроводительного инвентаря Баяновского и Рождественского могильников, расположенных на территории Пермского края и хронологически относятся к IX–XI вв. [Крыласова, Данич, 2020, с. 50].

Серьги в виде знака вопроса, обнаруженные в рассматриваемых захоронениях однотипны и не имеют прямых аналогов в материалах археологических памятников Якутии. Наибольшее сходство прослеживается с подобными серьгами из погребения Ат-Быран III (XIII–XV вв.), а именно в технике изготовления полых двусоставных пронизок, выполненных из тонкого металла и припаянных друг к другу. Данный тип серег был распространен в эпоху позднего средневековья на обширной территории от Балканского полуострова на западе до Приобья на востоке. Такие серьги имеются в материалах погребений XI–XV вв. могильника Усть-Балык [Владимиров, 2018, рис. 2]. Форма серег из погребений Качели и Кымырдагастах имеет определенное сходство с серьгой из женского грунтового захоронения Атласовское II (XVII век), изученного ранее на территории г. Якутска, имеющая аналоги на территории Западной Сибири [Женское погребение..., 2017, с. 51]. Аналогов перстней со щитком ромбической формы и ромбовидным орнаментом на данный момент не обнаружено.

Пояса из погребений Кымырдагастах и Качели отличаются друг от друга. Пояс из погребения Кымырдагастах представлен прямоугольными орнаментированными бляшками плохой сохранности в количестве шести штук. Изделие из погребения Качели сохранилось лучше. Округлые плоские бляшки со сквозным орнаментом аналогичны бляшкам и подвескам, широко распространенным в Приамурье и о. Сахалин. Так, аналогичные поясные бляшки были обнаружены на Сахалине в материалах из частично разрушенного могильника на р. Богатая. Памятник датирован авторами периодом XVII–XIX вв. и отнесён к культуре айнов. Авторы отмечают, что данный тип бляшек, скорее всего, попал на Сахалин путем меновой торговли с народами материка, в частности нивхами [Шубина и др., 2001, с. 318].

Серебряный диск «*туосахта*» из погребения Кымырдагастах очень тонкой работы, имеет небольшой размер. Диски «*туосахта*» фиксируются в составе сопроводительного инвентаря мужских погребений XIII–XVII вв. К таким находкам относятся материалы погребений Ат Быран III (XIII–XV вв.) и Дюсюлен (XV–XVII вв.) в Центральной Якутии.

Несмотря на сходство сопроводительного инвентаря и погребального обряда трех изученных погребений, наличие украшений в двух из них наводит на мысль о

разнице в прижизненном социальном положении или роде деятельности покойных при условии, что все памятники хронологически синхронны. Возможно, эта разница коррелируется с наличием пальм типа «*батас*» в погребениях Кымырдагастах и Качели, где зафиксированы украшения и напротив – наличие пальмы «*батыйа*» в погребении Священный Табун соотносится с отсутствием украшений у ее хозяина. Но причина может быть и в том, что погребение Священный Табун относится к более позднему периоду XVIII века.

Предметы конского убранства представлены фрагментами седел, железными стременами и пряжками и не выпадают из общей картины материальной культуры населения Якутии XVII–XVIII вв. Следует отметить, что стремя из сопроводительного инвентаря погребения Качели аналогично стременам из погребальных памятников раннего периода Атласовское II (XVII век) и Сергеляхское шоссе (XV–XVI вв.), обнаруженных на территории г. Якутска.

Таким образом, на основе типологического анализа погребального обряда, отраженного на выявленных памятниках, можно отнести их к хронологическому периоду XVI–XVIII вв.

Литература

Бравина Р.И., Архипов Н.Д. Погребальные памятники населения бассейна р. Оленек Якутии (XVII–XIX вв.) // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Якутск, 14–15 ноября 2019 г.). – Якутск, 2019. – С. 85–91.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / под ред. Д.Г. Саввинова; худ. В.Р. Андросов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.

Владимиров Г. Серьги в виде знака вопроса из Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства / отв. ред. А.Г. Ситдинов, С.Г. Бочаров. – Казань: ИА АН РТ, 2018. – 128 с.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования / Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов, Д.М. Петров, Е.Н. Соловьева, В.В. Сыроватский, А.Н. Багашев, О.Е. Пошехонова, С.М. Слепченко, Д.И. Ражев, Е.А. Алексева, А.В. Зубова, Я.В. Кузьмин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1 (36). – С. 44–62.

Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. / Р.И. Бравина, В.М. Дьяконов, Е.Н. Николаев, Д.М. Петров, В.В. Сыроватский, А.Н. Багашев, О.Е. Пошехонова, С.М. Слепченко, Д.И. Ражев, Е.А. Алексева, А.В. Зубова, Я.В. Кузьмин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 90–109.

Крыласова Н.Б., Данич А.В. Низки из металлических пронизок и бус в средневековом финно-угорском костюме Пермского Предуралья // Поволжская археология. – 2020. – № 4. – С. 50–65.

Погребения по обряду кремации Ат Быран III и Куудук III в долине Эркээни на Средней Лене (XIV–XVIII вв.) / Р.И. Бравина, А.Н. Прокопьева, Д.М. Петров, В.В. Сыроватский // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 10. – С. 109–123.

Шубина О.А., Самарин И.А., Горбунов С.В. Древние поселения и могильник на реке Богатой // Вестник Сахалинского музея. – 2001. – № 8. – С. 307–336.

Николаев Е.Н.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ СПОСОБЫ ДОБЫЧИ И РУДОПОДГОТОВКИ В ТРАДИЦИОННОЙ ЯКУТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ (ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Технологии производства железа и обработки металла занимали одну из главных позиций в экономике и хозяйственном укладе различных народов и этнокультурных образований, определяя уровень развития производительных сил. Железо и сталь с момента своего появления стали играть важную роль как в общественно-политической жизни, так и в экономической сфере и как материал для изготовления бытовых изделий, орудий труда, предметов вооружения и защитного снаряжения, и как ценный ресурс, пользовавшийся большим спросом. В связи с этим, изучение технологии производства и обработки металла имеет важнейшее значение для изучения вопросов, связанных с историческим развитием человеческого общества и его культуры. Изучение традиционной якутской культуры и хозяйственного уклада без характеристики добычи и обработки железа будет неполным. Актуальной исторической проблемой является изучение производства и обработки железа якутами, основой жизнедеятельности которых была специфическая форма хозяйственного уклада. Присутствие доступных источников руды и крупных лесных массивов послужило материальной базой для формирования и развития самобытной якутской металлургии железа.

В силу объективных причин и уровня развитий технологий, якутам были доступны обнажившиеся вследствие размыва рыхлых отложений пласты руды и россыпи конкреций по берегам рек. Пластовые месторождения железной руды

назывались «сымса» [Стрелов, 1927, с. 53]. Как отмечает Е.Д. Стрелов, якуты не разыскивают залежи руды бурением, а ищут ее на дне ям, образовавшихся от вывороченного с корнями дерева. К добыче приступают, как правило, при осенних морозах, когда верхний – пустой слой породы, достаточно промерзает. Выработку отогревали кострами и с помощью кайл и других подручных инструментов выламывали из-под пустых пород. При этом старались максимально углубиться в залегающий пласт до тех пор, пока порода не обвалится под собственным весом в яму. Рядом с отработанной ямой закладывали следующие и так далее, пока не заготавливали необходимое количество сырья.

Следы древней добычи руды были в большом количестве выявлены нами в ходе разведочных работ в местности Быталаах, в 2 км севернее устья рр. Лютенге и Кедиге. Зафиксированные выработки имели округлые контуры, в глубину достигающие 2-3 м. Рядом на поверхности были сложены небольшие кучи ожелезненной породы. Выявленное месторождение является не единственным в округе. В целом, междуречье рр. Буотами и Лютенге с их притоками весьма богато на залежи железорудного сырья. По утверждению геолога И.П. Атласова, это целая система месторождений сплошного оруднения, где выявлено около 40 точек выхода руды на территории в 3 тыс. кв. км [Железные руды Южной Якутии, 1960, с. 3]. Несмотря на слабую изученность темы разработки и использования железных руд, исследователи приводят ряд месторождений, на которых в большей или меньшей степени в различные периоды производилась добыча руды.

В свое время достаточно известным было Шестаковское месторождение, расположенное на вершине крутого склона северо-западного склона, образованного рр. Буотамой и Джаджинаем. На противоположном правом берегу р. Буотамы в 1740-ые года действовал небольшой завод, принадлежащий частному предпринимателю М.А. Шестакову. Завод просуществовал весьма короткое время, после его закрытия руду продолжали добывать якуты, но из-за плохого качества месторождение было заброшено и к дальнейшей разработке не приступали.

Наиболее активно велась разработка месторождения на р. Сырсар, расположенного в 4,2 км от устья. Железная руда из этого месторождения отличалась качеством, лучше плавилось и давало меньше шлака, из-за чего пользовалась большим спросом и руду возили в другие места.

Следующее месторождение расположено на 3 км ближе к устью р. Сырсар, на левом берегу р. Буотамы в местности Даркылах. Руда здесь залегаёт в виде узкого непрерывного пласта на вершине крутого склона. Посетивший месторождение студент

Харитонов отметил следы ям и многочисленных выработок, обвалившихся и заросших крупными деревьями.

Кюртянский (Кюттянский) рудник находится в 12 км от р. Буотамы на р. Кюртяни. Добываемая здесь руда шла на изготовление режущих инструментов [Стрелов, 1927, с. 59]. Руда здесь залегает на глубине 2,5-3 м, тем не менее это не останавливало рудокопов. На месторождении были зафиксированы следы глубоких ям и выработок.

Лютенгское месторождение располагается обособленно и занимает вершину небольшого выступа, окруженного с трех сторон возвышенностями и с четвертой – крутым скальным обрывом. Месторождение практически полностью выработано, так как руда отличалась легкоплавкостью, а получаемая крица чистым составом. Добытую руду возили далеко в разные стороны.

Перед тем как приступить непосредственно к железовосстановительному процессу, добытую руду специальным образом подготавливали, обогащали. Мероприятия по предварительному отбору и подготовке руды были важнейшей составляющей традиционного кустарного производства железа. Добытая руда не может сразу идти в дальнейшее металлургическое производство. Получение высококонцентрированной руды происходило путем выполнения комплекса специальных операций, а именно:

1. Ручной отбор железосодержащей породы
2. Предварительная сушка на проветриваемой площадке
3. Обжиг просушенной руды
4. Дробление для получения кусков необходимого размера
5. Просеивание через специальное сито

Указанные приемы достаточно просты и активное их использование в железоделательном производстве якутов подтверждается как материалами археологических раскопок, так и этнографическими свидетельствами. Якуты добытую руду складывали небольшими кучами, которые затем весной перевозили поближе к горнам [Гайдук, 1911, с. 293]. Находясь на открытом, продуваемом ветрами месте, руда избавлялась от излишней влаги. Бурый железняк, являясь водной окисью железа, в большом количестве содержит воду и при сушке становится пористым, что в конечном итоге способствовало более полному восстановлению железа. Далее уже отлежавшиеся и хорошо просушенные конкреции руды перевозили на место дальнейшего производства, где происходил отжиг. Предварительный обжиг руды был важной составляющей металлургического производства. Под обжигом понимается операция

подготовки рудного материала с целью изменения его физических свойств и химического состава. В результате медленного сгорания возникала невысокая температура, поэтому рудный материал не плавился, а только прокаливался докрасна, до хрупкого, готового к измельчению состояния [Уткин, 1992, с. 23]. При низкотемпературном обжиге окиси железа в рудном сырье переводятся в извлекаемую форму, дополнительно удаляются ненужные примеси в виде кремнезема и прочих включений. Обжиг руды происходил непосредственно у плавлен в специально подготовленных ямах или на поверхности – в кучах, обложенных горючим материалом, как правило, сухими дровами. Практически на каждом исследованном памятнике встречаются различные ямы применявшиеся, по всей видимости, именно для этой операции. Кроме того, на памятнике Урочище Марь-I в раскопе площадью 25 м² были выявлены конкреции как обожженной руды, так и без следов термической обработки. Все это свидетельствуют о том, что металлурги операции по предварительной обработке руды предпочитали проводить непосредственно у своих производственных площадок.

Не менее важной технологической операцией было дробление. Измельчение руды происходило в специальном деревянном лотке с помощью деревянной колотушки. Качественно обожженная руда легко дробится на мелкие фрагменты. Мастера-металлурги уделяли особое внимание размеру измельчаемой руды. Куски в итоге должны были получиться строго определенного размера, не более 1,5×1,5 см. Сильно измельченная руда быстрее выгорала в горне и железо переходило в шлак, не успев восстановиться, а если фрагменты были крупнее или разных величин, то восстановительный процесс протекал неравномерно, что в итоге сказывалось на качестве готовой продукции [Мачахов, 1997, с. 30].

Фракции измельченной руды далее подвергались уже финальному отсеиванию через сито. Решето для отсева изготовлялось из связанных между собой прутьев тальника, имело размеры 70×40 см с ячейками не более 1×1 см. Отобранную и просеянную руду уже можно было использовать при производстве железа. В смеси с древесным углем получалась шихта для загрузки в рабочую камеру горна. Мелкие, отсеянные через сито фрагменты руды в отходы не шли, их приберегали напоследок. По окончании плавильного процесса эта мелкая рудная пыль засыпалась в печь и при усиленной работе мехов в камере поднималась температура, полностью расплавляя загруженную породу. Таким образом, ни одна частичка ценного рудного материал не пропадала зря, все шло в применение.

В целом, можно отметить, что традиционная якутская металлургия была на достаточно высоком уровне технологического развития. Якутским металлургам были известны способы поиска, добычи и отбора руды. Обладали они также знаниями о предварительной рудоподготовке и обогащении сырья, удалению лишних примесей и включений, что, в конечном итоге, позволяло им получать качественную и чистую кричную продукцию.

Литература

Гайдук А.А. Производство сыродутного железа в Якутском округе // Журнал русского географического общества. – 1911. – № 3. – С. 213–292.

Железные руды Южной Якутии: Геология, минералогия, генезис и промышленное значение / Акад. наук СССР. Совет по изучению производит. сил; Д. П. Сердюченко, А. В. Глебов, М. И. Каденская и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 519 с.

Мачахов А. П. Чап уустара. – Якутск: «Кудук», 1997. – 92 с.

Стрелов Е.Д. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по р.р. Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. – 1928. – №1. – С. 48–63.

Уткин К.Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX – начала XX вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – 88 с.

Бравина Р.И.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОУШНЫХ ТОПОРОВ ЯКУТИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

В качестве основных типобразующих признаков проушных топоров выступают общие пропорции, форма обуха (шпеньковые и плоскообушные) и лезвия (узколезвийные и широколезвийные), наличие или отсутствие выступа и бородки. На основании этих позиций можно выделить 2 вида топоров, относящихся к эпохе средневековья и Нового времени, зафиксированных на территории Якутии.

Первый вид представлен единственным экземпляром, случайно найденным возле раннеякутского поселения Сасыл Етех (XIII–XIV вв.) в Абагинском наслеге Амгинского улуса. Шпеньковый топор не имеет близких аналогий с традиционными

топорами якутской работы. Размер топора от лезвия до обушка – 16,6–16,7 см, ширина лезвия 7,8–7,9 см, высота – обушка 2,4–2,6 см, ширина – 5 см. Топор имеет узкое вытянутое лезвие, слегка скошенное в сторону рукояти и расширяющееся от проуха к острию. Лезвийная часть изготовлена путем кузнечной сварки, на теле топора визуально определяется слабопрокованная линия наварки. Вероятно, при изготовлении применялась технология закрепления стального лезвия на железной основе. На рабочей стороне имеются следы применения в виде мелких сколов и зазубрин. Проух прямоугольной формы со скругленными краями. Тыльная часть топора снабжена молоточком-обушком квадратной формы, заканчивается слабовыраженной грибовидной шляпкой. Щековины топора округлые и утолщенные. На одной стороне имеется вдавление правильной ромбической формы, похожее на клеймо. Говоря о происхождении артефакта, следует отметить, что согласно археологическим и этнографическим данным, якутские кузнецы не владели сваркой железа, традиционно используя заклепочную технику [Серошевский, 1993, с. 355; Константинов, 1971, с. 143].

Ко второму виду (группе) относятся плоскообушные топоры. Всего в материалах якутских погребений 17–18 вв. зафиксировано 15 топоров: 13 – в грунтовых погребениях бассейнов Средней Лены, Алдана, Амги, Вилюя и Яны, 2 – в арангасных захоронениях на реке Оленёк. Все экземпляры однотипные – клиновидные, с симметричным лезвием трапецевидной, иногда слегка округленной формы, с подтреугольным или овальным проушным отверстием. Их общая длина от лезвия до обуха 8,5–15 см, ширина лезвия 6,5–14 см, ширина обуха 5–8 см. 3 экземпляра имеют выступы бородки *эрбэх*, что, по этнографическим материалам, характерно для поздних топоров русского образца. По вышеприведенным признакам их можно разделить на 4 типа.

1. Грубо выкованные, клиновидные в сечении, с боковыми щековицами на обухе, с треугольным проухом из погребений Лёглю Бёгё (I половина XVII в.) и Шаманское дерево 1 (начало XVIII в.). Обух плоский, лезвие подпрямоугольное или закругленное, слегка расширенное книзу. Высота первого топора 11 см, второго 15 см, ширина лезвия соответственно 6,5 и 9 см, длина обуха 5 и 7,5 см [Гоголев, 1958, с. 74, рис. 19; Grubézy, 2013, p. 75]

2. Клиновидные, верхняя площадка обуха для лучшего скрепления с рукоятью имеет выступ в сторону топорща. Бородка отсутствует (Ходуса Эбэ, Атыр Мэйитэ, XVIII в.). Высота первого топора 13,5 см, второго 15 см, ширина лезвия соответственно

8,5 и 9 см, длина обуха 6,5 и 8 см [Константинов, 1971, с. 107, *табл. XV, 4*; Crubézy, 2013, p. 74–75].

3. Клиновидные в сечении топоры, в профиль имеют трапецевидную форму. Отличительной чертой выступает широкое лезвие (Ампаардаах, Кус Чаарбыт, XVIII в.). Высота изделий 13 и 14 см, ширина лезвий 10,7 и 11 см, длина обухов 5,7 и 4,5 см [Константинов, 1971, с. 107, *табл. XXI, 1*; Crubézy, 2013, p. 74–75].

4. Особенностью этого типа топоров является наличие бородки на их теле, конец которой обозначен небольшим пропилом (Булгуннях I, Бердакит V, XVIII в.). Высота изделий 13 и 8,5 см, ширина лезвий 14 и 8,5 см, длина обухов 7,5 и 4 см [Crubézy, 2013, p. 74–75].

По этнографическим материалам якутские плоскообушные топоры *чохороон суэ* имели небольшие размеры. Например, В.Л. Серошевскому в 1890 г. колымские якуты говорили, что в старину топоры были «еще *уже* и еще *меньше*; рубили ими, точно долотом долбили» [Серошевский, 1993], а по рассказам намских якутов, узких топоров было несколько видов и они имели разные названия [Там же]. Примечательно, что Э.К. Пекарский в объяснении слова *суэ* (якут. топор) придает ему не только значение бытового орудия, но и боевого оружия, близкого киргизскому айбалту [1959, стлб. 2378]. К концу XIX в. распространение получили два вида клинка – широкий *тэрээх суэ* и узкий *чохороон* [Пекарский, 1959, стлб. 264]. Первым рубили и тесали, а вторым кололи дрова и раскалывали бревна [Зыков, 1989, с. 117].

По своим типологическим признакам абагинский шпеньковый топор обнаруживает сходные черты с боевыми топорами XI–XII вв. н.э., найденными в Туве (Бий-Хем), Минусине, а также на территории Кузнецкой котловины в памятниках, где фиксируется устойчивая традиция погребения по обряду кремации на стороне, характерная для аборигенного населения этого региона с V по XIV вв. н.э. [Худяков, 1980; Илюшин, 2009]. Боевые топоры относятся к категории редких археологических находок на памятниках степной и лесостепной зон Южной Сибири и Саяно-Алтая, ландшафт территорий которых предполагал дистанционный бой. По некоторым данным, узколезвийные «бронбойные» топоры применялись в ближнем бою для поражения противника, одетого в металлические доспехи. Заслуживает особого внимания тот факт, что находки фиксируются в воинских захоронениях с лошадьми. Это позволяет предполагать, что боевые топоры как вид оружия использовались лишь военной аристократией и были достаточно ценными в местной среде [Илюшин, 2009]. По данным киргизского эпоса Манас, у вождей имелся боевой топор «ай-балта», т.е.

этому виду оружия также придавалось элитное значение [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2016, с. 129].

Примечательно, что в пантеоне небесных божеств якутов и бурят присутствуют божества-громовники *Сюгэ-тойон* и *Сухэ-нойон-тэнгэри* (Топор-господин) [Дашиева, 2017, с. 30]. По всей вероятности, эти божества восходят к культуре индоевропейских богов-громовников, почитавшихся древними скотоводческими народами Евразии. По мифологическим представлениям якутов, Сээркээн Сэсэн – дед верховного божества Юрюнг Аар Тойона, обладал боевым молотом *балта*, которым мог насмерть оглушить любого богатыря. В якутском языке семантика названия этого слова изменилась. Для сравнения: древнеуйг. *балту*, казах. *балта*, *ай балта*, кирг. *балха* – боевая секира, топор [Попов, 2019, с. 110]. Э.К. Пекарский, разъясняя слова *чохороон=чохороон* – маленький топор, топорик, приводит имя эпического богатыря Чохороон-дохсун бухатыыр (букв. Отважный богатырь Боевой Топорик) [Пекарский, 1959, стлб. 3633]. В исторических рассказах и легендах упоминается узколезвийный боевой топор, применяемый специально обученными воинами в ближнем бою. В монографии Ф.Ф. Васильева есть выдержка из текста боевой ритуальной песни Илбис, где наряду с другими предметами вооружения упоминается боевой топор *чэхёрёён сюгэ* [Васильев, 1995, с. 162, 163].

По всей вероятности, узколезвийный топор *чохороон* являлся универсальным орудием. На это частично указывает длина рукояти топоров из якутских погребений – от 50 до 71 см, тогда как средняя длина рукояти рабочих топоров этнографического времени составляет 40–45 см. Якуты носили топоры за поясом, в специальных чехлах из кожи или ткани, либо пристегивали к седлу. В погребениях Ампаардаах, Шаманское дерево I и Булгуннях I топоры обнаружены под седлами.

Редкое обнаружение топоров в якутских погребениях XVII–XVIII вв., по всей вероятности, свидетельствует об их высокой ценности и элитном значении. Примечательно, что найдены топоры в погребениях, принадлежащих известным родоначальникам Аба Уос Дьорго, Суор Бугдук, Лёглю Бёгё, потомков Дьохсогона и имеющих богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь.

Литература

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / отв. ред. Д.Г. Савинов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.

Гоголев З.В. Раскопки якутских могил XVII века // Труды Якутского филиала СО АН СССР, 1958. – Вып. 1. – С. 65–75.

Дашиева Н.Б. Знак "топор" в мировоззрении древнего населения Забайкалья и традиции онной культуре бурят конца XIX - начала XX вв. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2017. – № 4. – С. 19–30.

Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов, XIX - начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1989. – 141 с.

Илюшин А.М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2009. – № 4/4 (64/4). – С. 96–100.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 212 с.

Пекарский Э.К. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 т. Т. 1: стлб. 1–1280; Т. 2: стлб. 1281–2508; Т. 3: стлб. 2509–3858. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа / предисл. В.Г. Богораза // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Наука, 1949. – Т. 11. – С. 255–323.

Попов В.Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 1 (26). – С. 106–116.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования – 2-е изд. – М.: Ассоциация «Росс. политич. энцикл.», 1993. – 736 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Железный боевой топор из собрания Музея Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 3: Археология и этнография. С. 127–132.

Якутские мифы=Саха ёс-номохторо / сост. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 460 с.

Crubézy E. MAFSO–HUMAD. Peuplements Human et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRAS Iatique au cours de l’holocène. Rapport Université Paul Sabatier Toulouse 32004. – Toulouse, 2013. – 298 p.

❖ КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ЯКУТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ XVII–XVIII ВВ. КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН

В последние годы тема роли и статуса женщин в обществе все чаще звучит в научном дискурсе. Путем всестороннего изучения погребального обряда, сопроводительного материала и костных останков реконструируются социальные отношения, положение человека в обществе в зависимости от пола, возраста, происхождения и религии. Актуальными направлениями в археологии являются социальная и гендерная археология [Conkey, Spector, 1984; Geller, 2009], развивающаяся и в отечественной науке [Кондрашов, 2004; Серегин, 2012; Берсенева, 2019]. Благодаря новым подходам выявляется ошибочность сложившихся стереотипов о поле и возрасте в древних обществах, пересматриваются вопросы, связанные с социальной структурой общества. Все чаще объекты материальной культуры и особенности погребального обряда рассматриваются как источники для изучения роли, места и положения женщин в древних обществах [Белинская, 2009; Хомякова, 2020], данные археологии привлекаются для гендерных исследований [Бутовская, 2013].

XVII–XVIII вв. являются временем якутской культуры, еще не подвергшейся влиянию правил и норм христианства, оседлости и земледелия. Характерные компоненты кочевой скотоводческой культуры (включая погребения коней и человека с конем) и предметный комплекс были распространены практически по территории всей Якутии. Изучению происхождения и развития культуры и реконструкции различных аспектов жизни и быта якутов XVII–XVIII вв. посвящено большое количество научных трудов. Но в целом при описании и реконструкции взаимоотношений внутри общества угол исследовательского обзора исходил с позиций «мужской» истории. Археологические материалы, связанные с женским миром, привлекались в качестве дополнения и подтверждения этнографических описаний и редко рассматривались как источники, характеризующие положение женщин в обществе. Женщина рассматривалась в контексте свадебной [Слепцов, 1989; Брагина, 2015] и погребальной обрядности [Бравина, Попов, 2008], как собирательный образ, часто имеющий подчиненное положение, а костюм трактовался как

универсальная система, характерная для определенных социальных групп женщин [Носов, 1955; Гаврильева, 1998].

Между тем, информационный потенциал накопленного археологического материала полностью не раскрыт. Долгое время упор делался на накопление и описание фактологического материала и археологический источник не рассматривался как один из основных для изучения якутского общества и гендерных отношений XVII–XVIII вв. На сегодняшний день созрела необходимость в систематизации женских погребений Якутии XVII–XVIII вв., выделении особенностей женской погребальной обрядности, количественной и качественной характеристике вещевого комплекса. Вкупе с этнографическими и документальными источниками это позволит раскрыть положение женщины в системе общественной иерархии, реконструировать те социальные роли, которые она выполняла.

В древних обществах одним из маркеров социального положения человека при жизни было наличие, количество и качество убранства верхового коня в контексте погребального памятника [Серегин, 2015, с. 134]. Богатое конское убранство обладало особым статусом и символизмом и входило в «комплекс богатства» кочевников наряду с предметами торевтики и шелковой одеждой. Подобные знаковые явления прослеживаются в якутской погребальной обрядности дохристианского периода, и многие исследователи якутской культуры уделяли особое внимание погребениям человека с конем и отдельным погребениям коня [Васильев, 1993; Константинов, 1970; Попов, Бравина, 2009; Ферре и др., 2012]. Между тем, анализ предметов конского убранства в составе сопроводительного инвентаря в якутской культуре еще не был предметом специального изучения. Другим аспектом является то, что многие тезисы пересматриваются в русле постколониальных и гендерных исследований. В данном контексте интересным является возможность переосмысления существующего представления о том, что в мужских погребениях конское убранство встречается чаще и больше, что связано с априори более высокой позицией власти и богатства мужчины в социальной иерархии якутского общества. Для решения поставленных задач был выбран количественный метод, который позволит выявить частоту встречаемости убранства верхового коня и среднее количество его категорий в мужских и женских погребениях. Сравнительный анализ полученных данных покажет наличие или отсутствие гендерной дифференциации. Основными источниками исследования стали полевые отчеты, дневники и протоколы вскрытий, опубликованная литература.

Материалы и методы. В понятие «конское снаряжение» или «убранство верхового коня» были включены все категории предметов, обнаруженные в

погребениях: удила, суголовье, седло, седельная подушка, седельная покрывка, чепрак, подпружные пряжки, стремяна, кнут. Некоторые проблемы в выделении предметов состояли в том, что в источниках иногда допускалась путаница в терминах или были обобщены разнородные предметы, что могло быть вызвано плохой сохранностью предмета. Так, категория «суголовье» включает в себя части узды, кроме удил, т.к. четко идентифицировать можно только удила; аналогична ситуация с категорией «кнут», куда включены как кнуты, так и кнуты-скребницы.

На данный момент известно более 300 якутских погребений, датируемых XVII–XVIII вв. Из этого числа 218 грунтовых погребений имеют биологическое или социальное определение пола, в т.ч. 103 женских и 115 мужских. Среди этих погребений снаряжение верхового коня было обнаружено в 73 погребениях: 22 женских и 51 мужском, что составило 21,36% и 44,35% соответственно. Для половозрастного анализа из этого количества были отобраны погребения, имеющие определение возраста: 13 женских и 24 мужских. Было составлено 2 группы по половому признаку и внутри были сформированы подгруппы по возрастным категориям *Adultus* (20–35 лет), *Maturus* (35–55 лет), *Senilis* (старше 55 лет). Здесь стоит отметить, что среди возрастных групп до 20 лет конское снаряжение не было обнаружено ни в женских, ни в мужских погребениях. В итоге была сформирована сводная таблица, где обозначены половозрастные группы и среднее арифметическое значение количества предметов убранства верхового коня, обнаруженных в соответствующих группах, выявлена частота встречаемости отдельных категорий предметов по половозрастным группам и среднее количество единиц категорий в погребении (табл. 1).

Результаты и обсуждение. Распределение категорий предметов по половозрастным группам выявило интересные особенности. Так, в целом количество предметов в женских погребениях выше, чем в мужских независимо от возраста погребенных. Во всех трех женских группах среднее арифметическое количества предметов варьируется от 3 до 4, тогда как в мужских группах от 0,75 в группе *Adultus* и до 2,75 в группе *Maturus*. Весь набор предметов конского снаряжения прослеживается в самой молодой возрастной группе, что может быть связано со свадебной обрядностью. Среди фольклорных материалов довольно часто встречается сюжет, где женщин из категорий «невеста» и «молодая жена» погребают вместе с ее свадебной лошадейю в полном убранстве. Вероятно, здесь прослеживается символическая замена лошади ее атрибутами. Во второй возрастной группе отсутствуют седельные подушки, покрывки и подпружные пряжки, реже встречаются седла. В целом эта группа имеет наименьшее

количество атрибутов амуниции. Старшая возрастная группа вновь приближается по количеству и составу предметов конского убранства к *Adultus*. Возможно, это было продиктовано отношением к почтенному возрасту, статусу «матриарха» или вдовы и представлениями о прожитой полной жизни и «хорошей» смерти.

Мужская возрастная группа *Adultus* выделяется тем, что в соответствующих погребениях выявлено наименьшее количество категорий: только удила, седла и кнуты. В двух других группах среднее количество предметов и их разнообразие гораздо выше. Главным отличием между женскими и мужскими погребениями явилось то, что во всех женских возрастных группах существенно чаще встречались удила (в целом 0,61 в женских погребениях и 0,16 в мужских), стремяна (0,84 и 0,37 соответственно) и седла (0,85 в женских и 0,54 в мужских); только в женских группах были седельные покрывающие; среди остальных категорий в мужских погребениях чаще встречались только кнуты.

Выводы. Итак, можно сказать, что убранство верхового коня в качестве сопроводительного инвентаря чаще встречается в мужских погребениях, но внутри выделенной группы вырисовывается неоднозначная картина: близкий по составу и количеству сопроводительный инвентарь могли иметь мужчины среднего возраста, молодые и пожилые женщины. Пребывая в категории «невеста», женщина символизировала материальное и социальное положение всего рода, а высокий статус старейших женщин рода мог быть обусловлен их репродуктивной успешностью и положением детей. Схожий набор конского снаряжения в составе сопроводительного инвентаря этих трех половозрастных категорий может быть отражением близости их позиций в социальной стратификации общества. Проведенное исследование подтверждает существование сложной вертикальной и горизонтальной социальной иерархии, внутри которой была возрастная и гендерная иерархия в том числе.

Литература

Белинская К.Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрок Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. – 2009. – № 4. – С. 6–11.

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э.: по материалам погребальных памятников: дисс. ... д.и.н.: 07.00.06. – Новосибирск, 2019. – 410 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Брагина Д.Г. Семья у якутов: от традиции к современности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 4 (13). – С. 48–53.

Бутовская М.Л. Антропология пола. – Фрязино: Век2, 2013. – 256 с.

Васильев Ф.Ф. Неизвестный погребальный обряд // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: тезисы и мат-лы науч. конф. – Улан-Удэ, 1993. – С. 92–93.

Гаврильева Р.С. Одежда народа Саха конца XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – 144 с.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сrostкинской культуры: по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.: дисс. ... к.и.н.: 07.00.06. – Барнаул, 2004. – 378 с.

Константинов И.В. Захоронение с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1970. – С. 183–197.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сборник научных статей ЯРКМ им. Е.М. Ярославского. – Якутск, 1955. – Вып. 1. – С. 84–137.

Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). – Якутск: Бичик, 2009. – 32 с.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № (2). – С. 61–69.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. – Барнул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 131–143.

Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). – Якутск: Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 162 с.

Ферре К., Попов В., Бертело Э., Лемер Ф. Захоронения лошадей // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – С. 110–114.

Хомякова О.А. Женские погребения Юго-Восточной Прибалтики I–VIII вв. // Российская археология. – 2020. – № 1. – С. 90–106.

Conkey, Margaret W., Spector Janet D. Archaeology and the Study of Gender // Advances in Archaeological Method and Theory. – 1984. – Vol. 7. – pp. 1–38.

Geller, Pamela L. Identity and Difference: Complicating Gender in Archaeology // Annual Review of Anthropology. – 2009. – 38:1. – pp. 65–81.

Таблица 1. Конское снаряжение в якутских погребениях XVII–XVIII вв.

Возрастные группы	Удила	Суголовье	Седло	Седельная подушка	Седельная покрывка	Чепрак / Тебеньки	Подпругные пряжки	Стремена	Кнут	Среднее количество категорий предметов в погребении
Женщины										
<i>Adultus (20-35)</i>	0,40	0,40	1	0,40	0,40	0,20	0,20	0,60	0,40	4

<i>лет)</i>										
<i>Maturus (35-55 лет)</i>	0,64	0,33	0,67	0	0	0	0	1	0,33	3
<i>Senilis (55 лет и старше)</i>	0,80	0,20	0,80	0,20	0,20	0	0,40	1	0,40	4
Частота встречаемости в погребении	0,61	0,30	0,85	0,23	0,23	0,07	0,23	0,84	0,38	
Мужчины										
<i>Adultus (20-35 лет)</i>	0,33	0	0,33	0	0	0	0	0	0,67	0,75
<i>Maturus (35-55 лет)</i>	0,13	0,25	0,50	0,38	0	0	0,50	0,75	0,38	2,75
<i>Senilis (55 лет и старше)</i>	0,15	0,07	0,61	0,23	0	0,07	0,23	0,23	0,69	2,20
Частота встречаемости в погребении	0,16	0,12	0,54	0,25	0	0,04	0,29	0,37	0,58	

Ушницкий В.В.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ ТУМАТСКИЙ СЛЕД В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САХА

Долгие годы поисков этнических предков саха привели к мысли о том, что наиболее вероятными историческими предками саха все-таки являются туматы. Туматы из исторических источников XIII в., известны в качестве племени, оказавшего яростное сопротивление монгольским завоевателям. Этноним тумат сопоставим с самоназванием тыва, тува и средневековым племенем дубо в танских летописях.

В этой связи хотелось бы привести утверждение российского, сибирского географа-топонимиста А.С. Малолетко, об экспансии в раннем средневековье тюркоязычных тобасцев – ветви хуннов, в таежные регионы Восточной Сибири, оставивших память о себе в виде существования названий тумат, туба [Малолетко, 2004, с. 211]. Таким образом, ранние тюрки как представители племени тоба могли через Амур проникнуть в территорию Якутию и привнести хунно-сяньбийский компонент в этногенез саха. Так, в местности Улахан-Сегеленнях на Олёкме, исследователи фиксируют появление скотоводческого населения с элементами хунно-сяньбийской материальной культуры [Бравина, Алексеев, 2017].

Первые сведения о тоба появились в китайских летописях в 261 г. Название тоба означало косоплеты из-за их обычая сплетать волосы в косу. В племенном союзе тоба было 99 родов и 36 владений. Тоба жили на севере Монголии и в Забайкалье. По мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, тобасцы откочевали в Забайкалье с юга в I веке до н.э. В начале III в. основная масса сяньбийских племен, включая Тоба, откочевали из Забайкалья [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 167].

В.С. Таскин относил тоба к числу монголоязычных племен. Тоба, по С.Г. Кляшторному, являлись тюркоязычным племенем. Л. Лигети доказывал, что табгачский язык был диалектом сяньбийского языка [Лигети, 1969]. П. Пеллио – известный ориенталист первой половины XX в., говорил в свое время в научном докладе, что у него есть словарь тоба-табгачей, свидетельствующая об их тюркоязычии, хотя принято тоба относить к племенам сяньби. А. Дыбо считает доказанным, принадлежность языка тоба к монгольским языкам. Хотя есть классификация, где тюркские языки Южной Сибири, а также языки саха и долган принадлежат к тобасской группе тюркской языковой семьи. Поздние вэйцы (табгачи) после завоевания Китая, т.е. в начале существования своего государства, пользовались исключительно своим родным, чуждым для китайцев, языком. Этот язык был объявлен государственным, т.е. выполнял одну из основных функций литературного языка – обслуживал нужды государства. А. Лувсандэндэв при анализе текста о письменности династии Тоба приходит к выводу, что тысячи знаков для звукового письма слишком много, а для иероглифического слишком мало. Поэтому он приходит к выводу, что новое письмо поздних вейцев-табгачей, по всей вероятности, было слоговым и комбинированным, использовавшим геометризованные знаки рунического письма и графические элементы китайского письма на более позднем этапе [Лувсандэндэв, 1997].

В официальной династийной истории Вэй утверждается, что название Тоба происходит от слова «то» с значением «земля» [Головачев, 1996]. Нам известно, что в японском языке слово «то», как и китайское «ту», имеет значение «земля». Это слово сравнимо с якутским «туой» – глина, а также с айнским «туй» с тем же значением. Известно посещение государство Вэй послами государства Улухоу пещерного храма, сохранившегося на родине древних сяньбийцев [Там же]. По транскрипции Л.Л. Викторовой название племени «улухоу» на территории Северной Монголии можно перевести как урянхайцы.

Весьма интересно, что первая редакция древнетюркского генеалогического предания сообщает о родине тюрков, названной «страной» Со. При этом среднекитайское звучание иероглифа со (сак), по мнению С.Е.Яхонтова, предполагает только один вариант – ак [Зуев, 1962]. Существует предположение о связи пратюркского государства Со с названием страны Со (в современной Восточной Монголии), из которой происходили Сяньби или их часть, которая именовалась Тоба. Именно их называли Со-лу – «варварами из страны «Со» [Там же]. Тем более кумандинский род со, с которым принято связывать родину тюрков «Со», в русских документах XVII в. обозначался Солунской волостью.

По глоттохронологии, разделение языка саха от остальных тюркских языков О. Мудрак относит к IV в. н.э. А.А. Бурькин пришел к выводу об ассимиляции эвенками (тунгусами) огромной тюркской провинции, близкой по языку к якутскому, во время миграции со Среднего Амура на восток в I тыс. н.э. [Бурькин, 2018, с. 112].

В.А. Туголуков отделял западных – «щитолицы», «лесных» тунгусов от восточных – оленных, принесших тунгусо-маньчжурский язык на территорию Вилюя, Средней и Нижней Лены [1985]. Характерными для «щитолицы» тунгусов этнонимами он считал названия тумат, майаат (ваняды), нерумняль (варианты нюрмаган), булэн (буляш). В якутских легендах Вилюйского региона подчеркивается приход с юга крайне воинственных туматов, имевших длинные копья. Туматы, тождественные с табгачскими косоплетами – потомками не менее знаменитых хуннов, принесли воинственный, свободолюбивый характер своих предков на крайний Север.

В якутском предании «*Тюбэт ому*к (племя *тюбэт*)», записанном А.А. Саввиным, говорится, что данное этническое образование проживало возле р. *Ботубуйа*, что между рр. Нюя и Вилюй. «По внешнему виду они не отличались от якутов и говорили они по-якутски. Некоторые якуты их еще называли туматами. Их впоследствии истребили тунгусы» [Бравина, 2017, с. 100].

В фольклорных источниках, *туматы* – название аборигенного племени Вилюя,

знакомого с антрофагией [Ксенофонов, 1977; Туголуков, 1985, с. 214–216]. Они же были известны под именем бурундуков – *дьирикинэй*, шитолицы – *тигиилэх сирэйдээх*, буляшей – *булэнов*. Смешавшись с тунгусами, они дали начало племени *нюрмаган* или *мургат*, в якутской огласовке *ньуурбачаан* [Туголуков, 1985, с. 216].

Русские чиновники И. Эверс и П. Грановский приводят легенды о прибытии туматских воинов на Среднюю Лену, не желавших подчиняться монголам [там же, с. 214]. Следовательно, тюркоязычные туматы могли сыграть ключевую роль в этногенезе саха. Бурятские исследователи считают туматов монголоязычными. Если признать туматов потомками средневекового племени дубо, то следует признать их тюркоязычность. По свидетельству «Сокровенного сказания монголов», монголы испытывали большие затруднения при общении с туматами, поэтому вели переговоры с ними через переводчиков-толмачей из племени ойратов [Козин, 1941].

В фольклорных источниках, туматы – название аборигенного племени Вилюя, знакомого с антрофагией [Ксенофонов, 1977]. Отсюда В.А. Туголуков туматов связывал с дотунгусским, самодийским населением Вилюя [Туголуков, 1985, с. 214–216]. Они же были известны под именем бурундуков – *дьирикинэй*, шитолицы – *тигиилэх сирэйдээх*, буляшей – *булэнов*. Смешавшись с тунгусами, они дали начало племени *нюрмаган* или *мургат*, в якутской огласовке *ньуурбачаан* [Там же, с. 216].

По преданиям, записанным Г.В.Ксенофоновым на Сунтаре, прародительница вилюйских якутов Дьяархан (или Дьяардаах) была не якуткой, а иноплеменницей-туматкой. Его сыновья стали прародителями многочисленных джарханских родов [Ксенофонов, 1977, с. 105–107]. Следовательно, у вилюйских якутов имеется своя родословная, возводящая свои корни к братьям Тыгына со стороны туматки или ньурбачаанки (тунгусский род нюрмаган) Дьяардаах. Таким образом, данная генеалогия связывает вилюйчан, с одной стороны, с аборигенами Вилюя, с другой – с кангаласцами, родственниками Тыгына.

В.А. Туголуков выдвинул гипотезу о тождестве эвенкийского рода (племени) наннагир с кангаласцами, находя промежуточный этноним наннагир. К тому же наннагиры считались более широким родовым сообществом, куда входили роды «лесных» тунгусов, такие как, нюрмаганы, буляшы, маяты и туматы [Туголуков 2013]. Поэтому хотелось бы сказать, что возможно род (племя) Кангалас образовался в результате подчинения или ассимиляции немногочисленными тюркоязычными мигрантами аборигенного, скорее палеоазиатского населения. Долина Туймаада, где находятся памятники кангаласцев, по-видимому, получила свое имя от названия племени туматов.

В 1638 г. тагусы были встречены на Вилюе, Алдане и на речке Томпо [Боло, 1994, с. 109]. Боло С.И. считал, что якуты 1, 2, 3 и 4-го Тагусских наслегов являются потомками тагусского рода вилюйских якутов [Боло, 1994]. Тогуцкий наслег (центр – село Балагачча) является одним из старейших наслегов Вилюйского улуса Республики Саха [Филиппова, 2019, с. 133].

В «книге ясачных с Вилюя реки с конных якутов и тунгусов Тобольского сына боярского Воина Шахова» от 19 декабря 1639 г. среди нескольких якутских родов, уплативших ясак, присутствует «род конные якуты Тагусы князец Идирчей» с 50 ясачными людьми [Парникова, 1971, с. 32]. В 1640 г. среди плательщиков ясака указаны «якуты конные род Тагусы князец Адыхчей», всего 53 человека [Там же, с. 33].

Но часто туматов считают монголоязычными. Хотя если они потомки средневекового племени дубо, то входили в состав теле-огузов или древних уйгуров, до этого древних тюрков, и испытывали сильное культурное влияние со стороны енисейских кыргызов. Следовательно, были тюркоязычными. Название племени Дубо гээчжи С.Е. Яхонтов читает как кангач [Цит. по: Татаринцев, 2009, с. 243]. Тогда летописных кангатов XIII в., занимавшихся домашним оленеводством, следует связывать с Дубо и поздними якутами – кангаласцами.

Генетическую концепцию происхождения саха от С.А. Федоровой, о 1500 тысячелетней истории носителя мужского галлотипа N1C1, свойственного саха, согласующуюся с мнением Г.Г. Левина об отделении якутского языка от тюркских в IV в. н.э. [Федорова, 2008], можно соотнести именно с тоба и другими ветвями тюркских языков – потомков теле-огузов. Кстати, С.А. Федорова утверждает саянское происхождение носителя этого галлотипа и близости именно к тувинцам по мужской линии. Интерес заслуживает также ее мнение о прохождении генетических предков саха через бутылочное горлышко, т.е. уменьшения числа мужских особей, вплоть до угрозы полного исчезновения [Там же].

Таким образом, совершенно неожиданно на данный момент исследований, именно тоба (табгачи) представляются вероятными предками саха. Безусловно, данная концепция требует дополнительных материалов и знания китайского языка.

Литература

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск, 1994. – 352 с.

Бравина Р.И. Новая старая гипотеза о происхождении якутов: К 100-летию этнографа фольклориста и краеведа А.А. Саввина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 2 (37). – С. 94–105.

Бравина Р.И., Алексеев, А.Н. Хунно-сяньбийские реминисценции в культуре якутов // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы II междунар. науч. конф. посв. 80-летию П.Б. Коновалова. – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН 2017. – С. 84–90.

Бурыкин А.А. Тюркский лингвистический фон Восточной Сибири в контексте алтаистики, сравнительно-исторической тюркологии и якутской диалектологии // Северо-Восточный гуманитарный вестник – 2018. – № 1 (22). – С. 104–113.

Головачев В.Ц. Происхождение тоба-сяньбийцев по версии династийной истории (Вэй Шу) // Общество и государство в Китае. – Т. XXVII. – М., 1996. – С. 204–207.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. В 3 т. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – 900 с.

Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Труды ИИАЭ им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. – Т. 15. – 1962. – С. 107–122.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Под названием *Mongol un niruca tobijan*. Юань чао би ши: Монгольский обыденный сборник / Отв. ред. А.П. Баранников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.1. – 620 с. – (Тр. Ин-та востоковедения).

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.

Лигети Л. Табгачский язык – диалект сяньбийского // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 1.

Лувсандэндэв А. Сяньбийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М., 1997. – С. 144–147.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. – Т.3: Докаганатские тюрки. – Томск: ТГУ, 2004. – 292 с.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. – Якутск, 1971. – 151 с.

Татаринцев Б.И. Избранные научные труды. – Кызыл: Тываполиграф, 2009. – 287 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 285 с.

Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Изд. дом «Сиб. промыслы», 2013. – 352 с.

Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомной линии. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – 234 с.

Филиппова В.В. Якуты-тогуссы левобережья р. Вилюй: к истории создания Тогусского наслег // География и краеведение в Якутии: мат-лы V респ. науч.-практ. конф., посв. 105-летию со дня рождения А.И. Сивцевой (г. Якутск, 29 марта 2019 г.) – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2019. – С. 133–136.

❖ О РИТУАЛЬНОМ ПОГРЕБЕНИИ БЫКА: ОГУЗСКИЙ СЛЕД В ЭТНОГЕНЕЗЕ СЕВЕРНЫХ ТЮРКОВ-САХА

Археологические артефакты получают новое звучание на фоне этнографических интерпретаций, проводящих линию соединения между ушедшим прошлым молчаливых археологических культур и этнографическим настоящим, живые следы которого мелкими крапинками разбросаны по источникам фольклора и этнографии этносов Севера. Без такой поддержки археологическая культура остается абстрактным понятием, мало связанным с настоящей действительностью. Поэтому в методологическом плане полезно обращаться к трудам этнографов, чтобы на уровне междисциплинарных исследований более полно осветить новые археологические открытия.

Одной из проблематик, стоящих перед палеоэтнографией, остается определение южной прародины саха, вышедших из Центральной Азии и освоивших долины великих рек Сибири. Исторические предания, собираемые с 30-х годов XX в. фольклористом С.И. Боло, свидетельствуют, что потомки помнят родословные легенды и родословия охватывают около 22 поколений, начиная с Эллэя и Омогоя. Предания рассказывают о событиях 700-летней давности, т.е. о предках саха конца XIII – начала XIV в. О южной прародине саха говорят такие имена как Хангылы, Могуол-Уус, Болотой-Орхон, Суура-Хаан, Хоро, связанные с родами Тумат, Сортуол, Хоро, Кыргыз, Ураангхай и др. [Боло, 1994, с. 296–316].

Археологические раскопки А.И. Гоголева подтвердили верность данных С.И. Боло. Открытие кулун-атахской культуры, истоки которой восходят к скифо-сибирскому ареалу Евразии, является знаменательной вехой в истории народа саха. Автор связывает «кулун-атахцев» с гуннами, уйгурами, курыканами и «усть-талькинцами» Верхней Лены [Гоголев, 1993, с. 89–96]. В этом свете интересно мнение А.Н. Алексеева о том, что кулун-атахская культура, появившаяся после «малых домов», представляет собой симбиоз черт автохтонов и тюрков. Так, автор относит начало формирования сосудов для кумыса к позднему неолиту [Алексеев, 1996, с. 32–56]. Мы можем согласиться с этим мнением, ибо светлые творцы не знали посуды из металлов. Поэтому во время летних обрядов старики, соблюдая табу, не использовали для кумыса медные, серебряные и железные ложки, а употребляли только березовые

ложки и ковши [Материалы по верованиям якутов, РФ Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 301, л. 158]. Это редкое этнографическое сведение четко указывает на неолит, когда, по нашему мнению, зарождались основы культа светлых богов.

Логическим продолжением поиска степных корней саха явилось монографическое исследование иркутского археолога В.С. Николаева о погребальных обрядах кочевников Предбайкалья и Ангары. По версии исследователя, усть-талькинскую культуру основали туматы, согласно «Сокровенному сказанию монголов», перекочевавшие в Предбайкалье с Саяно-Алтая в конце XI в. и мигрировавшие на Среднюю Лену в конце XIV в. Смешавшись с местными племенами, туматы образовали народ саха. Одной из отличительных черт усть-талькинской культуры автор считает захоронения коней и коров, которые находились в отдельных ямах рядом с могилами людей. В число инвентаря могил сходили седла, удила, стремяна и оружие. Эти кочевники Верхней Лены оставили знаменитые петроглифы на Шишкинских скалах. Автор пишет, что дальнейшие раскопки в Якутии позволят выявить роль хори и туматов в сложении двух этносов – бурят и саха [Николаев, 2004, с. 158–160].

Все эти высказывания совпадают с основными тезисами С.И. Боло: прежней родиной саха является озеро Байкал, откуда они переселились на лесной ландшафт Верхней Лены (в район Качуга) в XIII–XIV вв. Г.В. Ксенофонтов также выразил схожее мнение: поэтапное переселение из Предбайкалья на Лену якуты совершили путем освоения бассейна Вилюя в течение 150–200 лет. Это произошло в «эру полного заката» в степях тюркского владычества и начала возвышения монголов. Окончательный исход саха из южной прародины он относил к периоду до появления улуса Чингис-хана [Ксенофонтов, 1992б, с. 57–58].

Если отбросить некоторую разницу в датах миграций кочевников, то здесь очевидно совпадение взглядов двух исследователей: туматы из Прибайкалья проникли на Вилюй, где они, по материалам Вилюйской экспедиции 1938–1939 гг., упоминались как суровые воины со «сшитыми лицами». Но другая проблема заключается в том, что Г.В. Ксенофонтов видел в первых переселенцах оленеводов-саха, а не конников-туматов. Тогда байкальские туматы теоретически должны были принести на Вилюй обычай погребения с оленем, чего не было в тюркском мире раннего средневековья.

В этом отношении более привлекательно другое предположение Г.В. Ксенофонтова: якутские былины раскрывают Эр-Соготоха как родоначальника трех якутов. При этом третий сын Айдаан-боотур был рожден от пегой коровы и имел

вид полубыка, а его слугой был тунгусский витязь, истребивший по велению хозяина собственный род. В этом сюжете историк увидел владычество хуннов, у которых шаньюй Модэ был известен под громким именем Огуз-хана («Быка-царя»): «Позже мы убедимся, что хунны вообще называли себя огузами-быками» [Ксенофонов, 1992а, с. 191–193]. Думается, что здесь историк был близок к истине, ибо Модэ (Маодунь), желая жениться на китайской царице, в своем письме хитро называл себя «рожденным среди быков». Как ни странно, старая сказка о «Короле-Иване – сыне коровы» бытовала среди вилюйских саха вплоть до 60-х годов прошлого столетия, что может быть отголоском почитания коровы-прародительницы предками саха.

Гипотеза Г.В. Ксенофопова об огузском происхождении саха напоминает усть-талыкинские погребения, где встречаются костяки коров. При этом ученый скрупулезно искал огузские корни и в якутском шаманстве. Если в первом варианте эпоса из могилы Эр-Эллэя вскипает белая пена и оплодотворяет пегую корову, то в ином варианте олонхо жена погибшего героя рождает сына от зеленой травинки, выросшей на могиле мужа [Могучий Эр Соготох..., 1996, с. 36]. Здесь очевидно, что женщина, вкушавшая траву, в старом варианте мифа должна была превратиться в корову, ибо муж был быком-богатырем.

Заостряя внимание на культе рогатого скота, Г.В. Ксенофонов приводит легенды о шаманах. В старину вилюйские саха поклонялись божеству Буга-тангара. Весной невестки окропляли порога простоквашей *суорат*. В примечаниях автор пишет, что у тюрков и монголов слово *буга* обозначает быка-производителя. По его предположению, это слово сохранилось в выражении *буга киси* «сильный человек». Возможно, от *буга* происходят и другие тюрко-монгольские слова: *багатор*, *баатыр*, *баатор* «богатырь», *бек*, *беки* (*бэглэр*) «древнетюркское дворянство» [Ксенофонов, 1992б, с. 79, 107–108]. Тем самым историк находит мифологическую основу образов военных вождей.

В другом примечании Г.В. Ксенофонов оставил сообщение: до сих пор якуты продолжают называть себя частью племени огузов. «И теперь любой якут при встрече со своим собратом прежде всего задает вопрос – тердюннг, огусунг (уусунг) кимий, т.е. кто твой предок, бык-родоначальник?» [Там же, с. 121]. Видимо, сопоставление терминов *уус* «род» и *огус* «бык» закономерно. Схожее слово встречается в телеутском шаманстве. В начале камлания шаман обращается к земным духам *пайана*, называя их «уустарым» (букв. «мои усы»). По мифологии телеутов, земля держится на четырех синих быках. Когда они передвигают ноги, происходит землетрясение [Функ, 1997, с. 64–66, 194].

Мифические синие быки наводят на мысль, что телеуты были связаны с телесцами (потомками быков-хуннов). Синий цвет быков указывает на небесное или подводное происхождение духов *уустар*. Огузский след обнаруживается и у бурят. Так, исследователь бурятского шаманизма Т.М. Михайлов пришел к заключению, что прибайкальские буряты-булагаты, почитавшие сивого быка Буха-нойона, были потомками средневековых огузо-уйгурских племен. Буха-нойон являлся тюркским реликтом в мифологии бурят Тункинской долины [Михайлов, 1980, с. 160–161]. Продолжая эту замечательную мысль, добавлю, что автор этих строк встретился с аксакалом науки в 2004 г. и расспросил о булагатском культе быка. Тарас Максимович устно сообщил, что он занимался генеалогией булагатских родов, и по его предположению, исторический Булагат жил в XIV в. Таким образом, фольклорные материалы западных бурят о Булагате совпадают с периодом усть-талькинской культуры.

На огузские корни булагатов верно указывают и молодые бурятские этнографы. Так, Е.В. Павлов пишет, что булагаты помнили свое уйгурское происхождение и говорили: «О чём же ты уйгуришь?» При этом автор ссылаясь на Д.С. Дугарова, исследовавшего «белое» шаманство у бурят и тюрков. Как пример бывшего тюркоязычия бурят приводится сведение: раньше в тувинских горах на местах строительства святилищ *обаа* выкапывали яму и «зарывали туда живого быка» [Павлов, 2010, с. 265, 267–270]. По китайским хроникам, так поступали и хунны: на дорогах они закапывали быков, тем самым пытаясь околдовать и сковать китайские войска, вторгшиеся на их земли.

Если погребения с конем прекрасно описаны в трудах этнографов и археологов [Гоголев, 1993; Попов, Бравина, 2009 и др.], то тема погребения с быком остается почти незатронутой. Первое сообщение о раскопке захоронения рогатого скота на территории бывшего Ботурусского улуса было опубликовано в историко-культурном атласе «Якутия». В нем сообщалось, что в 2006 г. археологи Республиканского музея им Е.М. Ярославского на территории Центральной Якутии раскопали погребение коровы с явными следами ритуальных действий. Голова коровы была ориентирована на юго-запад, на той же стороне обнаружены следы от двух столбов и двух кострищ к югу и северу от линии столбов. Угли от костров рассыпаны у изголовья скота. Видимо, здесь совершалось шаманское камлание. В яме четко сохранились остатки камеры, матицы, досок и коры, которые служили покрытием погребального сооружения. По первичным данным, это захоронение ориентировочно датируется поздним средневековьем [Якутия, 2007, с. 459].

Эта полевая информация была послана В.С. Николаеву для сравнения с памятниками усть-талькинской культуры. При сравнении с иллюстрациями из книги мы обнаруживаем различия: усть-талькинские захоронения ориентированы на север, тогда как чурапчинское погребение быка XV в. направлено головой на юго-запад как оказалось при анализе фрагментов костей, отправленных иркутянам. По целым позвонкам хвоста и левым ногам скота было очевидно, что его затащили в яму, волоча по земле. Внутри ребер сохранились остатки органики. Спина скота была сильно изогнута дугой, как будто ему разрывали аорту. Удара по лбу быка не было, в отличие от усть-талькинской коровы [Николаев, 2004, с. 292], что указывает на разные обычаи у прибайкальских и приленских скотоводов. Загадкой является цель принесения в жертву быка, т.к. на мысу могилы человека не обнаружили. Остается только догадываться, что ночной обряд с двумя кострами на мысу древние скотоводы совершили поздней осенью (*улуу долбурга сагана*) по поводу какого-то значительного события. На это косвенно указывает юго-западное направление могилы по зимнему заходу солнца.

Ради справедливости отметим, что первым «открывателем» погребения быка был С.К. Колодезников. Когда вышла книга В.С. Николаева, я позвонил В.В. Попову и спросил: «Почему в Якутии не находят погребения быков?» И тут Василий Васильевич вспомнил случай, как на мысу одной речки, в яме участник Саха-французской экспедиции Сергей Константинович нашел голову рогатого скота и бросил обратно, подумав, что это помойные остатки. Тогда было предложено повторно обследовать это место и подключить директора Республиканского музея им. Е.М. Ярославского Е.С. Шишигина, чтобы он помог нам с транспортом. Свою скромную лепту в этой поездке я вижу в том, что подсказал археологам одну этнографическую особенность: в мире мертвых все представляется «наоборот». Поэтому вход в юрту (камеру) должен быть с запада. Также коновязь *сэргэ* (ритуальный столб) должна находиться на западном краю бугра. Послушав такое рассуждение, археологи в западном секторе действительно раскопали два кострища, где жарили или варили мясо, а также следы двух столбов, между которыми растянули за ноги быка во время разрезания груди. На опушке леса лежали трухлявые огромные лиственницы, на которых саха могли повесить шкуры жертв – *кэрэх сылгы* (*кэрэх огус*).

Таким образом, археологи музея им Е.М. Ярославского доказали существование огузского следа в этногенезе народа саха, о чем в своей книге «Ураангхай-сахалар» писал историк Г.В. Ксенофонов. В свою очередь, мы подкрепили его идею этнографическими и мифологическими сведениями тюрко-монгольского шаманизма.

Думается, что дальнейшие изыскания огузских корней саха приведут к новым открытиям.

Архивные материалы

Материалы по верованиям якутов: Обрядовый и шаманский фольклор. 1940 г. // РФ Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 301 – 245 л.

Литература

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья / отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 96 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск: Бичик, 1994. – 320 с.

Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Изд. 2. – Т. 1. – Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992а. – Кн. 2. – 317 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды (публикации 1928–1929 гг.). – Якутск: Творческо-производственная фирма «Север – Юг», 1992б. – 318 с.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1980. – 320 с.

Могучий Эр Соготох = Модун Эр Соҕотох: якутский героический эпос / сказитель В.О. Каратаев; пер. П.Е. Ефремова, С.П. Ойунской, Н.В. Емельянова; вступ. ст. Н.В. Емельянова, В.В. Илларионова. – Новосибирск: Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 10).

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. – Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Павлов Е.В. Этнические истоки культа Буха-нойон баабая и генезис западно-бурятского племени булагат // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 256-274.

Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии / отв. ред. Е.С. Шишигин. – Якутск: Бичик, 2009. – 32 с.

Функ Д.А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. – 268 с.

Якутия. Природа, история, этнография, современность: историко-культурный атлас. – М.: Феория, 2007. – 869 с.

❖ АРТЕФАКТЫ ДРЕВНЕЮКАГИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

В археологическом отношении древние этапы аборигенной юкагирской культуры практически не изучены. Генезис культуры северных номадов-собаководов одни исследователи соотносят с раннеголоценовой сумнагинской культурой, другие – с поздненеолитической ымыяхтахской, либо с комплексами бронзового века. К настоящему времени в археологии и палеоэтнографии накоплен достаточный научный материал, который с применением новых методов исследования мог бы внести ясность в вопросы ранних этапов истории юкагиров. Потомками коренных охотников и рыболовов Восточной Сибири, до настоящего времени сохраняющих присваивающий тип хозяйства, являются лесные юкагиры (самоназвание *одул*), компактно проживающие в с. Нелемное Верхнеколымского улуса РС (Я). Эта локальная юкагирская группа, несмотря на мощное тунгусское, якутское, русское влияние и постоянное уменьшение числа носителей разговорного юкагирского языка, сохраняет родовую территорию и родовую общину с промысловой направленностью хозяйственной деятельности, языческое мировосприятие. Геокультурный ландшафт Колымского региона на протяжении тысячелетий способствовал консервации уникального этнотерриториального локуса.

Промысловый инвентарь современных одулов сильно трансформирован, однако в культурной памяти народа сохраняются следы прошлых эпох, перспективные для этнокультурных реконструкций и сравнительных сопоставлений с материалами археологических раскопок на территории Северо-Востока Азии.

В этиологических мифах одулов упоминания о глине и производстве глиняной посуды не встречаются. Вопрос о том, пользовались ли юкагиры в далеком прошлом глиной, до сих пор остается спорным, хотя раннеюкагирская культура большинством исследователей соотносится с поздним неолитом (5000–3000 л.н.), характерной особенностью которого были отпечатки вафли и рубчатой лопаточки на керамических сосудах. В конце XIX - начале XX вв. исследователь традиционных культур народов Северо-Востока Азии В.И. Иохельсон писал: «Современные юкагиры не помнят, как в прошлом их предки пользовались глиняными котлами для варки пищи или каменными сковородами для жарения... в преданиях говорится, что древние юкагиры обычно варили мясо и рыбу в берестяной или деревянной посуде на горячих камнях»

[2005б, с. 584, 589]. Ученый полагал, что археологические раскопки «в стране юкагиров» прольют свет на юкагирское гончарство.

По этому вопросу нет единства мнений среди самих юкагиров. В конце XIX в. чуванец А.Е. Дьячков со ссылкой на бытовавшие среди населения р. Анадырь рассказы писал, что юкагиры «котлы делали из глины» [1992, с. 202]. Противоположного мнения придерживался одульский писатель и ученый Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок): «Утверждения некоторых ученых о существовании здесь, в частности у одулов, керамики, являются ошибочными... Ни в языке, ни в материальной культуре и нигде какого-либо упоминания о ней мы не встречаем» [1996, с. 35]. В настоящее время археологами установлено, что многочисленные фрагменты керамических сосудов найдены практически на всей территории Якутии начиная с эпохи раннего неолита (6900–5500 л.н.) вплоть до периода раннеякутской кулун-атахской культуры (X–XVI вв.).

О том, что глина была известна одулам и ее отличали от других природных материалов, сообщает сказка «Как Мифический Старик стал невидимым». Старик-людоед разгневался на женщин и стал последовательно прятать материалы для заточки ножей: точильные камни, кожу, дерево, наконец, глину. «Но женщины нашли какую-то другую глину. Тогда Мифический Старик сказал: "Ну, ладно, женщины победили меня, я больше не буду прятать глину. Я не смогу спрятать всю глину на земле"» [Иохельсон, 2005б, с. 410–411]. Сказка записана со слов юкагирки Долгановой в 1902 г., опубликована на русском языке, но название глины остается неизвестным на ее родном языке. Нет его и в словарных материалах В.И. Иохельсона [Там же, с. 446–491].

Относительно посуды для варки пищи, ученый писал: «Юкагиры называют железный или медный котел *лудун-пигэ* или *лунбугэ*, что означает «железное берестяное ведро или коробка» от слов *лудул* т.е. железо, и *пигэ* т.е. берестяное ведро или коробка» [там же, с. 584]. В фольклорных текстах для обозначения котла используется слово *лунбугэ*, даже если речь идет о сосудах относительно древнего времени. Котел, чайник, ковш, банка появились в обиходе народов Северо-Востока Азии под влиянием пришлых иноэтнических культур. Традиционные юкагирские названия посуды: *пигэ*, *оотчэ/оччо/ооччо* – различные сосуды из бересты, *шобофо/шоубо* «лоток», «корыто, тарелка» из дерева, рога лося, вообще, «посуда» [Николаева, Шалугин, 2002].

Лэбэйди пигэк «блюдо для ягод», *анин пигэк* «блюдо для рыбы», *чаиодьин пигэк* «чашка для питья чая», *пигэ* также ведро, коробка, т.е. разной величины и формы сосуда из бересты. Термин *пигэк* относятся только к кухонной утвари.

Оотчэ/оччо/ооччо «берестяной туес, чашка», *одьин оотчэ* «чашка для воды» при вычерпывании ее из лодки. По-видимому, это берестяные емкости широкого применения. *Оотчэ* является символом материнской женской утробы.

Шобоџо/шоуџо – посуда, изготовленная не из бересты общего назначения и пользования.

Были емкости из шкуры с головы оленя. Загадки, записанные от якутоязычных аборигенов, показывают аллегорическое сравнение черепа дикого копытного животного с глиняным сосудом: «Говорят, голова старого лося в огонь вкатывается»; «Есть, говорят, гладко обмазанный оленин череп» [Якутские загадки, 1975, с. 252].

В словарных материалах юкагиров тундры *өнидьэн чуораскэ* «глиняный котел», *өнидьэн чуораскэк виэмэлэ* «из глины сделал котелок», где *өнидьэ* «земля; песок, глина», *чуораскэ* «котел» (от *чуо(η)* «железо») [Курилов, 2001, с. 356, 570]. Дословный перевод *өнидьэн чуораскэ* включает исходные материалы «глиняный» и «железный», т.е. у юкагиров верхней и нижней Колымы котлы *лунбугэ* и *чуораскэ* являются новообразованными словами и пока неясно, какие обозначения для сосудов из глины им предшествовали. Среди топонимов Нижней Колымы известно *Өнидьэткэ* «Большая глина» – в этом озере находится много глины [Курилов, 2005, с. 19]. По консистенции глину тундровые юкагиры сравнивают с песком, мукой, пылью.

В словаре верхнеколымских юкагиров *ноџо* «песок» – неясно, входит ли в это смысловое понятие «глина, пыль, земля» [Николаева, Шалугин, 2002, с. 48], по аналогии с юкагирами тундры возможно: *ноџон лунбугэ* «песчаный/глиняный? железный котел». Гончарство было утрачено одулами по пока не выясненным причинам, одной из которых могло быть семантическое единение глиняного сосуда с реинкарнационными представлениями (женский символ, подобно берестяному *оотчэ*) [Жукова, 2012, с. 319-323]. Одулы различают глину по цвету. В обнажениях высоких увалов собирали белую глину, добавляя ее в еду. Красящую глину (охра) называют *kejle* [Спиридонов (Тэки Одулок), 2003, с. 17]; *кэйлэндэ шөйль*, где *кэйлэньи* «красный», *шөйль* «камень» [Жукова, 1996, с. 136]. В конце XIX - начале XX вв. юкагирские кузнецы использовали глину в железоделательном производстве; ею, должно быть, обмазывали зимние жилища и шесток.

Устьянские юкагиры с. Юкагир глину называют *лаахса/даахса* (эвен.), различают по качеству и цвету (зеленая, красноватая, желтая). «Глину смешивали с водой и

сушили на солнце, она становилась твердой, как камень. Такая *даахса* была не везде, ее специально искали, заготавливали перед тем, как использовать. Глину смешивали с оленьей шерстью и замазывали стены жилища изнутри и снаружи, лепили очаг из глины, делали посуду, позднее кирпичи. Также смешивали с битым стеклом, солью. На берегу моря рядом с селом Юкагир много морской целебной глины. Сейчас никто не знает секретов этих глин, потому что не применяют» (Устьянский улус, пос. Депутатский, Сыроватская Наталья Ивановна, 1981 г.р., со слов старших жителей).

Таким образом, приведенные материалы показывают, что глину колымские и нижнеянские юкагиры знали, разнообразно применяли, но гончарные приемы пока остаются неизвестными.

У аборигенов севера очищение, обработка, выделка шкур диких животных для изготовления одежды, предметов быта и промысла традиционно являются женскими занятиями. Обработка шкуры включает несколько стадий с применением различных видов скребков и мялок, в прошлом каменных, костяных, деревянных, позднее, изготовленных из железа. Обстоятельная информация об этапах обработки шкур животных охотниками и оленеводами Сибири и Севера приводится в статье В.И. Дьяченко [2020]. Первоначально приступали к очистке свежеснятой или уже засохшей шкуры. Мастерница остро заточенным лезвием округлого скребка счищала мускульную пленку, прирези мяса, жир, передвигая шкуру по поверхности доски или бревна и производя движение скребком от себя. После очистки мездры от мускульных пленок и других фракций эвенки и эвены смачивали эту сторону кожи разведенными в воде гнилушками для размягчения шкуры и обрабатывали ее другим скребком – *чучун*. Он представлял собой округлый железный диск с зазубренным краем, насаженный на длинную ручку. Чтобы сделать шкуру окончательно мягкой использовалась мялка (*кэдрэ~кэдэрэ~кэрдэ*). У эвенков и эвенов это изогнутая длинная железная пластина с зазубренным нижним краем и деревянными ручками на обоих концах [Дьяченко, 2020, с. 78].

Такие же железные скребки для выделки шкур и кожи *кукун/чучун, кэрдиз* были у лесных юкагиров, они считаются тунгусскими заимствованиями [Иохельсон, 2005б, с. 605–606]. В языке лесных юкагиров *лудуд ангажи* и *лудуд аут* объединяются в название «железный скребок».

Для действий, связанных с обработкой сырья, в словарных материалах одулов существуют несколько обозначений: *анбэдьаай* «скрести, работать полукруглым скребком», *айиэм* «скрести, царапать»; *көжэм* «скрести, скоблить (ровдугу)»; *кэрдэтэм* «скоблить (шкуру скребком)»; *кэрилэшум* «мять, жевать» [Николаева, Шалугин, 2002].

Термин *анбэдаай* происходит от общего названия *ангажи* «скребок». По В.И. Дьяченко, округлые скребки с гладкозаточенными и зазубренными лезвиями использовали на начальных этапах очистки шкуры. *Айиэм* также может быть показателем начальных этапов обработки шкуры крупных копытных, ср.: *айиу* «высушенная шкура лося». *Кэжэм* свидетельствует об одном из завершающих этапов (выделка ровдуги).

Юкагиры особое внимание обращают на форму предметов бытовой культуры и окружающего мира. В фольклоре упоминается женский круглый нож *шаадаайэ*, скорее каменный, чем костяной [Иохельсон, 2005а, № 20]. Треугольную форму имели лыжи-снегоступы *кожэдаримэ* «подошва *Кожэ*» и плот *мино* для семейного сплава вниз по течению реки. Разнообразны этиологические мифы об абрисах горных вершин, останцев, островов на территории кочевания родовых групп; различаются отдельные деревья в лесу, подобно человеку в толпе. Соотношение формы, материала и назначения составляют эстетическое восприятие каждой вещи в многообразном, окружающем язычника, внешнем мире. Мастера завершают процесс изготовления любой вещи украшениями и орнаментами, одухотворяя и «оживляя» предмет. *Андьэштин* – букв. «оглазить», т.е. неодушевленному предмету сделать глаз, оживить, очеловечить. Глаз-оберег вышивают, рисуют, вырезают на изделиях традиционной культуры.

Скребки различаются по материалу. Юкагиры искали расколотые плоские гальки, держали одной рукой и использовали в качестве *ангажи шойл* «каменный скребок». *Ангажи шойл* также вставляли в углубление по центру деревянной рукояти, тогда инструмент становился двуручным.

Ангажи амун (*амун* «кость») скребки из кости делали из расколотой полой кости задних конечностей лося (сообщение В.Г. Шалугина). Раскалывая кость вдоль, получали двуручный скребок с длинным продольным лезвием (рис. 1). У такого скребка могли отколоть эпифизы и получали два одноручных *ангажи амун* [Жукова, 1996, с. 115-116].

Ангажи шаал «скребок из дерева» (*шаал* «дерево»), по сообщению одула М.М. Лихачева, делали двуручным. На длинной основе с уплощенно-трапециевидным поперечным сечением по длинной зауженной стороне инструмента делали ножом запылы, формируя зубчатый рабочий край. При затуплении лезвия его подправляли ножом. По-видимому, это аналог эвенкийско-эвенского *кэдрэ~кэдэрэ~кэрдэ*.

Простейшие формы скребков из дерева и кости лося еще недавно были в употреблении, несмотря на то, что предпочтения отдаются железным орудиям. В

обиходе одулов были большие и малые скребки из камня, кости, дерева, позднее железа. Значительный диапазон форм и размеров каменных и костяных скребков и скребел показывают археологические находки неолитических и бронзового века стоянок Якутии, обнаруживая определенные материалы для сопоставительных исследований.

Литература

Дьяченко В.И. От шкуры к коже: к вопросу о выделке сыромяти у охотников-оленоводов Восточной Сибири // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: сб. науч. ст. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2020. – С. 74–82.

Дьячков А.Е. Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове. – Магадан: Кн. изд-во, 1992. – С. 160–270.

Жукова Л.Н. Одежда юкагиров. Учебное пособие. – Якутск: Якутский край, 1996. – 146 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. В 3 ч. Ч. 2: Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 607 с.

Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы. – Якутск: Офсет, 2005. – 72 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). – СПб.: Дрофа, 2002. – 191 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. – 2-е изд. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / подгот. к печати А.А. Бурыкин. – Якутск, 2003. – 57 с.

Якутские загадки / сост., пер., вступ. статья, комм. С.П. Ойунской. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 376 с.

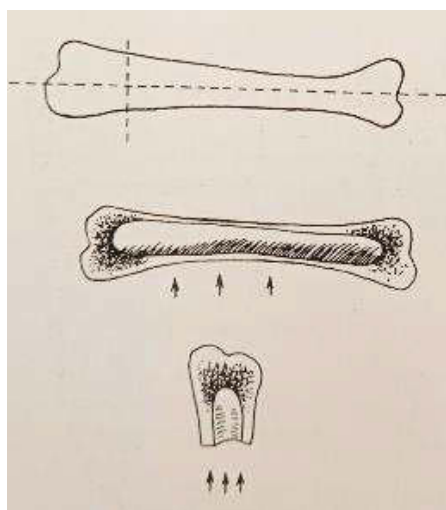

Рисунок 1. Схема изготовления *ангажи* амуна лесными юкагирами. Пунктиром показаны линии раскола кости; стрелками обозначено лезвие

❖ «ОЛЕННЫЕ ЛЮДИ» НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ: МЕНТАЛЬНОСТЬ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРЕ (К ОЦЕНКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Новые исследовательские задачи появляются у этнографов/этнологов/социальных антропологов в связи с изменениями методологической парадигмы/ориентиров в гуманитарных науках в контексте происходящих глобализационных мировых и локальных социальных процессов.

Одним из перспективных направлений сегодняшней исследовательской практики выступает историко-антропологический подход: «историческая антропология» или «история повседневности», главное отличие которой заключается в переносе фокуса исследования на изучение мотивов и стратегий поведения людей, *ментальности* людей прошлого. Поскольку образ мыслей и чувств людей минувших эпох качественно отличается от мировосприятия, свойственного нашему собственному времени, определяется материальными условиями жизни, религией и иными факторами, стало важно не просто описать действия людей, но и раскрыть глубинные мотивы этих действий. Также необходимо отметить, что важные изменения произошли и в самой методологии исследований с развитием символической антропологии.

В нашем случае представляет интерес исследовательское направление в исторической науке, которое изучает культурные особенности развития той или иной страны и общества, понимая эти явления сквозь призму человеческого восприятия – **«история ментальностей»**, что объясняется широкими возможностями научного синтеза, объединения результатов исследовательского анализа и приемов работы разных гуманитарных дисциплин – этнографии, истории, культурной географии, экологии и др.

История ментальностей (*histoire des mentalités* с фран.) – область изучения прошлого, неотъемлемая часть «новой социальной истории» как истории социально-культурной. Оформилась в самостоятельное направление в 1960-е годы сначала в западном, затем во всем европейском гуманитарном знании в рамках так называемого «историко-антропологического поворота» – интереса к человеку, его представлениям и образу жизни [История ментальностей..., 1996]. Ментальность (от лат. *mens, mentis* –

ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Как любой социальный феномен, ментальности исторически изменчивы, но изменения в них происходят очень медленно. В современном гуманитарном знании понятие ментальностей приобрело расширительный смысл и употребляется не только для обозначения тех или иных культурных стереотипов, типичных для больших социальных групп или характеристики духовной настроенности всего общества, но и для толкования образа мыслей, верований, «навыков духа» небольшой группы людей.

В классической антропологии в научный оборот термин «ментальности» был введен французским этнологом и социоантропологом Л. Леви-Брюлем (1857–1939), изучившим дологическое мышление и «коллективные представления» (или «ментальности») так называемых «примитивных народов».

Основы социально-исторического рассмотрения ментальности были заложены французской исторической школой. Именно она заставила начать скрупулезную разработку истории понятий, формирующих жизнь людей в обществе и доказывая, что их изменчивое состояние составляет неотделимую часть культуры (Л. Февр, М. Блок).

Помимо социальной психологии, сильный импульс рождению истории ментальностей дала структурная антропология, позволившая представить общество как всеобъемлющую систему отношений (Ф. Бродель). Он предложил анализировать два уровня «структур» в жизни любого общества: структуры жизни материальной и нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики – «структуры повседневности», в которых, как он полагал, «формировались ценности и символы веры человека определенной эпохи, поэтому понять мотивы поведения людей, семиотические воплощения их картины мира (образы, представления, привычки, ощущения, предугадывания и т.д.) – значит понять саму эпоху, само время, разобраться во взаимодействии разных сторон жизни общества, от бытовых деталей до политических пристрастий, от первейших материальных интересов до аналитической работы человеческого ума».

Одновременно с появлением первых исследований по «истории ментальностей» во Франции, в России шло развитие так называемой «школы семиотики» – науки о знаковых системах или тарстусской школы (Ю.А. Лотман, В.В. Иванов, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров). Выросшая из лингвистики и начавшая экспансию в иные гуманитарные науки, в т.ч. и истории, эта школа позволила сформироваться новым подходам к

исследованию прошлого, всех сфер человеческой деятельности, которые последователи этой школы предложили рассматривать как тексты и знаки, подлежащие расшифровке. Еще одно российское направление в исследовании ментальных процессов было намечено вышедшими в то же время (1960-е) работами М.М. Бахтина, показавшего перспективность изучения потаенных пластов общественного сознания, тесно связанных с повседневной жизнью людей (напр. «карнавальная смеховая культура», характерной для средневековья) и игнорировавшихся предшествующей наукой.

Идейное объединение Школы семиотики, направления М.М. Бахтина в литературоведении и наработок историков ментальностей (во Франции и, десятилетием позже, в Германии) могли бы стать прорывом в новом понимании исторической реальности. Однако «железный занавес» между СССР и Западом, жесткие идеологические и политические барьеры, отделившие российских гуманитариев от новых тенденций развития мировой науки, помешали объединению и обрекли историков в СССР на отставание, которое они пытаются преодолеть лишь в последнее десятилетие.

Круг тем и проблем «историка ментальностей» – это восприятие географической среды, отношения к природе, пространства и времени в самом широком смысле, позволяющие понять восприятие людьми того времени самой истории – ее поступательного развития или ее «круговой» повторяемости, регресса, статики, движения. Он включает также весь спектр проблем, связанных с системой верований, отношениями мира земного и мира потустороннего, восприятием и переживанием смерти, разграничением естественного и сверхъестественного, духовного и материального (Л. Пушкарев, Н. Пушкарева).

Ментальность, по мнению А.Я. Гуревича, является первой проблемой исторического исследования, «ибо любой социальный феномен надлежит рассмотреть как бы погруженным в тот повсюду разлитый эфир, который образует ментальность эпохи» [Гуревич, 1993, с. 20], ее изучение должно быть отправной точкой любого исследования.

Таким образом, именно историки французской школы «Анналов» одними из первых пришли к необходимости изучения импульсов поведения людей, их картины мира для правильного понимания хода исторических событий. Именно в антропологической школе «Анналов» проблема роли сознания человека в истории была поставлена как проблема менталитета. История с этих позиций стала

рассматриваться в координатах антропологии: с точки зрения действующего в ней и оценивающего ее человека.

Известный российский исследователь истории ментальностей А.Я. Гуревич отмечал, что французские историки под словом «*mentalité*» чаще всего понимают весь тот комплекс представлений о мире, при посредстве которого человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную картину мира хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений; в таком случае французское слово по смыслу приближается к русскому «мировидению». Исследователь менталитета стремится понять, при анализе картины мира, лежащей в основе действий людей той или иной социально-культурной общности, внутреннюю позицию этих людей, реконструировать их представителей. Смыслы человеческих деяний прошлого, которые мы стремимся постигнуть, специфичны для каждого отдельного общества и каждого периода истории. Следовательно, понять и принять их можно, лишь изучая в контексте той или иной культуры. Поэтому ментальность не может становиться проблемой любого исторического исследования. Ибо любой исторический феномен надлежит рассматривать как бы погруженным в то повсюду разлитый «эфир», который образует ментальность эпохи» [Гуревич, 1993, с. 20].

В данной работе одним из важных аспектов является изучение коммуникативной практики коренных малочисленных народов Северо-Востока, поскольку известно, что образцы символических средств коммуникации, взаимодействий и практик существенным образом различаются у разных этнических групп. По Ю.М. Лотману, «коммуникация в рамках семиотического подхода понимается в основном как движение смыслов в социальном пространстве и времени. Мир культуры неразрывно связан с областью знаков и символов как явлений объективного, «вещного» мира, явлений особого рода, которым присущи значение, смысл, ценность. Этот аспект коммуникативной культуры как средства сообщения, как носителя смыслов и значений и выступает главным предметом исследования» [Лотман, 2002, с. 154].

Использование этого подхода также дает возможность рассмотреть процессы формирования и современные интерпретации образов и символов в геокультурном пространстве Севера с точки зрения аспектов межкультурной коммуникации. В последнее время ширится понимание коммуникации не только как процессов передачи информации от одного субъекта информации к другому, но и процесса конструирования новых смыслов, интерпретаций, а также одного из механизмов создания новых форм и правил жизнедеятельности.

Актуальность работы также определяется тем, что в рамках антропологического дискурса подобные исследования еще не были проведены среди коренных малочисленных народов Северо-Востока России. Были проведены исследования лишь Международной междисциплинарной лабораторией сравнительных исследований холода, зимы, образов Севера (Университет Квебека, Монреаль, Канада) «Антропология вечной мерзлоты: ландшафт, жизнедеятельность, ритуал (на примере северных тюрков-саха)» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (2012–2014).

В рамках Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики (ИГИиПМНС СО РАН, АГИИК) – проект РНФ (2014–2016 гг.), на материалах культурных традиций народов Арктики (северных саха, коренных этносов Таймыра) обсуждается новая для отечественной гуманитарной мысли проблематика, связанная с антропологией холода. Холод выступает как многомерная экзистенциальная категория, концепт, метафора и образ-архетип, благодаря которым формируются жизненные миры человеческих сообществ и отдельных людей. Междисциплинарный дискурс позволил рассмотреть феномен холода как перспективный креативный ресурс и символический капитал развития территорий «вечной мерзлоты», формообразующую модель пространства северных городов, основу для конструирования позитивной траектории северной идентичности.

Также продолжает работу проект «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» (ИГИиПМНС СО РАН, ИМЗ им. П.И. Мельникова СО РАН, СВФУ) – проект РНФ (2019–2021), направленный на изучение эволюции значения холода в хозяйственных и социокультурных практиках сельского населения Якутии, последствий потепления климата в зимний период для существующей системы жизнеобеспечения селян, а также угроз, которые несет возникший «дефицит холода». Важнейшим результатом проекта должно стать определение на примере ряда населенных пунктов Якутии имеющих и потенциальных рисков для существующей системы жизнеобеспечения сельского населения, а также выявление возможных путей адаптации к возникающим климатическим вызовам.

В целом, исследование направлено на изучение ментального мира жителей холодных территорий Северо-Востока России (эвенов, эвенков, юкагиров, долган, чукчей), выделение особенностей их ментального пространства/ландшафта как подвижной знаковой системы на основе использования методов когнитивной

антропологии, «истории ментальностей» как неотъемлемой части «новой социальной истории», а также концепции психоментального комплекса в теории этноса С.М. Широкогорова и др. исследователей.

В ходе работы над проектом выявляется культурный код «северной» ментальности у коренных малочисленных народов Севера (эвенков, эвенков, юкагиров, долган, чукчей), изучение ментального комплекса жителей «холодного мира» в разных этноландшафтных зонах Северо-Востока РФ на основе использования методов когнитивной антропологии, «истории ментальностей» как неотъемлемой части «новой социальной истории» и подходов этнографии/этнологии/социальной антропологии; основных архетипов-образов на основе изучения мифологических сюжетов, легенд и преданий коренных малочисленных народов Северо-Востока РФ, связанных с ключевыми концептами «холод», «снег», «темнота», «вечная мерзлота», выявление геокультурных образов жителей «белого безмолвия» в сакральном и профанном пространстве народов Севера; проводится синхронный и диахронический анализ (по Д. Шартье) символически-знаковой коммуникации местных сообществ на Северо-Востоке РФ, их репрезентации о «холодном мире» как подвижной знаковой системы в антропологии коммуникации, выявление многомерных слоев дискурса; исследуется «северная» идентичности населения Северо-Востока РФ на основе применения интроспективного подхода в изучении антропологии вечной мерзлоты.

Методология исследования основана на геокультурном и цивилизационном принципах, признающих общую историческую закономерность развития всех культур. По семиотическим аспектам коммуникации существуют труды Ф. Соссюра, Э. Кассирера, Дж. Трессидера, В. Бауэра и И. Дюмотца, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Н.Б. Мечковской. В работах этих авторов коммуникация представлена как непрерывный поток информации, передающийся с помощью разнообразных знаков и знаковых систем, среди которых главная роль принадлежит языковым знакам и материальным символам. Интерпретировать коммуникацию в данном контексте значит подвергнуть дешифровке набор знаков. Все знаки, с одной стороны, специфичны для каждого этноса, с другой – являются наследием предшествующих поколений. Поэтому при их изучении необходимо обращаться к прошлому человечества, но и не сбрасывать со счетов тот факт, что современность накладывает свой отпечаток на каждый знак.

Свои подходы в изучении ментальности предлагают также современные этнологи и этнопсихологи, реконструирующие историю складывания национальных характеров и национальных культур (Э. Стефаненко). Особое место в изучении истории ментальностей занимают специалисты в области гендерных исследований и близкая к

ним феминистская историография, настаивающая на различиях мужского и женского менталитета, мужской и женской системы ценностей, способов восприятия мира, фиксации запечатлевшегося в памяти (О Хафтон, Э.Г. Дэвис, Т.де Лауретис, Д. Рейли, в России – Н.Л. Пушкарева, С.Г. Айвазова, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина).

Методология совокупности традиционной картины мира индигенных этнических сообществ была обоснована Л.П. Репиной, которая рассматривает «ментальную программу», которая включает в себя аутентичное наследие Севера, в режиме длительной временной протяженности, с учетом процесса и эффекта кросстемпоральных взаимодействий, ярко проявленную в интертекстуальной реальности интеллектуального пространства [Репина, 2015, с. 6].

Собственно концепция рассматриваемого феномена получила развернутое выражение в фундаментальной монографии «Психоментальный комплекс тунгусов» [Shirokogoroff, 1935], которая уже давно была оценена лишь как классический труд по изучению шаманизма, поскольку именно глубокое осмысление шаманистского мировоззрения, отличного от собственно религиозного, а уж тем более рационального его варианта, привело российского исследователя к созданию концепции психоментального комплекса. Концепция Широкогогорова отличалась тем, что, основываясь, прежде всего на данных языка и физической антропологии, он пытался составить некоторый психологический портрет народа.

Литература

Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискурсы, новые подходы. – М., 1989. – С. 75–89.

История ментальностей, историческая антропология: зарубеж. исслед. В обзорах и реф. / РАН, Ин-т всеобщ. Истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 1996. – 254 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб: Академический Проект, 2002. – 544 с.

Репина Л.П. Категории исторической науки и «Глобальная история человечества» М.А. Барта // Диалог со временем. – 2015. – № 53. – С. 5–15.

Shirokogoroff S. Psychomental Complex of the Tungus. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. – 469 p.

❖ КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX ВЕКЕ

Сельское русское население Якутской области сложилось к изучаемому времени во всех пяти округах Якутской области. В Якутском, Олекминском и Вилюйском округах в сельской местности исследователями отмечены локальные группы из русских крестьян («посаженные на пашню», «переселенные на ямские станки»), в эту категорию отнесены и ссыльные по религиозным статьям (скопцы и духоборы). Направляемые региональным управлением при помощи административных мер в отдаленные земли Якутской области для хозяйственного освоения территории, они явились исполнителями политики хозяйственной колонизации отдаленного региона. Их деятельность по освоению территории «под пашню» или трактового сообщения определила различия во внутреннем и внешнем управлении крестьянским обществом.

В Верхоянском и Колымском округах арктические русские старожилы (мещане), представлявшие основную часть промышленных людей, осуществляли, наряду с крестьянами, так называемую, «стихийную колонизационную экспансию» сибирского пространства. Мещанское общество арктической территории устья р. Индигирки административно было присоединено к территории малонаселенных окружных городов, несмотря на отдаление от них в сотни километров, первоначально к г. Зашиверску, после его упразднения – к г. Верхоянску, что обусловило особенности их общинного управления. Близкие к ним по хозяйственному укладу и духовной культуре казаки устья р. Колымы – походчане и р. Яны – жители Казачье, как государственные служилые люди, имели также особое самоуправление. Проживавшие в сельской местности по хозяйственным занятиям и несению податных тягот мещане и казаки, находясь в географической изоляции от социокультурной цивилизационной жизни Российской метрополии, фактически являлись сельскими жителями, решая задачи своего жизнеобеспечения в суровых условиях Якутии с большим трудом.

Для статистического определения числа русского сельского населения изучаемого периода, воспользуемся данными, приведенными Т.П. Петровой. В центральных улусах Якутской области насчитывалось «русского населения (в сельской местности) 26285 [по Переписи 1897 г.], в Верхоянском и Колымском округах три

северных крестьянских общества составляли 2259 человек. В начале XX в. в Якутии впервые появились добровольные аграрные переселенцы 2142 человек. Накануне революции ...в устьях северных рек 4 селения и 50 мелких поселений, в которых проживало около 1000 мещан» [Петрова, 2004, с. 21–22].

Как отмечается в фундаментальном труде о русском крестьянстве в Якутии Ф.Г. Сафронова, *«во второй половине XIX в. в различных концах области возникают довольно многолюдные для Якутии сектантские деревни...Количество крестьян области по сравнению с концом XVIII в. возросло в 6–7 раз... Затем на станки стали водворять поселенцев, то есть таких же ссыльных из России в Сибирь, как и переведенцев, но сосланных не прямо на станки в качестве ямщиков, а вообще на поселение в Якутскую область...На 13 станках Якутского округа в 1848 г. состоял 31 поселенец... В середине 1890-х годов по 20 почтовым станциям Якутского округа насчитывалось 385 поселенцев, а во всех русских селениях Якутского и Олекминского округов 823 поселенца»* [Сафронов, 1961, с. 138].

Т.П. Петрова заметила, что *«из-за малочисленности русского крестьянства и разбросанности их поселений общинное устройство было упрощенным..., либо простые общины, территориально совпадающие с одним населенным пунктом, либо сложные, когда в сельское общество входило несколько селений»* [Петрова, 2004]. Ф.Г. Сафронов писал, что *«...В управлении крестьянами администрация руководствовалась архаическими установлениями сенатского указа 1797 г., Сибирского учреждения 1822 г. и других законов и положений, не исключая и более ранних...это определило разнообразие порядков управления в различных местах области»* [Сафронов, 1961, с. 390]. Момент неоднородности русского населения в Сибири, осложнявший их самоорганизацию, подчеркивает сибирский исследователь Н.Г. Суворова: *«Сложный, неоднородный состав сибирской общины, наличие в ней значительного числа незащищенных слоев, слабых и с экономической, и с нравственной точки зрения, на которые не распространялись традиционные мирские ценности, снижали ее роль в качестве корпоративного гаранта выживания, социальной стабильности и защищенности населения всех без исключения членов общества»* [Суворова, 2013, с. 52].

Русское сельское население Якутской области было по своему составу неоднородным, что нашло отражение в формах их самоорганизации, при этом со стороны государственных органов Российской империи, как отмечено исследователями, управление крестьянским обществом – миром, по приведению их к единообразию не удавалось административными преобразованиями. Изучение проблемы местного самоуправления русского сельского населения Якутской области,

неоднородного по своему составу, утратившего традиционные нормы обычного права крестьянского мира Центральной России, не получившего правовой организации со стороны государственных институтов региональной власти, представляется чрезвычайно назревшим и научно интересным. Важнейшим источником рассматриваемого аспекта социально-культурной истории Якутии служат коммуникативные ресурсы. Опыт самоуправления и взаимодействия его с органами центрального управления во второй половине XIX – начале XX в., – важного периода крестьянских реформ в Российской империи, наиболее полно отражает организацию местных органов власти в Якутской области и хозяйственную повседневность сельского русского населения. В круг исследования «коммуникативных ресурсов», т.е. информационных источников, возникших в результате общения органов самоуправления и органов власти, попадут понятия «коммуникативная ситуация», под которой понимается необходимость обращения русского сельского населения к органам власти; «коммуникативное пространство» – вовлечение властных учреждений, уполномоченных разрешать ситуации при столкновении их интересов и окружающих жителей.

Так, например, в ходе административно-территориальных преобразований второй половины XVIII – начала XIX вв. в связи с упразднением статуса штатного уездного города Зашиверска, Зашиверского комиссарства в 1805 г., приписанные к нему зашиверские мещане, проживавшие в устье реки Индигирки, переживали в течение нескольких десятилетий неопределенное положение. Их пытались прикрепить к Якутскому мещанскому обществу с внесением податей в казну ратуши города Якутска. Из-за земельных споров по рыболовным пескам у устья р. Индигирки, возникших по инициативе трех родов усть-янских инородцев, обратившихся на основании землеустроительного решения Первой ясачной комиссии о приоритете земельных интересов местных народов и невозможности пресечения стеснения их со стороны русских, встал вопрос о переселении русских старожилов из селения Русское Устье. Многочисленные прошения органов самоуправления зашиверских мещан и ответы властных структур свидетельствуют о перипетиях сложного административного руководства местными органами управления. Для разрешения ситуации жители Русского Устья предлагали перевести их в усть-янские крестьяне. Г. Майдель писал: *«Только они не хотят оставаться мещанами, а желают быть сравнены с плательщиками ясака, на которых совершенно походят образом жизни»* [Майдель, 1894, с. 586–588]. Только аргументы о роли русско-устыинцев в проведении научных изысканий по арктическому побережью – помощь поставками

провизии научным экспедициям по Северу, обосновали решение властей о сохранении за ними арктических берегов и устья р. Индигирки. Позднее они были отнесены в ведомство Верхоянского окружного управления в качестве Верхоянского мещанского общества. Сложности определения их административно-территориального статуса возникли в ходе многолетнего разрешения земельного спора об отведении территории устья р. Индигирки под проживание зашиверских мещан. В Национальном архиве РС (Я) выявлено дело на 158 листах (начато в 1831 г., окончено в 1846 г.), посвященное вопросу переселения русских мещан из селения Русское Устье в селения Ожогоино и Шанское (в 170 верстах от устья реки Индигирки – 1831 г.) [Национальный Архив РС (Я), ф. 26-и, оп. 1, д. 424, л. 2.], позднее на Похвальный мыс.

В активной коммуникации по вопросу переселения между Верхоянским окружным исправником и Зашиверским до 1839 г. [Там же, л. 110], с 1840 г. Верхоянским [Там же, л. 112], мещанским обществом отложилось большое количество документов: Донесения старост мещанского общества (Иван Чикачев, Петр Воронцов [Там же, л. 46], 1831 г. – Егор Иванов (прим. мое – Иванович) Чикачев [Там же, л. 20, об.], 1834 г. – Григорий Шкулев [Там же, л. 58], 1836 г. – Иван Чикачев [Там же, л. 67], 1838 г. – Петр Рожин [Там же, л. 83], 1840 г. – Ларион Портнягин [Там же, л. 113], 1843 г. – Петр Воронцов [Там же, л. 132], 1845 г. – Лазарь Стрюков [Там же, л. 149]). Согласия общественного собрания мещан, подписанные пофамильно.

Документы, исходящие от крестьянских обществ Центральной Якутии, представляют собой общественные приговоры, прошения общественные и личные, основная масса которых возникла по земельному вопросу.

Таким образом, коммуникативные ресурсы чрезвычайно информативны и показательны в отношении составления социального портрета сельского русского населения рассматриваемого периода. Сложность системы жизнеобеспечения в арктических условиях сказывалась на общественном характере коммуникаций с властными структурами.

Немаловажными факторами были географическая отдаленность и невозможность личных контактов с представителями власти и управления.

Большое количество приговоров общественных сходов, личных прошений крестьян сельских обществ центральных и южных улусов Якутского и Олекминского округов являются показателем оживленной и активной коммуникации с органами власти и управления не только местного уровня, но губернского и имперского представительства. Коммуникативные ситуации возникали в большинстве своем по земельным спорам, но не ограничивались только этой сферой – их предметом

становились организация сельского внутреннего управления, церковно-приходских школ, организация и проведение торгов на подряды, наследственные дела, отчеты по происшествиям внутри общества и многое другое, что демонстрирует отличный социальный портрет сельского русского жителя Якутии.

Архивные материалы

Дело о порядке и переселении зашиверских мещан из с. Русское Устье в г. Ожогинск. 01.01.1831–31.12.1846 // Национальный архив РС (Я). Ф. 26-и. Оп. 1. Д. 424. – 158 л.

Литература

Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. барона Гергарда Майделя /пер.с нем. В.Л. Бианки. Т. 1. – СПб., 1894. – 599 с.

Петрова Т.П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Сборник научных трудов. – Якутск: Изд-во СО РАН Якутский филиал, 2004. 199 с. – С. 21–22.

Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1961. – 496 с.

Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в колонизируемом пространстве Сибири. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №5 (25). – С. 52–58.

Соловьев А.В.^{1,2}, Борисова Т.В.², Чердонова А.М.², Никитина С.Е.¹, Барашков Н.А.³,

Васильева О.В.¹, Алексеев А.Н.¹, Федорова С.А.²

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН¹

Якутск, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова²

Якутск, Якутский научный центр комплексных медицинских проблем³

❖ АНАЛИЗ ЛИНИЙ Y-ХРОМОСОМЫ У РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ АРКТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЯКУТИИ

Население побережья Северного Ледовитого океана в Восточной Сибири (Россия) представлено мультикультурным конгломератом народов различного происхождения: палеоазиатских (чукчи), уральских (юкагиры), тунгусских (эвенки, эвены), тюркских (якуты, долганы) и славянских (русские землепроходцы),

заселявших эту территорию в различные исторические периоды. Однако среди современных арктических популяций все еще есть «белые пятна», такие как жители небольшого поселка «Русское Устье», которые до сих пор не изучены досконально. Основное население – это так называемые русские старожилы, русскоустыинцы [Плужников, 2019]. Они традиционно разделяют свои родословные на три группы по времени заселения [Там же]. Первая – «поморы», по преданиям считаются потомками первых европейских колонистов эпохи географических открытий, заселивших восточные берега Северного Ледовитого океана в XVI веке до включения этой территории в состав Российской империи в начале XVII века [Чикачев, 1990]. Вторыми являются «казаки», достигшие Арктики во время освоения Сибири [Алексеев, 1996]. И последние – «зашиверские», прибывшие после упразднения родного города. Чтобы проверить эти гипотезы, мы проанализировали современное разнообразие фамилий на основе информации о 62 индивидах из 36 анкет. Провели генетический анализ Y-хромосомы для определения гаплогрупп по отцовской линии у 12 коренных жителей села Русское Устье. Анализ фамильного разнообразия показал, что «поморские» линии представлены в 5 семьях (43,5%), «казацьи» – в одной семье (6,5%), а «зашиверские» – в 37,1% семей. Большинство поморских родословных поддерживают гипотезу о заселении Русского Устья русскими, которые впервые приплыли туда по Северному Ледовитому океану. Отцовские линии русских старожилов арктического побережья Якутии (75%) представлены преимущественно гаплогруппами Y-хромосомы (R1aR1b, N3a4), распространенными в европейской части континента. При этом, выявлено абсолютное доминирование одной отцовской линии Y-хромосомы – N3a4 (~58,5%), которая больше характерна для финно-язычных народов (карелы, вепсы, эстонцы) и некоторых славянских популяций Русского Севера (Архангельская и Вологодская области РФ). Среди местных мужчин с линией N3a4 Y-хромосомы выявлено 85,7% носителей «досельных» фамилий поморского происхождения. В целом, полученные результаты не противоречат устным преданиям жителей села Русское Устье и указывают на вероятность версии, что село было основано русскими поморами, попавшими сюда Северным морским путем до официального периода восточносибирской колонизации (XVI век).

Работа выполнена в рамках государственного проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FSRG-2020-0016) и при поддержке гранта РФФИ № 19-34-60023_Перспектива.

Литература

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. – Новосибирск, 1996. – С. 152.

Плужников Н.В. Этнография материальной и духовной культуры русских старожилов Русского Устья // Русские арктические старожилы Якутии: сб. науч. ст. – 2019. – С. 97–122.

Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: Историко-географический очерк. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. – 1990. – С. 23–24.

Тихонов С.С.

Омск, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН

❖ ПРЕДАНИЯ О МОГИЛЕ ХАНА КУЧУМА (К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ ПРЕДАНИЙ И ГЛУБИНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

Введение. Как известно, дописьменная история народов Северной Азии создана отечественными учеными на базе археологических материалов. При этом очевидно, что хронологическая глубина исследований зависела от древности археологических памятников. Достоверность же результатов работ верифицировалась с помощью данных этнографии, фольклора, или иных сведений об истории, материальной и духовной культуре коренных народов, которые начали фиксировать первопроходцы с XVII, а ученые – только с XVIII века. Использование исследователями сведений смежных наук придавало археологическим данным комплексность и видимость полноты. Конечно, этот простой и отчасти эффективный метод интерпретации археологических источников широко распространен и поныне. Но в нем кроется пока не до конца решенная методологическая проблема: насколько верно и полно отражают этнографические и прочие данные намного более ранние эпохи? Это положение можно сформулировать и по-другому: можно ли соотносить данные XVIII века, или даже XVII, собранные в обществах, ведущих традиционный образ жизни, с реалиями хотя бы I тысячелетия?

Проблема. В ходе изучения этнографо-археологических комплексов народов Западной Сибири и смежных территорий: преимущественно сибирских татар, русских сибиряков, отчасти казахов, хантов, манси, селькупов [Жук, Тихонов, Томилов, 2009, с. 79–125] метод археолого-этнографических сопоставлений в совокупности с анализом данных смежных наук широко использовался [Культура населения..., 2005]. В методологическом плане это было оправдано возможностью приведения широких аналогий и существования так называемых, «универсалий», т.е. феноменов культуры, существовавших и существующих в любое время и на любой территории [Жук, Тихонов, Томилов, 2009, с. 111–114]. Однако при проведении исследований на небольшой территории, например, в пределах Тарской крепости, основанной в 1594 году (ныне г. Тара – районный центр в Омской области) [Тихонов, 2015, с. 409–410; Археологическая летопись ..., 2019] такой подход показался нам методологически неверным. Впервые автор отчетливо пришел к мнению о целесообразности использования «широких» и «узких» аналогий при изучении этнографо-археологических комплексов русских старожилов Среднего Притомья в районе от устья р. Мунгат до устья р. Уньга (левые притоки реки Томи в современном Крапивинском районе Кемеровской области) [Тихонов, 2013, с. 133–136]. Хотя, конечно, я высказывался по этому поводу в более ранних работах, и в кулуарных беседах. Подробный анализ проблемы сопоставления материалов археологии и этнографии, преимущественно по европейским материалам, провел Л.С. Клейн [Клейн, 1998, с. 29–66].

Источник. Среди старожилов Среднего Притомья устойчиво (как минимум с 1860-ых годов) существует предание, первый раз записанное в 1860 году томским чиновником, мелким золотопромышленником и литератором Ф.С. Голубевым от жителя д. Аил А.Д. Молькова (крещеного ясашиного татарина) [Голубев, 1891, с. 3], что на вершине Абатовой горы, расположенной в верховьях рек Кучуманда и Улуманда (правые притоки р. Тайдон, правого притока Томи на восточных склонах Кузнецкого Алатау в Крапивинском районе Кемеровской области) был похоронен хан Кучум*. Он уходил в Монголию после неудачной битвы на реке Ирмень. Во время перехода он заболел, умер и был похоронен в указанном месте. В могилу было положено большое количество золотых изделий. В ходе проведения погребального обряда его дочь Улуна, которую предполагалось похоронить вместе с отцом, попросила перед смертью

*Предание, которое я излагаю, в разных вариантах известно мне с детских лет. Его неоднократно мне рассказывали старшие родственники и их сверстники рождения 1880–1930-ых годов, проживавшие в д. Крапивино, а также в соседних деревнях Поперечка, Змеинка, Фомиха и других. Мне неизвестны работы коллег, где бы был проведен анализ этого предания.

разрешения прокатиться на коне. Однако, она обманула сородичей и уехала, вниз по течению Томи. Во время ее переправы через Томь началась гроза, и там, где ее конь вышел на берег, она построила часовню. Сейчас это место называется Займище. Оно располагается на северной окраине поселка Крапивинский на том месте, где был заложен Мунгатский острог. По преданиям, до революции старики из родов Романовых и Сиротинкиных «сидели» за могилой, ставили там свечи. Это основная канва предания [Тихонов, 2019, с. 132–135; Тихонов, 2020, с. 21–25], существовавшая во второй половине XIX - начале XX веков. В середине 1950-ых годов варианты предания были обобщены учителем Крапивинской школы Н.Д. Конёвым, и его записи стали «классическими». Есть краткие публикации предания [Живем Крапивинской судьбою, 2004, с. 29–30; Мифы и легенды Кузбасса, 2018, с. 48–50]. Однако, в конце XX века в деревне Тараданово (верховья р. Южная Уньга – правый приток р. Уньга) и Медвежка на Тайдоне в Крапивинской районе Кемеровской области были отмечены новые варианты предания.

Интерпретация. Естественно, что время происхождения предания – *terminus post quem* – не может быть раньше смерти хана Кучума, т.е. самого начала XVII века, когда ханом был объявлен его сын Алей. Но полагаю, что это произошло значительно позже. Такое предположение позволяют сделать два факта. Первый – предание локально, и существует в челдонских деревнях, основанных в первые десятилетия XVIII века на незаселенных землях на границе Кузнецкого и Томского дистриктов, крестьянами, отселившимися от Кузнецкой крепости [Тихонов, 2013], т.е. не знавшими местных реалий. Их южными соседями были немногочисленные тьюльберы. Второе – в предании форманты «Кучу-» и «Улу-» антропоморфизированы и трактуются как имена исторических лиц. На самом деле это слегка искаженные слова «малый» и «большой». Они хорошо объяснимы из языка бачатских телеутов, и имеют аналогии в других тюркских языках. Т.е. люди, транслировавшие предания уже не понимали этого языка. Скорее всего, речь может идти об обрусевших тьюльберах, и потомках их смешанных с русскими браков. Из семейных преданий некоторых жителей деревень Крапивино и Поперечки мне известно, что они ведут происхождение от татар/ясашных/тьюльберов, т.е. от дорусского населения изучаемого района. Смердины – жители д. Поперечка – по женской линии считают себя потомками самого хана Кучума. Кроме того, один из кланов крестьян д. Крапивино – Худяшовы – имел прозвище «карагуш» - черная птица. Так же в этих местах когда-то называли орлов. Процесс этнической миксации челдонов и тьюльберов проходил в XVIII–XIX веках. Возможно, тогда и возникло предание.

Наконец, ни один письменный источник не указывал Абатову гору в качестве места погребения хана Кучума.

Предание исторически недостоверно, но зато хорошо соотносится с географической ситуацией: так, реальна дорога, по которой якобы прошел хан Кучум. Она начинается от устья Ини (правый приток Оби) и идет до ее истока на горе Елбак на Салаирском кряже. Оттуда можно вниз по течению Мунгата дойти до его устья, а затем выйти к дороге по Тайдону на верхние притоки реки Кия (бассейн р. Чулым). Возможно, именно по этому пути прасолы гоняли скот из Западной Сибири на золотые прииски в Якутии. По Мунгату через Салаирский кряж крестьяне Борисовской волости Червенского уезда Томской губернии ездили в Алтайский край (с выходом в него примерно в районе Заринска на р. Чумыш – правый приток Оби) для продажи точил, жерновов и покупки зерна. Возможно, этим же путем на Мунгат и Томь пришли алтайские крестьяне, убегавшие от раскулачивания в начале 1930-ых годов. Реальна и дорога от Абатовой горы по правому берегу Томи с переправой на Мунгатском плесе напротив устья р. Быструха, и выходом к месту расположения Мунгатского острога.

Заключение. Недостоверное с исторической точки зрения предание о могиле хана Кучума, возможно возникло в среде небольшой группы челдонов, проживавших в среднем течении Томи, в состав которых вошли тюльберы – дорусские насельники этого края. Необходимость появления предания может быть связана с идеологическим обоснованием приоритета этих жителей в освоении территории, и толкования географических реалий.

Изучение предания позволяет уточнить представления о глубине исторической памяти народа. До сих пор я предполагал, что максимальная достоверность преданий сохраняется в пределах трех, отчасти четырех поколений [Тихонов, 2015, с. 409–410; Тихонов, 2012, с. 133–138]. Но, возможно, что в некоторых случаях, связанных со значимыми не только для информатора событиями или персонами, глубина исторической памяти может быть увеличена.

Предание локально и имеет небольшую хронологическую глубину. Это позволяет в дальнейшем скорректировать процедуру использования «широких» и «узких» аналогий примерно в таком аспекте: широкие – для исторических феноменов, имеющих большое распространение и большую хронологическую глубину. Узкие – для локальных явлений и событий, произошедших относительно недавно.

Литература

Археологическая летопись земли Тарской / С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2019. – 412 с.

Голубев Ф. Могила Кучума // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. – № 139 от 1 декабря 1891. – С. 3.

Живем Крапивинской судьбою. Очерки истории Крапивинского района: сборник – Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. – 480 с.

Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума: сб. науч. тр. – Омск: Изд. дом «Наука», 2009. Т. 11. – С. 79–125.

Клейн Л.С. Археология и этнография: проблемы сопоставления // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, Сиб. Предприятие РАН, 1998. – Т. 3. – С. 29–66.

Культура населения XVI-XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов, К.Н. Тихомиров, М.А. Корусенко, Е.Ю. Смирнова; отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005. – 268 с.

Мифы и легенды Кузбасса: сборник / сост. Т.Н. Зорина; под ред. И.А. Баталовой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2018. – 104 с.

Тихонов С.С. Художник В.Д. Вучечевич-Сибирский и глубина исторической памяти народа // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: сб. науч. тр. – № 17. – Омск: ОГИК-Музей, 2012. – С. 133–138.

Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2013. – № 3 (97). – С. 133–136.

Тихонов С.С. К вопросу о микропонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения: сб. науч. тр. – Омск: ОГИК музей, 2015. – С. 409–410.

Тихонов С.С. Легенды о могиле Кучума в Мартайге // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во ОГУ, 2019. – С. 132–135.

Тихонов С.С. Исторические предания тюльберов Среднего Притомья в культуре русских старожилов // Народная культура Сибири: сб. науч. тр. – Омск, Изд-во ОмГПУ, 2020. – С. 21–25.

❖ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ДАУРОВ С ДРУГИМИ ЭТНОСАМИ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ МАТЕРИАЛАМ)*

Историческое развитие дауров, как и любого другого этноса, шло в непрерывном этнокультурном взаимодействии с народами Приамурья и сопредельных территорий. В настоящей работе мы решили рассмотреть прежде всего фольклорные материалы, показывающие былые этнические и культурные контакты дауров или вероятность таких взаимоотношений. Исключением в работе являются дауро-маньчжурские и дауро-китайские взаимоотношения, изученные нами ранее. Эти контакты, несомненно, сыграли важную роль в появлении языковых и культурных особенностей дауров, существенно разграничивающих их от собственно монгольских народов. Нами был сделан вывод, что дауры в наибольшей степени подверглись маньчжурскому и китайскому влиянию [Цыбенков, 2020, с. 46]. С другой стороны, они, очевидно, имели контакты не только с южными соседями, но и с народами, населяющими Северную Евразию. Так, о вероятности дауро-якутских контактов писали якутские исследователи Р.И. Бравина, В.В. Ушницкий; связь даурского рода алдан с одноименной рекой на территории Республики Саха-Якутия отмечена и в наших исследованиях. Изучение дауро-якутских контактов можно дополнить фольклорными материалами. В областном музее г. Благовещенск нами обнаружена рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» (Амурская легенда) [Областной..., ф. 956, оп. 1, д. 78, лл. 101–102]. В ней в стихотворной форме говорится о происхождении кургана Шапка, проводится сравнение даурского князя с орлом, а его детей с орлятами. Дауры почитают орла, считают его спасителем народа. Огромный тотемный столб с фигурой позолоченного орла наверху воздвигнут рядом с даурским национальным музеем в даурском автономном хошуне Морин-Дава Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии. Почитание орла, как известно, характерно и для якутов. Верховные божества якутов Юрюнг Айыы тойон и Хомпоруун Хотой Айыы (Сюнг Хаан) воплощаются в образах орлов. В рукописи «Шапка-гора» даурский правитель назван тойоном, что нехарактерно для даурского языка. Слово «тойон», конечно же, является

*Исследование проведено в рамках проекта РФФИ, № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Номер госрегистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7

устойчивым и давним термином в якутском языке. Таким образом, амурской легенде под названием «Шапка-гора», анонимный автор объединил даурские и якутские мотивы. Можно предположить, что автором мог быть человек, ранее проживавший на территории Якутии, затем перебравшийся в Приамурье. Так или иначе, наличие подобной легенды дает нам пищу для дальнейших размышлений. Они подогреваются следующими фактами, приводимыми якутскими учеными: относительной территориальной близостью земель дауров и якутов – Амыр (Амурский край), находящийся за территорией Усть-Майского района, был известен якутам; наличием у них «догур хамса» (даурской курительной трубки); случаями бегства якутов Алдано-Ленского междуречья «на Дауры» и «в Китайскую сторону» [Бравина, 2018, с. 125–127]. В то же время якутские историки указывают на возможность межэтнических контактов якутских родов с даурами и старыми баргутами – одной из монгольских групп в XIV-XVII вв. [Ушницкий, 2015, с. 40–41]. Как показывают их исследования, монгольские роды могли заселять земли центральных, вилюйских и северных районов Якутии [Бравина, 2017, с. 49–54]. В целом, вопрос появления в Якутии монгольских и даурских родов и их вероятной интеграции в якутское общество остается сложной проблемой этнической истории якутского народа.

Дауры, как известно, относятся к монголоязычным народам, чем, к примеру, отличаются от бурят и калмыков, входящих в состав монгольских народов. Им неизвестен культ Чингисхана и чингизидов. В то же время в даурском фольклоре имеют место сюжеты, похожие на описание трудного детства Тэмучжина (будущего Чингисхана). Например, в даурской сказке «Апкати Мэргэн» герой вырастает с матерью в лесу и питается в детстве одними дикими травами и грибами. Похожий сюжет, связанный с растительной пищей и острой нуждой, имеет место и в «Сокровенном сказании монголов», когда «Оэлун-эхэ бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи...копала коренья судуна и кичигина и кормила...черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства...корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми [Сокровенное, 1990, с. 24]. Апкати Мэргэн уже в три года начал один играть в лесу, в пять-шесть лет помогал матери – приносил воду, умел зажечь огонь в очаге; взяв лук и стрелы, сделанные матерью, не боясь волка и барса, отправлялся на охоту на птиц и возвращался домой, настреляв полный подол жаворонков. В десять лет уже стрелял «в летящих в небе гусей и бегущих по земле зайцев». Темучжин в детстве также стрелял в жаворонков, ловил рыбу удочками и сетью-неводом [Там же]. Несмотря на сходство фольклорных сюжетов, дауры и монголы, очевидно, уже тогда, в

XII-XIII вв. были разными народами. В то же время основа языка и культуры дауров оставалась общемонгольской. Существует одна легенда, по которой дауры, входившие в состав лесных народов Приамурья, не подчинились Чингисхану. Добравшись со своим войском до р. Амур, он сказал: «Tedener dalun-dayan nūke-tei dayur mün üü? Tedener morin-dayan kečegü, qarbuju namnaqu-dayan mergen tula jebseg-yier darungyuyilaju bolqu ügei, qarın uran üge-ber oroγulun abču biden-dü kücü ergügülekü keregtei» (Действительно, ли они – дауры с дырами в лопатках? [*иносказ.* имеются в виду чуткость, осторожность дауров. Возможен и другой перевод: дауры, скрывающие яму, т.е. яму-ловушку. – Б.Ц.]. Поскольку они хорошие всадники, метко стреляют и преследуют, нельзя их покорять силою оружия, нужно их привлечь к себе искусной речью) [Morindabayа, 1988, с. 19; Цыбенков, 2012, с. 22]. Здесь мы видим противопоставление дауров монголам. Однако так было не всегда. В период национально-освободительного движения монголов в первой четверти XX в. даурские деятели Мэрсэ, Алтангат и др. пытались создать новый этноним «дагур-монгол», указывающий, по их мнению, на близость дауров к монгольскому миру. В тот период были распространены песни, в которых использовался термин «дагур-монгол».

Монгольским по своему происхождению считалось даурское божество Джияч-баркан (даур. яз. «судьба», «удача»). Некоторые дауры Хулун-Буира называли его Джун, а айгунские дауры именовали его Нуо-баркан (Божество в углу), поскольку его изображение обычно висело в северо-западном углу дома. Это божество являлось покровителем домашнего скота и даровало богатство и благоденствие, как людям, так и животным. Оно почиталось всеми даурскими родами [Цыбенков, 2012, с. 169]. Примечательно, что согласно легенде, божество скотоводства передали даурам монголы. Можно предположить, что она отражает ситуацию, сложившуюся еще в период средневековья. Дауры считаются древним земледельческим народом, о чем отчетливо свидетельствует их развитая терминология. С другой стороны, скотоводческие термины у них развиты слабо, например, верблюжонок на даурском языке звучит как «тэвээ кэку» (досл. детёныш верблюда), в отличие от тюрко-монгольского ботго (бото). Слабое развитие скотоводческой лексики у дауров компенсируется богатой и широко разветвленной охотничьей и рыболовецкой терминологией. Большой частью она восходит к тунгусо-маньчжурским языкам и указывает на тесные этнокультурные связи между эвенками и даурами. В одной из легенд айгунских дауров говорится, что в далеком прошлом дауры, эвенки-орочоны и монголы в течение долгого периода времени были соседями и уживались вместе подобно братьям. Позже они разделились и обменивались божествами (*баркан*) в знак

дружбы. Эвенки-орочоны передали даурам Малуо-баркана, а монголы – Нуо-баркана. Дауры, в свою очередь, передали Нуо-баркана эвенкам-орочонам [Stuart, 1994; Цыбенков, 2012, с. 150–151]. Между даурами и эвенками существовали длительные этнокультурные связи, сохраняющиеся и по сей день. По мнению бурятского этнографа Б.З. Нанзатова, нерчинские хамниганы – одна из групп эвенкийского населения Восточного Забайкалья – состоят из потомков даурского, эвенкийского и возможно, маньчжурского населения [2006, с. 135, 145–146]. Дауры и эвенки, проживающие в даурском автономном хошуне Морин-Дава, вместе проводят традиционные обряды почитания местных божеств. Так, в середине XX в. на горе Нирги рядом с р. Нонни (даур. яз. «Наун») дауры и эвенки местности Бутха совершили обряд почитания *обо* и принесли в жертву одну корову, одну овцу, 45 бутылок бутхаской водки, сладости. *Багачи* (исполнитель обрядов) 80-летний Аола Сучан совершил традиционный обряд обращения к божествам, в котором приняли участие 8 дауров и 1 эвенк. Обряд начинался со слов: «Эвээ Тэнгэр баркан, Ачаа Тэнгэр баркан, Обоо Эндур-баркан, пожалуйста, внимательно выслушайте! В этот день мы, дауры и эвенки местности Бутха, возжигаем курительные палочки, принося в жертву корову, почитаем вас» [Dawuer, 2002, с. 1162].

Первые контакты дауров с русскими первопроходцами, состоявшиеся в середине XVII в., за некоторыми исключениями, были не самыми приятными. Борьба дауров с отрядами В.Д. Пояркова и Е.П. Хабарова, прибывшими на Амур из Якутска, завершилась большими людскими потерями, сожжением даурских городков и последующим переселением даурского населения с территории Приамурья в долину р. Нонни, в Северо-Западную Маньчжурию. В даурском фольклоре встречается упоминание особых демонов – мангусов, называемых «елдэнгэр». По всей видимости, они являются мифологическим отражением русских первопроходцев. Например, в даурской сказке «Ангар-мэргэн» говорится о пришествии в даурские земли девятиголовых «елдэнгэр» с далекой западной стороны. У них были кудрявые красные волосы, стоящие дыбом; большой нос; три глубоко посаженных синих глаза, подобных волчьим глазам; начиная от шеи и ушей до рук-ног, росли длинные желтые волосы. Они вырвали сердца у двух даурских охотников и съели [Angyag Mergen, 1983, с. 11–16]. Эти фольклорные материалы согласуются с данными похода В.Д. Пояркова 1643 г., когда в период длительной осады на р. Зее наблюдались случаи каннибализма среди казаков. И приамурские народы, называя их «погаными людоедами», не подпускали к берегам рек [Артемьев, 1998, с. 15–16]. Несмотря на то, что первые контакты дауров и русских ознаменовались противоборством, в последующем дауро-русское взаимодействие

стало дружественным и мирным. Многие дауры, испытав разные невзгоды в Цинском государстве, стремились уйти в российские пределы.

Дауро-бурятские фольклорные параллели прослеживаются в даурском предании о Саджигалди-хане и бурятском эпосе «Гэсэр». Слово «саджига» на даурском языке означает «сорока». Похожее имя «хан Шаазгай Баян», где «шаазгай» - сорока, встречается в бурятском героическом эпосе «Гэсэр», разные варианты которого записаны в Приангарье, у берегов Байкала от сказителей-улигершинов. Впервые имя хана Шаазгай Баяна упоминается во время встречи сопляка Нюргая (будущего Гэсэра) с Алтан Шагай мэргэном, который говорит, что собирается ехать к хану Шаазгай Баяну сосватать его дочь Урмай Гоохон [Гэсэр, 1986, с. 133]. Далее из других моментов, где упоминается имя хана Шаазгай Баяна, можно отметить краткое описание его дворца, лицезрение Нюргая, проводы дочери в дорогу [Там же, с. 135, 142]. На наш взгляд, кроме схожести имен Саджигалди-хан и хан Шаазгай Баян, в текстах легенды и эпоса более не обнаруживается сходных моментов. Поэтому возникает вопрос, связаны ли эти имена ханов между собой или же их появление никак не связано друг с другом и в целом речь можно вести о простом совпадении личных имен? Мы склоняемся к простому совпадению имен, однако разрешить проблему поможет лишь дальнейшее сравнительное изучение фольклора монгольских и монголоязычных народов.

Даурский фольклор в мифологизированном виде сохранил многие моменты из истории этнокультурных контактов дауров как с соседними этносами, так и с проживавшими на более отдаленных сопредельных территориях. Контакты дауров с эвенками, монголами и русскими, имеющие реальную историческую основу, более ясно очерчены в фольклорных материалах. О взаимодействии дауров с якутами и бурятами говорить пока рано, можно строить предположения.

Архивные материалы

Областной музей г. Благовещенск, ф. 956, оп. 1, д. 78, 102 л.

Литература

Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (историко-археологические исследования): сб. науч. тр. Т.3. – Владивосток, 1998. – С. 6–43.

Бравина Р.И. «Путь Омогоя»: якутские этнонимы монгольского происхождения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. - № 4 (21). – С. 48–58.

Бравина Р.И. Хоролоры и приамурский пласт в этнокультурогенезе якутов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 121–130.

Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1986. – 288 с.

Нанзатов Б.З. Особенности формирования полиэтнической этнотерриториальной группы на примере Урульгинской степной думы (феномен взаимодействия дагуров, монголов, эвенков и бурят) // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности: сб. ст. Т. I. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – С. 134–146.

Сокровенное сказание монголов / пер. Ч.Р. Намжилова, С.А. Козина. – Улан-Удэ, 1990. – 318 с.

Ушницкий В.В. Экспедиция во Внутреннюю Монголию 2013 г. // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – № 3 (4). – С. 40–41.

Цыбенков Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 252 с.

Цыбенков Б.Д. К изучению маньчжурского и китайского влияния на культуру дауров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2020. – № 3 (39). – С. 39–48.

Angyar Mergen // Dayur arad-un aman üliġer / Meng Ji Düng. - Öbür Mongyol-un mongyol biġig keblekü üyiledbüri keblebe, 1983. – С. 11-23.

Dawuer ziliao ji. Di sanji. Daor bitegei horiewu debtlien / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. - Beijing: minzu chubanshe, 2002. 6. – 1180 с.

Morindabaya dayur üндүсүтен-ү öbürtegen jasaqu qoŷiyun-u toyimu bayidal / nayirayulun biġikü duyuyilang nayirayulba. Jamsu, Bürinsayin orġiyulba. Erdenijab orġiyulya-yi qinaba. - Kükęqota: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988. – 269 с.

Stuart K., Li Xuewei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. – Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.

Прокопьева П.Е.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ ВРЕМЯ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ

Время древних, или старинных, людей является одним из важнейших жанрообразующих признаков несказочной повествовательной традиции лесных юкагиров (лесные юкагиры – этнолингвистическая локальная группа юкагиров, проживающая на Верхней Колыме).

К несказочной прозе лесных юкагиров относятся все достоверные, с точки зрения носителей фольклора, повествования, именуемые *ньиздьил* 'рассказ', которые

включают исторические предания о межплеменной борьбе, рассказы и предания о шаманах, рассказы, связанные с промысловой деятельностью, бытовые рассказы, мифы и мифологические сказки о животных.

Время древних людей в фольклоре – неопределенное, в общих чертах указывающее на весьма отдаленное прошлое, как мифологическое, так и действительное историческое. Как видно из определения времени, особенность рассказов состоит в приуроченности описываемых в них событий к периоду жития предков.

Эпоха древних людей – *чуольэд омни параагэ* ‘во времена древних людей’/*чуольэд омниигэ* ‘у древних людей’, часто обозначается в инициальной формуле несказочных повествований: *Нунгэдэн ангильгэ иркин чомоодьэ алмэк льэльэл чуөлэ омни параагэ* ‘Во времена древних людей в устье реки Рассохи жил один большой шаман’ [Фольклор юкагиров..., 1989, текст № 47]; *Чуольэд омниигэ Чахадангэ одупэ ханаанунги* ‘В древние времена (букв.: ‘у древних людей’) на Ясачной юкагиры кочевали’ [Прокопьева, 2018, с. 238]; *Тудаа чуольэд омниигэ параагэ ньатньууйаа унун йамул лаафэт мадаанульэл* ‘Давно, во времена древних людей налим в верховьях реки жил’ [Там же, с. 273–274].

Отсылка ко времени предков не всегда формульна, упоминание о древних людях нередко содержится в экспозиции рассказов: *Чуолэд омни ньаанчиинунунги ньэкудэдэнгин* ‘Древние люди всегда искали врагов, чтобы убить их’ [Иохельсон, 2005б, с. 367–373]; *Мит чуолэд-омни ньэйинунги* ‘Наши древние люди друг в друга стреляли’ [Он же, 2005а, текст № 58], *Мит чуолэд-омни нульэдьэнгонунунги* «Наши древние люди многочисленные были» [Там же, текст № 32].

Установка на восприятие преданий как рассказов, идущих со времен «древних людей», заключается и в концовках: *Мэт хаха пундумлэбонгичуолэд омни наньэдьогэлэтэндильэл мэт чомодьэлнгин пундумэ* «Это вот древних людей предание, моим дедом рассказанное, (которое) моему начальнику (или господину) рассказал» [Там же, текст № 33].

Понятие древнего времени находит в повествованиях и иное отображение. Так, хронологические рамки могут быть определены временем легендарных личностей, какими, например, являются юкагирские богатыри древности. В предании о славном охотнике Атиляхане говорится, что он являлся наставником многих богатырей, в числе которых был известный Халандил (Халаджил) [Шалугин, 2014, с. 28]. Фольклорное время древних людей выражается и в лаконичных простых названиях историй,

данных, по всей видимости, исполнителями устного народного творчества: «древнее предание», «древнее сказание» [Иохельсон, 2005а, тексты № 32, 52, 56].

Вербализация времени древних людей в сказочной прозе не только очерчивает временное пространство рисуемого, но и, что важно, устанавливает содержательное направление таких повествований, основной чертой которых является сакральность. Назначение сказочных нарративов – трансляция традиционного мировоззрения, научение через опыт предков, предостережение от ошибок. К примеру, в исторических преданиях о межплеменной борьбе посредством изображения моральных качеств и невероятных физических возможностей воинов, самоотверженно защищающих свой род, актуализирован дидактический аспект. Юкагирские воины руководствуются нравственными ориентирами, обусловленными культом высшего божества Солнца, ограничивая количество жертв военных конфликтов, склоняясь к примирению с врагом. Рассказы и предания о шаманах укрепляют представления о магической силе шамана, воссоздают и утверждают традиционные воззрения на устройство и организацию мира, способствуя, таким образом, передаче духовных знаний. В основе промыслового фольклора лежат традиционные представления об окружающей среде, вера в существование Хозяев природы. Промысловые рассказы нацелены на передачу охотничьих норм и правил, от соблюдения которых зависит жизнь рода. В бытовых рассказах отразились верования, согласно которым мифические силы сосуществуют рядом с людьми и способны воздействовать на их жизнь. Поучительность таких историй состоит в том, что они осуждают людские пороки, акцентируют положительные качества человека, предостерегают от ошибок, приводящих к трагическим последствиям. Содержание мифов и мифологических сказок юкагиров соотнобразовывается со словами «возникновение», «рождение» «происхождение», «приобретение», «перевоплощение»: возникает земля, лунные пятна, снег, рождаются люди, животные приобретают свои отличительные свойства, природные явления происходят в результате превращений людей и т.д. Этиологические мифы о животных, рисуя образы нарушителей общественного порядка, показывают необходимость сосуществования в мире и согласии [Прокопьева, 2018].

Актуализация традиционных религиозных верований, назидательность и наставительность в сказочном фольклоре лесных юкагиров связаны со временем древних людей не случайно. Юкагиры, как и другие коренные малочисленные народы Севера, являются носителями так называемого традиционного типа культуры. Под понятием «традиционная культура» в этнологии понимаются общества, в которых «господствуют обычаи и передаваемые из поколения в поколение традиции» [Садохин,

Грушевицкая, 2001, с. 221]. Жизнедеятельность народов традиционной культуры направлена на единение с природным миром, трансляцию опыта взаимодействия с ним, унаследованного от предков.

В юкагирской традиционной культуре культ предков нашел отражение в разнообразных формах. Так, в древности у юкагиров существовал культ шаманов-предков, феноменом которого явилось почитание мяса и костей умершего шамана, высушенных посредством специального обряда. Объектом поклонения служила фигура с черепом шамана, насаженным на ствол дерева, которую называли *хойл*. С помощью фигуры ворожили по поводу предпринимаемых поездок, охоты, военных походов [Иохельсон, 2005б, с. 237]. Исследователь культуры юкагиров конца XIX – начала XX в. В.И. Иохельсон записал шаманские камлания [2005а, тексты № 38, 39], которые начинаются с призыва предков, духов-помощников, обращения к силам природы. С памятью о предках-шаманах коррелирует почитание деревьев [Он же, 2005б, с. 239–243; Фольклор юкагиров..., 1989, текст № 37].

Идентификация по предкам отчетливо видна в терминах, обозначавших род. В названиях родов использовались слова *кудэйэ* 'поколение; прародитель; предок; потомок; потомство' и *миибэ* 'манера; обычай; закон' [Иохельсон, 2005б, с. 174]. Помимо смысла 'обычай, традиция', слово *миибэ* включает значения 'основа, начало начал, истоки, корни; предки и то, что с ними связано' [Прокопьева, Прокопьева, 2021, с. 166]. В.И. Иохельсон писал: «*основная группа каждого рода состояла из нескольких семей, являющихся потомками общего прародителя (кудэйэ, йэхлол-кудэйэ, т.е. 'прародитель', или миибэдэгэт-хаха – 'дедушка по обычаю', или шаан-лархуль – 'корень дерева')*» [Иохельсон, 2005б, с. 174]. У лесных юкагиров роды номинировались и посредством тотемистических терминов. Существовали роды, носившие названия животных: в верховьях Колымы на р. Ясачная проживал Заячий, или Ушканский, род, называемый по-юкагирски *Чолбород-омок* 'Заячий род', на р. Коркодон – *Анид-омок* 'Рыбий род'. Именно в Заячьем роде В.И. Иохельсон записал сказки о Зайце, человеческом сыне, где герой предстает необычайно умным, хитрым и ловким животным. В фольклорном образе Зайца обнаруживаются рудиментарные характеристики не только тотемного предка, но и культурного героя-трикстера, что часто сопутствует образу первопредка в фольклоре [Прокопьева, 2009, с. 56–71].

В прошлом во главе юкагирского рода стоял старейшина *лигэйэ шоромо*. По В.И. Иохельсону, он руководил военными и охотничьими походами, управлял праздниками, приносил жертвы духу предка, следил за соблюдением обычаев [Иохельсон, 2005б, с. 178]. Известно, что существовал Совет старейшин. Юкагирский ученый

Н.И. Спиридонов – Тэки Одулок, описывая летний праздник юкагиров, сообщал, что в начале собрания все большаки родов рассказывали обо всех делах, удачах и неудачах. Затем весь народ под предводительством старейшин выносил то или иное решение [1930].

В.И. Иохельсон отмечал, что люди почтенного возраста занимали почетное место в семейной жизни юкагиров. Пожилые люди являлись наставниками для молодых: *«Когда старики настолько слабеют, что не могут уже охотиться и ловить рыбу, они сидят дома, ничего не делая, но командуя, давая советы и направляя работу. Старые женщины занимают такое же положение. Молодые домохозяйки ... принимают их советы как руководство в домашних делах»* [Иохельсон, 2005б, с. 164].

Таким образом, ссылка на время древних людей в фольклоре придавало повествованиям священный статус, указывало на реальность описываемого, подчеркивало его истинность, безусловность. Знания предков признавались объемными и неоспоримыми. В.И. Иохельсон, указывая на отсутствие в юкагирском фольклоре космогонических рассказов, приводил слова одного из рассказчиков о создании мира: *«Древние люди знали это, а современные не знают»* [Иохельсон, 2005б, с. 425]. Наша информантка Л.Н. Демина, 1950 г.р., объясняя, почему мифологические сказки о животных юкагиры называют *ньиэдьил* 'рассказ', сказала: *«... они [те, кто называет их ньиэдьил] считают, что это – правда о том мире, в котором жили чуольэд омниипэ ['древние люди']. Оттуда пошло, и так оно и завелось. То есть это все-таки случилось чуольэд омнии параагэ ['во времена древних людей'], и так из уст в уста дошло, и поэтому такие животные сейчас»* [Прокопьева, 2018, с. 22].

Несказочные повествования заключали в себе сакральную информацию, известную предкам, и, будучи их посланиями, служили объектом для передачи последующим поколениям. По этой причине в рассказах иногда упоминается не только время древних людей, но и то, что рассказ передан предками – давними и ближними, как довод в пользу надежного источника информации, подтверждение подлинности события: *Тин чуолэд омнии ньиэдьицлгэлэ митин мит эпиэпэ, хаахаапэ ньиэдьириинунунга* «Этот рассказ древних людей нам наши бабушки и дедушки рассказывали» [Фольклор юкагиров..., 1989, текст № 34].

«Время древних людей» в несказочном фольклоре лесных юкагиров, придавая ему сакральный характер, можно сопоставить с зачинами мифов других народов мира. В частности, у австралийских аборигенов, создателей тотемических мифов, действие разворачивается во «времена сновидений», у чукчей мифы – это «вести начала творения».

Итак, рассказы юкагиров, в которых действие происходило во времена древних людей, были направлены на сохранность мировоззренческих установок, актуализировали духовное наследие предков.

Литература

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 272 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Т. 5).

Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.

Прокопьева П.Е. Устная несказочная традиция юкагиров. – Новосибирск: Наука: Издательство СО РАН, 2018. – 308 с.

Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). – Новосибирск: Наука, 2021. – 412 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Т. 41).

Садохин А.А., Грушевицкая Т.Г. Этнология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский Центр «Академия», 2001. – 304 с.

Спирidonov-Тэки Одулок Н.И. Одулы [юкагиры] Колымского округа // «Советский Север» – 1930. – № 9–10. – С. 166–214.

Шалугин В.Г. Атыляхан: Исторические предания лесных юкагиров // Илкэн. – 2014. – № 3 (176). – С. 28–29

Фольклор юкагиров Верхней Колымы. В 2 ч. Ч. 2 / сост. Жукова Л.Н., Николаева И.А., Дёмина Л.Н. – Якутск: Изд-во Якут. госун-та, 1989. – 89 с.

**❖ СТРУКТУРА СТИХА И НАПЕВА В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО
«МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ» В.О. КАРАТАЕВА
(ПО АУДИОЗАПИСЯМ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В НЮРБИНСКИЙ
УЛУС 1968, 1975, 1982 и 1986 ГГ.)**

В Аудиовизуальном архиве отдела фольклора и литературы ИГИиПМНС СО РАН (ААОФил ИГИиПМНС СО РАН) хранятся разновременные магнитофонные записи олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», записанные сотрудниками отдела П.Е. Ефремовым и В.В. Илларионовым во время полевых экспедиций в Нюрбинском улусе. Первая запись отдельных фрагментов этого олонхо произведена в мае 1968 г. П.Е. Ефремовым. К аудиозаписи имеется комментарий – специальная запись корреспондентами. Они содержатся под единицей хранения (ед.хр.) 102 и № 6, ед.хр. 00 22_1 и №№ 3, 3.10, 4-8. П.Е. Ефремовым произведена запись 8 фрагментов:

1. Удабан дьахтар ырыалара – 00 22_1, № 4.
2. Эрбэхтэй Бэргэн ырыата – 00 22_1, № 3.
3. Абааһы уолун ырыата – 00 22_1, № 7.
4. Абааһы кыыһа – Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» № 6.
5. Абааһы удабана – 00 22_1, № 6.
6. Сир сабыйа баай тойон – 00 22_1 (№ 8).
7. Эрбэхтэй Бэргэн ырыата – 00 22_1 (№ 3).10.
8. Эрбэхтэй Бэргэн ат сылгытын ынгырар ырыата – 00 22_1 (№ 5).

Как видно из списка, П.Е. Ефремовым в 1968 г. были записаны песни женщины-шаманки, Абаасы, девы-абаасы и шаманки-абаасы. Имеются также 3 песни Эрбэхтэй Бэргэна – это 2 варианта одной песни, а вторая песня – это песня-призыв.

Следующая по хронологии аудиозапись олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» была произведена 1975 г. По информации А.А. Кузьминой: «Участник фольклорной экспедиции В.П. Еремеев впервые произвел магнитофонную запись полного исполнения олонхо «Могучий Эр Соготох». В 1982 г. В.В. Илларионовым, с целью включения этого олонхо в состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», было повторно записано олонхо «Могучий Эр Соготох» на магнитофон в условиях, максимально приближенных к традиционной обстановке прослушивания олонхо в период его активного устного бытования, с участием

слушателей-любителей и знатоков олонхо» [Кузьмина, 2014, с. 25]. Данная версия фрагментов олонхо в записи В.В. Илларионова хранятся в ААОФил ИГИиПМНС СО РАН под ед.хр. 101 №№ 2-3, 5, и ед.хр. 102 №№ 1-2, 4-7. Это – 9 фрагментов:

1. Аан Алахчын Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» («Могучий Эр Соготох»)– 102 (№ 5).
2. Абааһы кыыһа – Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» – 102 (№ 6).
3. Кыскыйдаан Куо – 101 (№ 2).
4. Таас Кудустай Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» – 102 (№ 1).
5. Уот Кудустай Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» – 102 (№ 7).
6. Уот Чолбоодой – 101 (№ 5).
7. Харагадьылаан Бэргэн – 101 (№ 3).
8. Харыадьылаан Бэргэн Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» – 102 (№ 2).
9. Харыадьылаан Бэргэн Песня-тойук «Модун Эр Соҕотох» – 102 (№ 4).

В.В. Илларионовым в 1982 из олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» были записаны на магнитофон песни-тойуки Аан Алахчын, девы-абаасы, Таас Кудустай, Уот Кудустай и 2 варианта напева песни-тойука Харыадьылаан Бэргэна, а также песни Кыскыйдаан Куо, Уот Чолбоодоя и Харагадьылаан Бэргэна. В отношении Харыадьылаан Бэргэн и Харагадьылаан Бэргэн – это варианты одного имени Бэргэн. Из различных аудиозаписей олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» нотные расшифровки были произведены только с магнитофонной записи 1982 года. Произведены Н.Н. Николаевой и изданы в ее монографии «Эпос олонхо и якутская опера» [Николаева, 1993]. Это тойук Сабыйа Баай Хотун, алгысы Сир Сабыйа Баай Тойона и Модун Эр Соготоха, песни Модун Эр Соготоха, стерха, коня, девы-абаасы, абаасы и прощальная песня Туналыкан Куо.

Последняя магнитофонная запись олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» была произведена в 1986 г. в связи с подготовкой издания олонхо в рамках 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Эту технически более совершенную запись произвел В.В. Илларионов в рамках Комплексной фольклорной экспедиции Института филологии СО РАН и ряда других учреждений. Сказание издано в 1996 году [Могучий Эр Соготох..., 1996]. В издание вошли нотные расшифровки 13 напевов из аудиозаписи 1986 г. произведенные Н.Н. Николаевой. Это:

1. «Вступительный речитатив»;
2. «Связка-переход между песнями Буора Кудустая и Кёмюса Кыырыктая»;
3. «Окончание песни Юрюнг Айыы Тойона»;
4. «Песня старухи»;

5. «Песня стерха»;
6. «Песня Богатыря Нижнего мира»;
7. «Песня богатырского коня»;
8. «Песня Могучего Эр Соготоха»;
9. «Песня старика»;
10. «Песня духа-хозяйки долины»;
11. Песня девы-абаасы;
12. «Прощальная песня Туналыкаан Куо»;
13. «Заключительная песня».

Для сравнительной музыкальной характеристики персонажей олонхо в 10 том серии были введены также записи «Песни богатырского коня» и «Прощальной песни Туналыкаан Куо» 1982 года. По мнению Э.Е. Алексеева они более интересны в исполнительском отношении, чем эти же напевы, записанные в 1986 г. Сопоставив эти аудиозаписи, исследователь пришел к мысли, что «Прощальная песня Туналыкаан Куо» в записи 1982 г. имеет сходство с тойуком Сир Сабыйа Баай Хотун, представленным названием «Песня старухи». В версиях «Песни богатырского коня» и «Песни стерха» 1982 и 1986 гг. песни поют зооморфные персонажи, и образы коня и стерха в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» представляют собой сакральных животных, выполняющих роль помощников богатыря. По мнению А.П. Решетниковой: «В сохраненных якутским эпосом песнях животных и птиц особо эвфонически выделены их зачины, определенные мелодические клише которых содержали лексические транскрипции звукоподражаний, которые сами по себе только маркировали зооморфность поющих персонажей. Вокально интонируемые тексты этих эпических песен раскрывали смысл сообщений уже на «человеческом языке», столь же сакральном-песенном. Звукоподражания в эпосе изменяют свой содержательный статус, но, надо думать, сохраняют следы бывшего мифологического значения, являясь способом трансляции «речи» существ природного мира. Звукоподражательные зачины в вокально-интонируемых песнях животных персонажей и птиц в эпосе – объединение природного и человеческого начал – носят функцию маркера животного-помощника, служа указанием магический характер их песенных высказываний в обрядовой ситуации. Вокальный же тип интонирования различных сообщений животных и птиц в олонхо является художественно-эпическим способом расшифровывания смысла предупреждающих звуковых сигналов» [Решетникова, 2005, с. 144].

Из зооморфных персонажей в олонхо важную функцию выполняет богатырский конь, который имеет свою песню. В якутских сказаниях «мифологический конь,

обладая необычными чертами, является помощником богатыря *айыы*, доставляя его в любое место для борьбы с богатырем *абаасы*. Обладая даром речи, он выступает в качестве мудрого советчика. В правом ухе коня хранится живая вода, от которой мертвый оживает, слабый становится сильным. Нередко выходит победителем в борьбе с железным конем *абаасы* [Петров, 1993, с. 28]. Две версии «Песни богатырского коня» 1982 и 1986 гг. Э.Е. Алексеев относит к *дэгэрэн ырыа* и анализирует следующим образом: «Это единственная в каратевских олонхо мелодия, рельефно краткая основная формула которой успевает дважды повториться на протяжении одной восьмислоговой стиховой строки. Слегка затягиваемый вступительный возглас трехслогового звукоизобразительного запева, имитирующего лошадиное ржание, при повторении тут же приводится к четырехслоговой норме. Трехударные распевы четных долей выразительно подчеркивают ритмическую синкопу» [Могучий Эр Соготох..., 1996, с. 54]. Э.Е. Алексеев в музыковедческой статье проводит анализ связи слова и музыки с точки зрения распевов гласных звуков и соотношения количества слогов в строке с музыкальным ритмом напева практически всех песен [Могучий Эр Соготох..., 1996].

Если продолжить анализ поэтики песни коня с позиций сравнительной характеристики стиха и напева записей 1982 и 1986 гг., то язык олонхо (ЯО), по образному определению П.А. Слепцова, является особой системой, имеющей «достаточно четко выраженную структуру. Эту структуру в схематическом виде и условно можно представить в виде концентрического круга, в центре которого располагаются собственно эпические ресурсы языка (назовем их обобщенно эпическими формулами), и внешней части, заполненной ресурсами разговорной речи. Имеются основания считать, что ЯО стремится ко все большему расширению центральной части круга за счет внешней части, постоянной “вербовки” из нее все новых и новых формул, их вариантов. Такова мощная центробежная сила устремлений ЯО к совершенству. Сплошные формульные стихи, основанные на гармонии звуков и ритмическом параллелизме, – олонхосуты и воспринимающая их эпическая среда видят конечный идеал ЯО» [Слепцов, 2000, с. 40]. Само эпическое стихосложение в якутском олонхо представляет собой якутский фольклорный верлибр, который состоит из «зачатков трех систем стиха – аллитерационной, силлабической, свободной, которые функционируют как “чистые” метрические образования на протяжении небольшого количества отдельных тирад. Для них более характерны процессы взаимодействия и взаимопроникновения, что дает полиметрические формы с определенной доминантой, воспринимаемые в целом как эпический стих»

[Дьячковская, 2000, с. 33]. Что касается соотношения стиха и напева, то в двух версиях «Песни богатырского коня» 1982 и 1986 гг. из олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», преобладают распевы двумя восьмыми практически каждого слога вербального текста, а в конце каждого четвертого слога в строке – одним музыкальным звуком четвертной длительностью. Лишь во вступительном и каденционном разделах наблюдается сверхдолгий ритмически разнообразный распев 2-го слога во вступлении и заключении в звукоподражательном слове *айньыһабы*. Этим подчеркивается формообразующая роль музыкального ритма в начальном и заключительном слове вербального текста песни.

Помимо животных, в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» важную роль выполняют небесные вестники, воплощающие функцию мотива связки. «Подобные мотивные переходы композиционно подготавливают перемещение героев к месту действия. В записи 1975 г. в качестве вестника выступает богатырь-*абаасы* Таас Джаантаар Дара Буурай, который, появившись в виде двуглавого орла, сообщает Сир Сабыйа Баай Тойону и Сабыйа Баай Хотун о том, что их исчезнувший сын воспитывается на небе у верхних божеств и предназначен ими быть могучим богатырем-защитником людей, живущих в Среднем мире. Во второй и третьей записях (1982 и 1986 гг.) вестником является небесная шаманка Айыы Джаргыл, прилетающая в образе стерха. Сообщения чудесных вестников о том, что будущий богатырь проходит закалку в Верхнем мире, имеют характер мотива-речи и несут информацию о событиях предшествовавших данной ситуации» [Илларионова, 2008, с. 27].

Образ стерха, выполняя функцию мотива-связки, представлен в олонхо песней. Если сравнить две версии песни стерха, то в записи 1982 г. напев состоит из 11, а в варианте 1986 г. из 9 строк. Если в версии 1986 г. преобладает семисложная структура строки, то в записи 1982 г. наблюдается разнообразие стиховой структуры песни от четырехсложника до 15-ти сложных строк. Это отличие двух версий подчеркивает вариативность фольклорного образца. Музыкальный ритм в напеве представлен постоянным дроблением восьмой длительности на две шестнадцатые. Здесь в отношении связи слова и музыки происходит чередование слога вербальной части, представленного одним музыкальным звуком, выраженном восьмой длительностью со следующим слогом словесного текста, переданного двузвучным распевом шестнадцатыми длительностями. Также в песне один слог слова может быть распет трехзвучным распевом в группировке одной восьмой и двух шестнадцатых. По мнению Н.Н. Николаевой музыкальный ритм в песне стерха, и такая подчеркнутая «периодичность акцентно-метрической организации *дэгэрэн* неразрывна с

танцевальным характером ритма» [Николаева, 1993, с. 56–57], расширяя этим образную характеристику персонажа. Сверхдолгие длительности в распеве одного слога в песне представлен в распеве первого слога начального слова во вступлении, в двух версиях песни, подчеркивая сакральные слова *дом-дом*, указывающие на то, что это поет шаманка в образе стерха. Кроме того, такое выделение вступления песни выполняет также формообразующую роль музыкального ритма, связанного со словесным текстом, представляющим собой зачин песни.

Таким образом, особенности поэтики песен животных и птиц в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» с позиций связи слова и музыки наиболее явно проявляются в том, что каждый слог слова либо распевается двух-трехзвучными музыкальными звуками, либо на один слог приходится один музыкальный звук. Зачины выполняют в музыкальной композиции роль вступления в песне стерха, вступления и заключения в песне коня. В данных напевах вступление и каденция отличаются ритмически от других появлением сверхдолгих слогонот. Кроме того, зачины обогащают как в вербальной части, так и в связи слова с музыкальной ритмикой образную характеристику персонажа

Литература

Дьячковская М.Н. Фольклорный верлибр и его модификации в якутской поэзии // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: тез. докл. междунар. науч. конф. (Якутск, 7–8 сентября 2000 г.). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – С. 33.

Илларионова Т.В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ одновременных записей. – Новосибирск: Наука, 2008. 96 с.

Кузьмина А.А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.

Могучий Эр Соготох = Модун Эр Соҕотох: якутский героический эпос / сказитель В.О. Каратаев; пер. П.Е. Ефремова, С.П. Ойунской, Н.В. Емельянова; вступ. ст. Н.В. Емельянова, В.В. Илларионова. – Новосибирск: Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 10).

Николаева Н.Н. Эпос олонхо и якутская опера. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 187 с.

Петров В.Т. Эпическое в эпическом контексте // Поэтика эпического повествования: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – С. 19–35.

Решетникова А.П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. – Якутск: Бичик, 2005. – 408 с.

Слепцов П.А. Актуальные проблемы изучения языка олонхо // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: тез. докл. междунар. науч. конф. (Якутск, 7–8 сентября 2000 г.). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – С. 40.

❖ РОЛЬ ИМЕНИ ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОСТРОЕНИИ ОБРАЗА

Якутский героический эпос олонхо представляет собой сложное образование. В последнее время появляются разнообразные подходы к его изучению, которые позволяют выявить глубинные смысловые структуры. В текстах олонхо образ главного героя складывается из множества составляющих: внешний вид, черты характера, поступки, речь и т.д. И вся эта информация объединяется эпическим именем. Имя в эпических текстах формирует образ героя и обеспечивает целостность восприятия героя.

Имя воплощает в себе все важнейшие, сущностные черты героя и является его главной, самой краткой и самой емкой характеристикой. Будучи элементом образа, во многом этот образ и формирующим, имя литературного персонажа принципиально неслучайно. В каждом случае именование – художественный акт, имеющий решающее значение как для самого персонажа, так и для произведения в целом.

При анализе русского эпоса Т.Н. Кондратьева прослеживается изменчивость семантики имен, связь значения имени с образом героя, который это имя носит и обращает внимание на роль исторических имен в структуре текста. Она выделяет следующие их функции: 1) номинативность – как основное свойство собственного имени с развитием метонимического переноса; 2) использование собственных имен в качестве метафоры и сравнения; 3) исторические собственные имена в местоименной роли (когда «единичные» понятия собственных имен исторических личностей подразумеваются) [Кондратьева, 1967, с. 11]. В якутских олонхо исследователь Филиппова Н.И. отмечает «собственное имя персонажей олонхо носит с одной стороны, художественно-этическую нагрузку, с другой – информативно-познавательную ценность» [Филиппова, 2016, с. 5].

Якутское олонхо отличается от других устных народных произведений не только большим объемом, но и совокупностью разносторонних художественных образов, эпических героев, которые являются предметом повествования. Система персонажей олонхо устойчива и неизменна. Здесь «главный герой» – богатырь или богатырка айыы, выступают защитниками племени айыы аймага, а их основными противниками являются богатыри абаасы из Нижнего мира, носители зла. Эпический

оним представляет собой поэтический сгусток, нагруженный информацией, которая ориентирует слушателя в таком сложном тексте как эпос.

Образ персонажа может быть оформлен при помощи многообразных художественных средств. Средства создания образов помогают сказителю раскрыть свой замысел, сделать эпических персонажей зримыми, донести центральную идею до слушателя, передать настроение, то есть создать целостный художественный образ в произведении. Самым простейшим элементом характеристики является формула имени эпического героя.

Эпическое имя персонажа обычно включает в себе значительную информацию о семье, роде, традиции. Имя героя указывает на нечто большее, чем данный герой. Полные имена персонажей олонхо являются такой же особой готовой моделью, т.е. эпической формулой, как и формулы эпического времени, Среднего мира и т.д. Формула имени в олонхо характеризуется строгой упорядоченностью, что позволяет говорить в целом о специфических чертах ономастического пространства якутского эпоса олонхо, а также является источником «кодифицированной» информации о каждом эпическом персонаже. Формула имени, вне связи с конкретной ситуацией, «маркирует» героя, его близких, его антипода и близких антипода по таким основным параметрам, как локальная принадлежность и отнесенность к определенной стихии, цвету или объекту, родственному, индивидуальному, сословному, возрастному, половому статусу в строгой последовательности по отношению к ядерному слову – имени собственному. Перед именем собственным персонажа (ИП) в формульном выражении располагаются до трех определительных рядов (ОР) различного объема, а за ним следуют показатели (П) (ОР + ИП + П): *Дойду курдук сурахтаах, Ат көрдүк ааттаах, Үөһээ дойдуга Үүт аас олохтоох Үрүҥ Айыы Тойон оҕонньор, Көмүс Хонгоруу Хотун эмээхсин Оччугу кыыстара Отто дойдуну олохтуурга, Киһи төрдө буоларга Олох-дьаһах онгостон олор диэннэр Айан түһэрбит кыыстара Чуучукур дьоруо аттаах Кыыс Дьуурайа бухатыыр* [Дуяков, 2011, с. 25].

В олонхо эпические имена главных героев часто выполняют формальную функцию. Звуковая оболочка имени может служить средством формальной организации эпических имен, задавая ассонанс и/или аллитерацию, которые скрепляют текст на фонетическом уровне. Таким образом, имена собственные органически вплетаются в звуковую ткань текста олонхо и создают ее особое фонетикоритмическое оформление:

Дыллыа манган аттаах

Дьырыбына Дьырылыатта [Ядрихинский (Бэдьээлэ), 1980, с. 36]

Или:

Абыс уон албастаах

Ардыамаан-Дьардыамаан [Каратаев–Дыгыйар, 2003, с. 101]

Благодаря использованию различных видов аллитераций эпическое имя становится более звучным и образным. Звукопись, свойственная большинству жанров фольклора, в олонхо проявляется гораздо ярче. В якутских олонхо наиболее распространен прием аллитерации, проявляющийся в повторе одного или нескольких звуков, звуков разных частей или какой-либо одной части имени.

Обычно основные компоненты имен связаны стиховой (линейной) аллитерацией:

Ый Тойон оҕото

Ыһыктыбат

Ытыктай Боотур. [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 54]

Или:

Күн Тойон оҕото

Күлүмэх күүстээх

Күөнчэ Бөҕө [Там же]

Один из основных принципов построения эпических имен в олонхо – ассонанс, прием звуковой выразительности, заключающийся в повторении однородных гласных: Дьырыбына Дьырылыатта, Кулун Куллустуур, Эриэдэл Бэргэн, Күрүлүү Сүүрүк, Тура Дохсун, Кытай Махсыын. Имена персонажей олонхо поэтичны и красочны, сочетаются со всем строем и стилем героического эпоса.

Ономастическое пространство якутского героического эпоса олонхо, отбор и взаимодействие эпических имен с контекстом определяется законом жанра, художественным мастерством сказителя, структурой эпического сюжета, соответствием содержанию текста олонхо, эстетической нагрузкой имени в ближайшем и широком контексте и многими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями олонхосута в целом. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что эпические имена в героическом эпосе олонхо выполняют две основные функции – информативная и формальная, представляющие собой функциональные комплексы. Они участвуют в создании художественного образа, служат смысловой подсказкой, передают национальный колорит.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что олонхосуты являются блестящими мастерами поэтической антропониимии. Эпическое имя обеспечивает восприятие персонажа как целостной личности, концентрирует в себе всю

информацию, которая сообщается о персонаже и формирует его образ, занимает почетное место в словарном богатстве текстов олонхо и может считаться одним из существенных элементов создания ярких колоритных эпических образов.

Литература

Дуяков Г.В. Кыыс Дьуурайа бухатыыр / сост. Кузьмина А.А. – Якутск: Бичик, 2011. – 250 с. (Саха боотурдара).

Каратаев С.Н. – Дыгыяр. Тон Саар Бухатыыр / сост. Илларионов В.В. и др. – Якутск; Бичик, 2004. – 240 с. (Саха боотурдара).

Кондратьева Т.Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – 247 с.

Тимофеев-Теплоухов И.Г. Кулун Куллустуур: Якутский героический эпос.– М.: Наука, 1985. – 606 с. (Эпос народов СССР) .

Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. – Якутск: Сахапечать, 2016. – 104 с.

Ядрихинский П.П. (Бэдьээлэ). Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс Богатырка: Якутское олонхо / зап., послесл. и комм. П.Н.Дмитриева. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 200 с.

Кузьмина А.А.

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ ПО ЯКУТСКОМУ ГЕРОИЧЕСКОМУ ЭПОСУ ОЛОНХО*

Базой данных называют «представленную в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)» [Программы для ЭВМ, БД]. В последнее время

*Работа написана в рамках проекта гранта РФФИ № 19-012-00170 «Якутские фольклористы: биобиблиографический словарь».

наметилась тенденция создания электронных баз данных по якутскому героическому эпосу. Если раньше исследователи и разработчики различных систематизированных материалов по олонхо не регистрировали свои данные в Роспатенте, то сейчас идет активная работа по оформлению авторских прав по результатам интеллектуальной деятельности. На сегодняшний день в Роспатенте зарегистрировано 10 баз данных по олонхо. Основными авторами являются сотрудники Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Актуальность исследования заключается в том, что такое перспективное направление, как создание баз данных по якутскому эпосу, еще не было объектом изучения; постановка проблемы, систематизация баз данных и выявление их перспектив способствует дальнейшему развитию фольклорного подкорпуса Национального корпуса якутского языка [Кузьмина, 2020]. При составлении и оформлении баз данных по олонхо разработчики встречаются с некоторыми проблемами, связанными, прежде всего, с техническими, правовыми аспектами.

Базы данных по якутскому героическому эпосу мы подразделили на несколько тематических групп:

1) сказители, фольклористы: «Олонхосуты Якутии XVII–XX вв.» [2019], «Словник “Якутские фольклористы: библиографический словарь”» [Кузьмина, Данилова, 2021];

2) номинации в эпосе: «База данных названий якутского героического эпоса олонхо: центральная, виллюйская, северо-восточная и северо-западная (долганская) региональные традиции» [Кузьмина, Данилова, Оросина, 2019], «Именник главных героев якутского эпоса олонхо» [2020];

3) лексические особенности олонхо: «Архаизмы и историзмы языка олонхо» [2020], «Безэквивалентная лексика в якутском героическом эпосе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского и ее перевод на русский и английский языки» [Лукачевская, Собакина, Собакина, 2020];

4) словники энциклопедий, словарей: «Словник Энциклопедии Олонхо» [2019], «Словник “Якутские фольклористы: библиографический словарь”» [Кузьмина, Данилова, 2021];

5) структурно-семиотические исследования: «Группы культурной информации якутского героического эпоса-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского» [Бурцева, Собакина, 2019], «Якутский эпос олонхо в естественно-научном дискурсе» [Сатанар, 2021];

б) тексты олонхо с комментариями: «Олонхо «Эрис халлаан уола Эр Соготох» абыйского сказителя Г.Ф. Никулина: текст и комментарии» [Илларионов, Илларионова, 2020].

Базы данных по сказителям, фольклористам предназначены для хранения и систематизации информации об олонхосутах, якутских фольклористах-исследователях, собирателях, этномузыковедах, писателей, организаторов, пропагандистов фольклора, полученной в результате научно-исследовательской и поисковой работы в архивах, библиотеках, работы с информантами в районах Республики Саха (Якутия).

База данных «Олонхосуты Якутии XVII–XX вв.», составленная НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова, содержит следующие анкетные данные: фамилия, имя, отчество; псевдоним; годы жизни, место рождения; архивные документы об олонхосуте; названия олонхо, включенные в эпический репертуар олонхосутов. База создана на основе справочника, изданного в 2013 г., включает более 1300 персоналий.

В базу данных «Словник “Якутские фольклористы: биобиблиографический словарь”», составленной А.А. Кузьминой и А.Н. Даниловой, вошло более 300 имен якутских фольклористов, приведены сведения, касающиеся жизнедеятельности якутских фольклористов: фамилия, имя, отчество; псевдонимы; дата рождения; место рождения; дата смерти; место жительства; дефиниция; информация о профессии; научная степень и звание; членство в союзах, редколлегиях, награды; жанры фольклора, с которыми они работали; названия фольклорных записей; информаторы; место записи фольклорного материала; дата записи фольклорного материала; участие в фольклорных экспедициях; архивы, где хранятся фольклорные материалы; основные труды; научная школа, научное направление; методы собирания фольклора; принципы собирания фольклора; источники.

Номинации в эпосе также очень хорошо поддаются систематизации в виде базы данных. «База данных названий якутского героического эпоса олонхо: центральная, вилуйская, северо-восточная и северо-западная (долганская) региональные традиции», составленная сотрудниками ИГиПМНС СО РАН, предназначена для систематизации и хранения информации о названиях якутского героического эпоса олонхо по региональным традициям (центральная, вилуйская, северо-восточная и северо-западная (долганская)). Здесь приведены следующие сведения: названия олонхо; вариации названий; пол героя; автор/олонхосут; собиратель; региональная традиция олонхо; место записи; дата записи; год издания; характеристика записи; источники (в

сокращенном виде); комментарии. В результате выявлено 1840 названий олонхо с указанием их вариаций (653 наименований).

База данных «Именник главных героев якутского эпоса олонхо», составленная НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова, содержит реестр 1517 имен и эпитетов главных героев олонхо, локальность бытования олонхо, год записи, данные об олонхосутах-сказителях, в чьи эпические репертуары были включены олонхо и др.

Лексические особенности языка олонхо становятся плодотворной темой для создания баз данных. СВФУ им. М.К. Аммосова зарегистрировал две базы данных по этому направлению: «Архаизмы и историзмы языка олонхо» и «Безэквивалентная лексика в якутском героическом эпосе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского и ее перевод на русский и английский языки». Первая база данных составлена в рамках научно-исследовательской работы «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения» и содержит реестр архаизмов и историзмов олонхо (транслитерации на кириллице, оригиналы на якутском языке, дефиниции слов на якутском и русском языках, примеры употребления в тексте олонхо, ссылки на источники, этимологические справки). Вторая содержит данные о безэквивалентной лексике, тексты оригинала, их русский и английский перевод.

Перед составлением энциклопедий и словарей авторы стали составлять и регистрировать словники. База данных «Словник Энциклопедии Олонхо» предназначена для хранения и систематизации перечня слов, составленного в процессе работы над энциклопедией «Олонхо» и содержит реестр основных понятий содержания якутского эпоса, персоналий, терминов олонхovedения, лингвофольклористики, этномузыкологии, значимых научных трудов, организаций, мероприятий по олонхо, а также общие справочные информации. База данных «Словник “Якутские фольклористы: биобиблиографический словарь”», куда вошли имена олонхovedов, выполнена в том же ключе.

Результаты структурно-семиотических исследований по олонхо также представлены в виде баз данных. Первая – «Группы культурной информации якутского героического эпоса-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского» представляет собой материалы о культурной информации с текстами перевода на русский и английский языки. Она предназначена для хранения данных по переводу фольклорных текстов и может применяться при исследовании эпоса, культурной информации в фольклорных текстах, а также способах ее передачи на других языках. Во второй базе данных – «Якутский эпос олонхо в естественно-научном дискурсе»

систематизирован перечень структурных и семантических инвариантов якутского эпоса олонхо и естественно-научных теорий и законов. Содержит реестр элементов эпической картины мира олонхо, дефиниции элементов в эпосе олонхо и естественной науке (математика, геометрия, физика, астрономия), образцы из текстов олонхо (переводы на кириллице, оригиналы на якутском языке), ключевые понятия, методы исследований, описания числовых символик элементов, описания геометрических представлений семантик элементов, ссылки на источники.

Несмотря на изданные тексты олонхо, фольклористы начали регистрировать в виде базы данных свои права. Так, база данных В.В. Илларинова и Т.В. Илларионовой «Олонхо «Эрис халлаан уола Эр Соготох» абыйского сказителя Г.Ф. Никулина: текст и комментарии» содержит текст олонхо, записанный в 1940 г. фольклористом А.А. Саввиным от абыйского сказителя Г.Ф. Никулина, состоящий из 3382 стихотворных строк. База данных обеспечивает систематизацию примечаний и комментариев к текстам, необходимые фольклорно-исторические, филологические, этнографические пояснения. По результатам исследования составлен словарь мифологических и эпических персонажей олонхо и указатель сюжета олонхо.

Таким образом, составление баз данных по якутскому героическому эпосу становится необходимым инструментом для хранения и систематизации большого объема материалов: «...фольклористика является корпусно-ориентированной областью гуманитарной науки: работа с большим объемом фольклорных текстов предполагает создание различных указателей, баз данных, электронных ресурсов и т.д.» [Кузьмина, 2020, с. 12]. Рассмотренные 10 баз данных по олонхо свидетельствуют о том, что якутское эпосоведение уже начало делать уверенные шаги в сторону реализации электронных форм систематизации различных данных.

Литература

Архаизмы и историзмы языка олонхо // Р.Н. Анисимов, А.Е. Божедонова, Ю.П. Борисов, Л.Н. Герасимова, Е.Е. Жиркова. – 2020. Свидетельство о регистрации базы данных 2020622202, 09.11.2020.

Бурцева А.А., Собакина И.В. Группы культурной информации якутского героического эпоса-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского. – 2019. Свидетельство о регистрации базы данных 2019622245, 03.12.2019.

Илларионов В.В., Илларионова Т.В. Олонхо «Эрис халлаан уола Эр Соготох» абыйского сказителя Г.Ф. Никулина: текст и комментарии. – 2020. Свидетельство о регистрации базы данных 2020621143, 06.07.2020.

Именник главных героев якутского эпоса олонхо // Р.Н. Анисимов, В.Н. Габышев, Л.Н. Герасимова, В.Н. Иванов, С.Д. Львова, Г.Е. Саввинов. – 2020. Свидетельство о регистрации базы данных 2020622120, 02.11.2020.

Кузьмина А.А. Концепция создания фольклорного подкорпуса национального корпуса якутского языка: постановка проблемы, структура, технология // Филология: научные исследования. – 2020. – № 11. – С. 11–18. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.11.34168

Кузьмина А.А., Данилова А.Н. Словник «Якутские фольклористы: биобиблиографический словарь». – 2021. Свидетельство о регистрации базы данных 2021620002, 11.01.2021.

Кузьмина А.А., Данилова А.Н., Оросина Н.А. База данных названий якутского героического эпоса олонхо: центральная, вилюйская, северо-восточная и северо-западная (долганская) региональные традиции. – 2019. Свидетельство о регистрации базы данных 2019621682, 26.09.2019.

Лукачевская Л.А., Собакина М.Р., Собакина И.В. Безэквивалентная лексика в якутском героическом эпосе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского и ее перевод на русский и английский языки. – 2020. Свидетельство о регистрации базы данных 2020621144, 06.07.2020.

Олонхосуты Якутии XVII-XX вв. // Р.Н. Анисимов, Ю.П. Борисов, В.Н. Габышев, Л.Н. Герасимова, В.Н. Иванов, В.В. Илларионов, С.Д. Львова. – 2019. Свидетельство о регистрации базы данных 2019620446, 21.03.2019.

Программы для ЭВМ, БД // Федеральный институт промышленной собственности. URL: <https://new.fips.ru/to-applicants/software-and-databases/> (Дата обращения: 12.10.2021)

Сатанар М.Т. Якутский эпос олонхо в естественно-научном дискурсе. – 2021. Свидетельство о регистрации базы данных 2021621553, 20.07.2021.

Словник Энциклопедии Олонхо // Р.Н. Анисимов, Ю.П. Борисов, В.Н. Габышев, Л.Н. Герасимова, Е.Е. Жиркова, В.Н. Иванов, А.Ф. Корякина, С.Д. Львова. – 2019. Свидетельство о регистрации базы данных 2019622292, 06.12.2019.

❖ ТЕКСТ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ФОЛЬКЛОРА СОСЕДНИХ ЭТНОСОВ

В статье уточняется характер влияния фольклора и языка соседних этносов на русские сказки Северо-Востока Якутии. Актуальность исследования обусловлена тем, что в рамках исследовательского проекта изучаются тексты, приемы и средства, усвоенные из фольклорных произведений соседних народов. Также рассматриваются особенности фиксации фольклорных произведений русских старожилов с. Русское Устье на реке Индигирке. Н.А. Габышев как участник этнографо-лингвистической экспедиции 1946 г. подготовил основную часть собранных материалов для научного сборника «Фольклор Русского Устья», но в Рукописном фонде Архива ЯНЦ остается еще достаточное количество еще не опубликованных текстов. Применяются описательный, сравнительно-текстологический методы. Указываются основные исполнители русского фольклора, каким был С.П. Киселев. Уточняется репертуар сказителя С.П. Киселева, возможные пути внесения в его репертуар иноэтничных сказок. Рассматриваются развитие сюжета и, некоторые образы и приемы.

Основными методологическими трудами, на которые опирается автор, следующие: книги Ю.А. Новикова о сказителях и былинной традиции [Новиков, 2009; 2013]. Значимыми для нас стали работы Р.П. Матвеевой и Р.Н. Базилишиной [Матвеева, 1998, с. 20–39; Базилишина, 2000]. Нами написана статья о династии Киселевых [Charina, 2018].

Фольклорные произведения, записанные в 1946 г. в Русском Устье от С.П. Киселева: опубликованные и неопубликованные

В Русском Устье в середине XX в. выдающимся сказителем был С.П. Киселев. некоторые произведения фольклора С.П. Киселева уже в 1928 г. записал Д.Д. Травин былину «Калика читает Голубиную книгу» [РЭП, 1991, с. 173]. Семен Петрович Киселев (Хунай) родился и всю жизнь провел в Русском Устье (1885–1947). Как писал Г.Л. Венедиктов, «исполнителями сказок были его родители Петр Михеевич и Аграфена Семеновна. Отец особо славился как рассказчик, и, будучи приказчиком у купца, мог неограниченно пополнять свой репертуар. Сам же С.П. Киселев, по словам С.И. Боло, сказывал с 12 лет» [ФРУ, 1986, с. 304].

От С.П. Киселева записаны, например, следующие сюжеты былин: «Добрыня Никитич-блад», «Про Тугарина Жмеевича», «Илля Муровец» и др. [Там же, с. 219–220, 225–227; 229]. Как видим, произведения, в целом, встречались в других местах России: на Русском Севере, на Урале, в Западной Сибири. Также В.Л. Венедиктов отмечает, что «Н.А. Габышевым <...> записано несколько сказок, перенятых от соседних народов» [Там же, с. 316], это следующие тексты, которые не вошли в сборник «Фольклор Русского Устья»: «С аршин величиной человек», «Самоеды», «Дутки–корба и Дилыки–корба», «Княжна Анна», «Слуга Тороп», «Голубая кавалерия», «Олька–Шемаха», – от С.П. Киселева, [РФ Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, п. 780, л. 55–56, 59–62].

Прежде обратим внимание на юкагирское влияние русского репертуара в с. Походск. В.Г. Богораз, записал в Походске в 1895–1896 гг. сказку «Раз юкагиры жили», привнесенную из юкагирского фольклора. У этих юкагиров была одна дочка. Эта девушка была унесена вихрем на большой камень. Там девушка просит кукшу помочь ей, та отказалась. Девушка просит «пэтишку», птица помогает, так как когда-то девушка помогла ей. Потом на камень принесло еще двух девушек, героиня расправляется с ними. Девушка спела первую песню. Пошла девушка дальше, нашла «дом громаднейший», там «великолепное убранство: чемоданы, скапы, сундуки, набитые с пысиной». Там она спряталась, видит, приходит «односторонной человек: одна рука, одна нога». Все, что приказывает хозяин, исполняется. При этом никого не видно. Девушка стала искать, кто помогает хозяину и нашла «за камином»: «лягушек мышей, горносталей, разных живущих, червей, комаров, мух». Девушка расправилась и с ними. Хозяин нашел девушку, приказал ей справляться самой: «По утру тебе придут три табуна, ты хватай и кочуй, куда надо!» Девушка справилась и спела вторую песню. Далее героиня «покечевала», маленькую руйтишечку поставила, «одна себе ночевала». Затем ситуация повторилась. Девушка поет третью песню. Появился «молодой парень ночевать, – на дворе увидела его. Вот она вошла и говорит ему: – “Ты кто такой?” Он говорит: “Я твой муж!” – “Врошь! Ведь мой муж односторонной, има ему Лыгынака?” Он <...> три раза на солнце обернулся, стал опеть односторонной. – “Вот ты, говорит, – не веришь мне, вот я опеть твой муж!” Обрадовалась, покочевали вместе. «Передня руйта стоит черный чум, печальный такой, – ии отец-матери живут, прикочевали. Старуха и старик выскочили, обрадовались» [Богораз, 1901, с. 342–345].

Мы видим, что данное произведение, рассказанное на русском языке, действительно, юкагирского происхождения. Сюжет связан с темой поисков жениха, созданием семьи. Так, мы располагаем вариантом сказки, записанным В.И. Иохельсоном «Об одной поднявшейся сказке». По поводу этой сказки он сам пишет:

«русско-чукотская». И далее отмечает, что эта и другие сказки «рассказываются гораздо красивее и обстоятельнее колымчанами русскими и даже чукчами» [Иохельсон, 2005, с. 20]. Изучаемая сказка соответствует сюжету СУС 431 Лесной дом, где младшая сестра устраняет животных – слуг жениха; СУС 400{1} Девушка ищет исчезнувшего жениха (мужа) с мотивом нарушения запрета и поисками жениха (мужа), а также СУС 425С Аленький цветочек с мотивом превращения чудовища в красавца.

Эта сказка – небольшая по объему, в ней говорится о трех сестрах и о перипетиях в жизни младшей, нашедшей свою судьбу. При помощи «икры» и «шила» девушка спасается с «обрыва горы Ибол», а затем находит дом, куда после «пришел парень» [Там же, с. 36]. Здесь нет песни девушки, нет мотива кочевания, поисков родных и таким образом – возвращения к началу сказки. Однако многое становится понятно: использование клея и острых предметов для спасения с горы, устранение сестер-соперниц, слуг-соперниц (мышки, лягушки).

Примечательно, что М. Вилигина рассказывала сказку «о других» – о юкагирах. Они кочуют с табунами, ставят временные юрты, постоянно общаются с родным миром тундры. Юкагирская сказка наполняется приемами и средствами, характерными для русской сказки. Тема поисков жениха подчеркивается приемом повтора, проявляющегося в исполнении песни, в эпизодах, показывающих преодоление препятствий на пути поисков жениха, завоевании его сердца, изменении статуса девушки как замужней в конечном показе его своим родителям.

Некоторые особенности заимствования из фольклора коренных народов в творчестве С.П. Киселева

Также заимствовались сюжеты сказок из эвенских сказок. Например, сюжет эвенской сказки – «Дутки–Корба и Дилыки–Корба» [РФ Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, п. 779, л. 94–96]. Здесь рассказывается о взаимоотношениях двух представителей племен эвенов. Возможно, отражены сложные межплеменные отношения ламутов. Как отмечает в сноске Н.А. Габышев, «Дутки–Корба – «Духи», самоназвание индигирских ламутов. Корба, видимо, собственное имя» [Там же, л. 94]. В зафиксированном тексте указано, что ударение падает на первый слог в словах «Дутки», «Корба», а в слове «Дилыки» – на последний слог.

Сказка имеет следующий сюжет: Дутки–Корба кочует по «шендухе». Он ищет Дилыки–Корбу, он встречает и убивает одиннадцать «оргишей»–олений, которые, как выясняется, принадлежат Дилыки–Корбе. Жена Дутки–Корба перекочевывает в то место, где находится Дилыки–Корба. она узнает, что Дилыки–Корба собирается отомстить. Дутка–Корба приказывает приготовить его оружие, сам одевается во все

смертное: «белые рукавицы, белый малахай, белую кукашку, обутки» [РФ Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, п. 779, л. 94–96]. Затем Дутка–Корба приходит к Дилыки–Корбе, между героями происходит бой. Дилыки–Корба обладает необыкновенной увертливостью, «как рыба ходит». Затем противники проводят бой на улице. При этом каждый уничтожает по двенадцать оленей из стой бища противника, но они не могут даже «кукашку» замарать. Дутка–Корба убивает соперника. В конце повествования Дутка–Корба откочевывает на свое прежнее место пребывания.

Как указывала Р.Н. Базилишина, «такие сказки мы условно называем “боевыми”» [2000, с. 17]. Сказка заимствована, создана как «внутриэтнический сказ». Видно, что условный мир произведения близок быту и пейзажу русскоустыинцев, сама сказка по объему небольшая, действие происходит между родами ламутов в «шендухе». Показано, что герои живут одиночно. Для сказки характерна непредсказуемость, которая развивает сюжет. Так, случайно Дутка–Корба уничтожил одиннадцать оленей своего противник, случайно жена Дутки–Корба подслушивает план на бой Дилыки–Корба. Важно, чтобы в поединке выжил только один борющийся: «Надо мной смеяться, чалиться будут. Этакой удалой человек, а раненый ходит» [РФ Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, п. 779, л. 96].

Следует отметить, что для замедления повествования С.П.Киселев использует тройной повтор глаголов: «кочевали, кочевали, кочевали», «вострил, вострил, вострил» пальму, «стрелял, стрелял, стрелял». Данная сказка удивительна тем, что герои стоически относятся к возможной гибели героев, так жена Дутки–Корба замечает: «Может, он тебя убьет, нет – ты его убьешь. Это не узнать. Попусту не говори» [Там же, л. 95].

Сказку «Три богатыря» также рассказал С.П.Киселев. Видимо, сюжет – общеславянский, заимствованы некоторые образы из якутского фольклора, на это указывает Ю.И. Смирнов [РЭП, 1991, с. 423–434]. Речь в сказке идет о некоем человеке, который не знает «то ли с неба упал, то ли из земли вишёл», он решил сделать лук, не получилось. Пришел в город, увидел лук, который несут шесть человек, но тоже сломал на глазах у царя. Ему приносят лук, он не смог натянуть тетиву. Пришел в концевую юрту, где живут старуха «с выкопанным глазом, со сломанной ногой, со сломанной рукой», а старик тоже «рука-нога» сломаны, глаза нет. У него появляется имя – Дурак Сибиряк. Старик рассказал свою историю: он родился «у осса и матери», пошел в лес, заблудился. Видит – юрта, там «в онном углу – фляга с водкой» и кувшин. Вдруг, «стук застучел», гром загремел. Пришли двенадцать разбойников, вскочили в юрту, поймали меня и стали обыскивать, рассказчик признался, что выпил вино, его взяли в шайку.

Утром решили отдохнуть: видят, едет купец «на белом и черном конях». Двенадцать разбойников напали на купца, он при помощи «стросточки» расправился с ними. Герой попросился к купцу, тот завязал ему глаза, выехали. Приехали к юрте, герой снял повязку, в юрте отец, мать, три сестры. Стал жить у них. Трижды купец-богатырь уходит на битву, просит героя помочь по хозяйству, а после битвы помочь распрячь коня. Герою помогает старшая сестра хозяина. На третий раз герой помогает купцу-богатырю расправиться с третьим богатырем, берет перстень. Купец-богатырь требует отдать перстень, иначе богатырь очнется. Потом герой женится на сестре купца-богатыря, и все едут на бал к сару. Герой хвастается тем, что это они расправились с тремя богатырями – сыновьями сара. Вдруг оказывается, что богатырь, который расправился с тремя богатырями, переломал нашего героя и его жену. С тех пор они живут в этом городе. И ничем не хвастают [Там же, с. 299–302].

Сказка известна своими сюжетами, которые встречаются в былинах, что разобрал Ю.И. Смирнов [Там же, с. 423–424]. Однако связки характерны для якутских сказок. Место действия – эпическая среда, в которой реалии пейзажа отмечены якутскими образами, как и предметы быта. Так, основное жилье в сказке – «юрточка»; основное оружие – «ошилковый лук», «халгычка». Герой собирается охотиться на «зайцев» [Там же, с. 299-306; 423–426].

Исследованные тексты сказок показывают, что устные произведения, заимствованные из репертуара фольклора соседних этносов, получают русское звучание. Шла адаптация, которая показывает окружающий мир: ландшафт, предметы быта, обрисованы собственно народы, которые являются героями сказок. Так, рассматривая сказки, Г.Л. Венедиктов писал: «русские почитали здесь не только “хозяев” стихий, но даже бросали дары и “матушке-синю морю”», – и далее: «Это была крестьянская вера» [ФРУ, 1986, с. 14]. Сказки, усвоенные из фольклора соседних этносов, показывают героическое прошлое соседнего народа. Р.Н. Базилишина пишет: «Отсутствие же явно фантастического начала, близость событий к реальным жизненным ситуациям и типам людей делает их похожими или на предания и устные рассказы/сказы (“Опять промышленник”, “С аршин величиной человек”, “Дутки-корба и Делыки-корба”, “Чукчи” и аналогичные), или своей мистической подоплекой, иллюстрирующей возможности проявления сверхъестественного в повседневной жизни, приближает их к быличкам или легендам» [Базилишина, 2000, с. 13].

Следовательно, можно заключить, что в Русском Устье существовала особая фольклорная традиция, которую смогли зафиксировать собиратели фольклора – сотрудники Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР.

Архивные материалы

Материалы Этнографо-лингвистической экспедиции по изучению русского старожильческого населения низовьев р. Индигирки 1946 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп.3, п. 779, 122 л.; п. 780. – 90 л.

Литература

Базилишина Р.Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: сказки Русского Устья: автореферат дисс... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 22 с.

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз // Сборник ОРЯС. – Спб., 1901. – Т. 68. – № 4. – 346 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе / сост. Л.Н. Жукова; предисл. З.И. Ивановой-Унаровой. Якутск, 2005. – 272 с.

Матвеева Р.П. Устойчивость и подвижность элементов в вариантах сказочного повествования // Творчество сказителей: традиция и импровизация. – Улан-Удэ, 1998. – с. 20–39.

Новиков Ю.А. Динамика эпического канона. Из текстологических наблюдений над былинами. – Вильнюс, 2009. – 516 с.

Новиков Ю.А. Эпический мир и способы его художественного воплощения. Из текстологических наблюдений над былинами. – Вильнюс, 2013. – 360 с.

РЭП. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск, 1991. – 499 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ФРУ. Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л., 1986. – 384 с.

Charina O.I. Dynasties of Russian storytellers in Yakutia and the features of their repertoire (bylinas and historical songs as a case-study) // Journal of History Culture and Art Research. 2018. – No. 7 (3). – pp. 353–362. (на англ. яз.)

❖ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ ЯКУТИИ (об опыте интеллектуальной традиции 1920–1930-х годов)

Одной из определяющих в формировании гуманитарной науки Якутии стала филологическая составляющая. В представлениях первых якутских ученых-гуманитариев 1920-1930-х годов выделяется особый пласт общих тем, объединенных в аспекте создания национальной литературы, соотношения традиционного фольклорного исполнительства и зарождающейся письменной словесности, вопросов языкового строительства рубежа 1920–1930-х годов, проблем формирования литературного языка и графики письма, а также частных, на первый взгляд, вопросов филологического порядка (оппозиция стих/проза, поэтика олонхо и др.). Однако за всем этим стоит не столько круг специфически филологической проблематики, сколько общность интеллектуального плана, в совокупности обозначившей собой определенную плоскость культурного взаимодействия первых якутских интеллектуалов-гуманитариев. На примере научного творчества таких представителей этой традиции, как А.Е. Кулаковский и С.А. Новгородов, с одной стороны, П.А. Ойунский, Г.В. Ксенофонтов и Г.В. Баишев, с другой стороны, отчетливо прослеживается трансфер идей и преемственность особого рода, что нашло непосредственное выражение в общности филологической проблематики, в равной степени обсуждаемой как поэтами, так и первыми учеными.

Выстраиваемая линия преемственности, на первый взгляд, сугубо филологических вопросов, но глубинных по своей гуманитарной сущности, берет свое начало с последних статей А.Е. Кулаковского о *стихе* и *языке* (1925 г.) и казалось бы завершается высказанными все же «вслух» идеями Г.В. Баишева, давшими толчок к новому пониманию «поэтической формы» и «метрики стиха», к формированию тем самым новой научной парадигмы языка и поэзии, наметившейся уже в условиях рубежа 1920–1930-х годов. Неопубликованное наследие Г.В. Ксенофонтова в свою очередь свидетельствует о том, что обозначенная на междисциплинарном уровне традиция филологической интерпретации якутской словесной культуры не была прервана. Более того, она была заново переосмыслена и поднята ученым на кардинально новый уровень типологического обобщения «степной культуры Евразии»

уже к концу 1930-х годов и к началу новой волны репрессий. И здесь уже совокупность обсуждаемых вопросов вырисовывается в качестве особой цельности, преломляющей сложный филологический дискурс всей гуманитарной традиции 1920–1930-х годов. В его основе – устремленность к национальным (по поэтической форме) нарративам, но общемирового культурного уровня и значения – по своей смысловой направленности. Научная мысль первых якутских интеллектуалов оказалась не только преемственной, но и устремленной в будущее гуманитарной науки, во многом предвосхищая ее междисциплинарное измерение.

С.И. Шарина

Якутск, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

❖ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА)

Российский Север является областью особого культурного, политического и экономического взаимодействия разных народов на протяжении многих столетий и имеет особое значение для народов, проживающих в данном пограничье.

Якутия – регион с уникальными природно-климатическими, экологическими условиями, где в результате сложных этногенетических процессов, в которые были вовлечены разнородные группы северных кочевников – их сближения и тесного этнокультурного взаимодействия, сформировались определенные этнические общности с присущими им антропологическими особенностями, со своеобразной системой природопользования, этнографическим комплексом, собственными языками и самосознанием.

Территория современной Якутии и в настоящее время может претендовать на особый статус пограничья, резидентами которого выступают представители 5 коренных малочисленных народов Севера (эвены, эвенки, чукчи, юкагиры, долганы), которые, будучи включенными в массив иной культуры, становятся субъектами различных социокультурных процессов в силу своего положения – на границе.

Эвены – носители своеобразной системы традиционного природопользования, языка и уникальной культуры со своими особенностями. Нас интересует собственно лингвистический аспект межкультурных взаимодействий.

Эвены на территории Якутии проживают компактными группами в Аллаиховском, Кобяйском, Момском, Нижнеколымском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском и ряде других улусов республики. Начало освоения тунгусами тундры Северо-Восточной Якутии датируется XII – началом XIII вв. В процессе исхода на север тунгусы ассимилировали аборигенные племена коряков и юкагиров [История и культура эвенов, 1997]. В фольклоре эвенов сохранилось немало сюжетов о военных столкновениях с коряками, но впоследствии вражда уступила место культурному взаимодействию, часть эвенов Охотского побережья переняла палеоазиатскую культуру. Так, эвены, будучи включенными в массив иных культур, становятся субъектами различных социокультурных процессов, межкультурных взаимодействий, что находит отражение почти на всех уровнях языка эвенов.

Особенности современной языковой ситуации у эвенов РС (Я) определяются несколькими факторами.

1. Среди эвенов, как и у других представителей коренных малочисленных народов Севера, наблюдается постепенная утрата родных языков. Степень владения коррелирует с возрастом носителей, интенсивный размах приобретают ассимиляционные процессы. Однако языковая ситуация в отдельно взятых местах компактного проживания эвенов неоднозначна. В силу хозяйственно-культурной специфики определенных групп языковая ситуация остается благоприятной для пользования устным и письменным языком в 4-х населенных пунктах компактного проживания эвенов: в селах Березовка Среднеколымского, Себян-Кюель Кобяйского, Тополиное Томпонского и Андрышкино Нижнеколымского улусов. В данных поселениях пользуются родным языком почти все поколения, бытует разговорная речь, читают и пишут на эвенском языке. В Аллаиховском, Момском, Оймяконском, Усть-Янском районах отмечается сохранение разговорного эвенского языка у представителей старшего поколения и в однонациональных производственных

коллективах (оленоводческих, рыболовецких общинах), внутри отдельных семей. В остальных районах эвенский язык встречается у единичных представителей этноса старшего поколения и практически утрачен у других поколений (Абыйском, Булунском, Верхнеколымском, Верхоянском, Эвено-Бытантайском).

Представляется, что на фоне этих условных 3-х групп мы имеем некую схему языкового сдвига, который определяется языковым окружением, численностью этноса, уровнем традиционной хозяйственной деятельности, престижем языка, его воспроизводством и языковой политикой государства.

2. Второй фактор – этносоциальный: для большинства эвенов РС (Я) исторически характерно эвенско-якутское двуязычие, а в XX в. – эвенско-якутско-русское трехязычие. Ситуация в приведенных селах первой группы с более благоприятной обстановкой с эвенским языком близка к полноценному дву- или трехязычию. Очевидно, что для большинства эвенов республики якутский язык играет практически ту же роль, что и русский язык для других групп эвенов, в том числе, он выполняет роль языка межэтнического общения. Для отдельных улусов, таких, как Нижнеколымский, характерно многоязычие, выраженное в распространении эвенского, юкагирского, чукотского и якутского языков и диалекта русских старожилов-колымчан за пределами соответствующих этносов. Присутствие многих начал в языке, культуре, их интеграция создает уникальную ситуацию в данном районе. Характер использования языков как средств межэтнического общения требует специального исследования.

3. Наличие интерференции на определенных уровнях эвенской языковой системы. При интерференции отмечается изменение одного языка под влиянием другого. Этот феномен проявляется как в устной, так и в письменной речи.

Фонетическая интерференция. Интерференция отмечается на всех уровнях языка, но особенно заметна в фонетике. Диалекты и говоры эвенов Якутии характеризуются наличием своеобразных фонетических черт, отличающих их от диалектов эвенов Магаданской области, Камчатки, Хабаровского края, Чукотки и Корякии.

Ряд таких черт может рассматриваться как прямое влияние якутского языка. Например, переход инлаутного сибиллянта [с] в фарингальный [h]: аналогичный переход характерен для якутского языка (*сарсын/һарсын* `вчера` (як.) и *осикат/оһикат* `звезда` (эв.)). Остается дискуссионным статус некоторых фонетических признаков эвенских диалектов Якутии (о-образное произношение кратких гласных непервых

слогов для языка кобьайских эвенов некоторые языковеды признают диалектной чертой, другие «оканье» считают признаком якутского акцента).

Для носителей эвенских диалектов Якутии, владеющих якутским языком, в особенности для молодежи, характерно интенсивное влияние якутской фонетики на звуковую строй эвенского языка, в их произношении дифтонгизуются эвенские долгие гласные, переднерядный гласный [э] заменяется якутским гласным [э], имеющим значительно более переднюю артикуляцию, переднерядный гласный [у] заменяется также значительно более продвинутым вперед, нежели эвенский гласный звуком, похожим на якутский [ү].

Наличие в русском языке фонемы [ы] и заднерядного гласного [ы] в якутском языке при отсутствии сходных звукотипов в эвенском обусловило ассоциации с этими гласными редуцированных оттенков кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах эвенских слов, хотя данные гласные не являются ни реализациями одной особой фонемы, ни оттенками двух фонем - это всего лишь позиционные оттенки кратких гласных [а] и [э] (*эвыһыл* вместо *эвэһэл* `эвены`, *амтылкан* вместо *амталкан* `вкусный`).

Обратное воздействие эвенского языка на якутский язык отмечается в речи билингвов. Щелевой заднеязычный глухой [х] заменяется смычным глухим [к] (*барекка* – *кэлеккэ* вместо *барыхха-кэлиэххэ* `досл. «пойти-прийти», не оставаться на одном месте`). Смычный и щелевой звонкий заднеязычный [б] ассоциируется со звонким заднеязычным [г] (*догор*, *бэгэһээ*, *багар*). Якутский [ү] заменяется переднерядным гласным [у] (*утумэ*, *урэр*).

Воздействие эвенского языка на русскую речь якутских эвенов минимально, можно отметить только произношение русской аффрикаты [ч] как [т'] и замену аффрикаты [ц] щелевым [с] даже в позиции начала слова. В русской речи эвеноязычные информанты иногда выговаривают переднеязычный [л] как [л']. То же можно сказать про сонорный губной [w], которым заменяется звук [в].

Лексические взаимопроникновения. Анализу лексических заимствований в эвенском языке и из эвенского языка была посвящена масса работ. Так, характерное для всех тунгусо-маньчжурских языков большое число монголизмов (определяемые как стародавние заимствования) можно объяснить их ранними тесными контактами с монголами.

В языке якутских эвенов отмечается большая частотность лексических заимствований из русского, якутского, и из юкагирского языков [Лебедев, 1978]. Заимствования в большей массе составляют лексические варианты, то есть разные

обозначения одного и того же понятия – явление, которое может быть присуще языковой формации и быть терпимым; помимо всего прочего, лексические варианты могут составлять отдельный тип или части синонимических рядов слов (школа, но *хупкучэк* `школа`; рабочайил, но *гургэвчимнэл* `рабочие`).

В крайне-западных говорах эвенского языка (нижнеколымский и аллаиховский) функционируют юкагирские заимствования, например: *налима* `нарты`, *амун* `кость`, *киэ* `друг, товарищ`, *пурахиль* `поморка`, *пипси* `птенец`, *вадул* `юкагир`, *вадул тўрэн* `юкагирский язык`, *сисха* `палец`, *сахла* `сова`, *пурахил'* `поморка`, *хал'арха* `розовая чайка`, *эмд'э* `младший брат, младшая сестра`, *киага* `дедушка`, *эпиэ* `старшая сестра отца` *иидиэ* `невестка`, *чамийā* `старшая сестра мамы`, *эвд'уо* `младшая сестра отца`, *чимуочиэ* `старший брат отца` *навд'ā* `старший брат мамы`, *чинд'иликэ* `серая песчанка`, *панѓа* `петушки`; *н'оңгалѓа* `тўрпан`, *пипаль* `плавунчик`, *чохани* `жук`, *ондй* `вода`, *аңинд'а* `большой гусь`, *летиңи* `грязный`, *лориңи* `морщинистый` [Дуткин, 1995].

В нижнеколымском говоре отмечается употребление чукотского слова *в'эл'вил'* `выбивалка из рогов оленя, лося для очистки одежды от снега`.

Диалекты и говоры эвенов Магаданской области, Камчатки, Хабаровского края, Чукотки и Корякии характеризуются наличием своеобразных черт в области лексики: относительная редкость заимствований из якутского языка; присутствие корякских заимствований в результате межкультурных взаимодействий эвенов с коряками: *атват* `долбленая лодка` (< коряк. *гытвэт*), *уткучэн* `капкан, мышеловка` (< коряк. *уткуч'ын*), *конайтэ* ` меховые брюки` (< коряк. *конайтэ*), *окбни* `плащ-дождевик` (< коряк. *уккэнчи*), *кэңкэр* `шест для понукания оленей при езде на нартах` (< коряк. *кэңкэл*), *муңкэл* `застежка в упряжи` (< коряк. *мумкыл*) и др. [Бурыкин, 2004, с. 72]. В эвенском языке редко встречаются слова эскимосского происхождения: в арманском диалекте слово *тумтий* `звезда` соотносится с эскимосским *туңту* `Большая Медведица` [Там же, с. 83].

В северных диалектах якутского языка отмечается довольно значительное количество эвенизмов, в особенности в сфере оленеводства (*турку* `сани`, *ньообуһут* `передовой олень`), рыболовства (*чынгыт* `удочка`), охоты (*хойобуннатыы* `ранить зверя`), природы (*урбат* `черная смородина`, *хабдыы* `куропатка`).

Интерференции на морфемном уровне: в говорах эвенов Якутии не используется направительно-местный (-кла/-клэ) и направительно-продольный (-кли) падежи. Их значение, равно как и в якутском языке, передается с помощью послелогов *хат*, *холи* `около, вблизи`: *Дётис хатлин орчачакар оңкогарар*. `Около наледи много оленей паслось`. В говорах эвенов Якутии (за исключением березовского) отмечается

отсутствие формы 1 лица множественного числа *бу`мы* (без вас)` (исключительная форма). Характерно также отсутствие словообразовательного суффикса *-с* для обозначения шкуры зверя (*уямкас – уямкан нандан`шкура горного барана`, хуличас – хуличан нандан`шкура лисы`*).

В языке северных якутов используется эвенский суффикс субъективной оценки – *ндя* с оттенком увеличения (*хайандьаа`большая гора`, киһиндьээ`большой человек, человецище`*), суффикс *-кан/-чан* с оттенком уменьшительности.

В нижнеколымском говоре отмечается конструкция, включающая причастие будущего времени на *-диңа*, оформленное суффиксом принадлежности *-лкан*, которая обозначает обязательное выполнение действия в будущем. Здесь явно усматривается схема формирования якутского причастия, имеющего значение долженствования, который образуется посредством аффикса обладания *-лаах*: *этиэх=тээх`должен сказать (он, она), биэриэх=тээх`должен отдать (он, она)`* (сравни: *ат=таах`имеющий коня (он, она), сон=ноох`имеющий пальто (он, она)`*). Например: *Ноҕун эрэв униуив дэбиддиңэлкэн.`Он сегодня должен поесть`. Тимина энму йами-да унтав һаңандиңалкан.`Завтра моя мать обязательно должна сшить унты.`*

Конструкция типа *һадиңалкан биһэм`я должен знать`*, также употребительная в нижнеколымском говоре, образована по следующей формуле: причастие будущего времени на *-диңа* + суффикс принадлежности *-лкан*, образующий прилагательные со значением обладания, + вспомогательный глагол *бидэй`быть`*, оформленный показателями лица и числа. Данная конструкция является калькой из якутского языка. Рассмотрим образование якутской долженствовательной причастной конструкции *билиэхтээх буоллабым`должен знать (я)`, барыахтаах буоллаҕа`должен уйти, уехать (он(а)), ааһыахтаах буоллаҕын`должен читать (ты)`: причастие на *-ях* + аффикс обладания *-лаах*, + модальное слово *буоллаҕа*, образованное от глагола *буол`быть*, *стать`* + аффиксы сказуемости.*

Синтаксическая интерференция. В языке якутских эвенов отсутствует согласование определения с определяемым в падеже и числе (равно как и в якутском): *Бэргэ буюр тонэр далилин елтэнитэн.`Жирные дикие олени прошли вдоль озера`. Акму надан хусилбу эмун.`Старший брат семь гусей принес`.*

Таким образом, процессы пересечения культурных границ, межкультурных взаимодействий весьма четко актуализируются на всех уровнях языка эвенов. В результате взаимодействий эвенов с другими народами в эвенском языке обнаруживаются следующие особенности:

1. Для эвенского языка, как и для других тунгусо-маньчжурских языков, характерно большое число монголизмов, определяемых как стародавние заимствования.

2. У определенных территориальных групп эвенов в области лексики отмечается большая частотность лексических заимствований из русского, якутского языков.

3. В восточных говорах эвенского языка регистрируется бытование незначительного количества корякских заимствований и единичные слова эскимосского происхождения.

4. В крайне-западных говорах эвенского языка обнаруживаются юкагирские лексические заимствования.

5. В эвенских говорах Якутии почти на всех уровнях эвенской языковой системы прослеживается интерференция, которая заметна в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе. Интерференция в данном случае является неизбежным фактором или неким промежуточным уровнем при постепенной утрате языка, что демонстрируют говоры эвенов Якутии различной локализации. С другой стороны, в результате территориального сближения и тесного этнокультурного взаимодействия в течение длительного времени народы Северо-Востока Азии демонстрируют способность к продуктивному сотрудничеству и взаимообогащению, насколько это позволяет доминантное общество в силу отсутствия/присутствия их полноценного диалога.

Интерференция в данном случае является неизбежным фактором или неким промежуточным уровнем при постепенной утрате языка, что демонстрируют говоры эвенов Якутии различной локализации.

Литература

- Бурыкин А.А.** Язык малочисленного народа в его письменной форме – СПб., 2004. – 373 с.
Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии – СПб.: Наука, 1995. – 144 с.
История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки: колл. монография / В.Л. Туголуков, В.А. Тураев, Б.А. Слеваковский, Н.В. Кочешков и др.; отв. ред. В.А. Тураев; худ. А.И. Слепушкин. – СПб.: Наука, 1997. – 180 с.
Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии – Л.: Наука, 1978. – 208 с.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных статей

Электронный ресурс

Издатель:

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук»

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел: +7 (411) 236-14-49

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

Формат 60x90 1/8. Усл.п.л. 23,75. Уч.-изд. л. 11,97.

Объем издания: 14,3 Мб.